

МВД России
Санкт-Петербургский университет

А. В. Плетнев

**ИССЛЕДОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО
ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА
В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Монография

Санкт-Петербург
2025

УДК 930.85
ББК 63.3(2)
ПЗ8

ПЗ8 Плетнев, Александр Владиславович. Исследование молодежного экстремистского дискурса в цифровом пространстве : монография / А. В. Плетнев ; Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. – 160 с. : ил., табл. ; 21 см. – 50 экз. – ISBN 978-5-91837-966-0.

ISBN 978-5-91837-966-0

EDN: NFZTPO

Общение представителей молодых поколений в современном обществе имеет тенденцию все более перемещаться в цифровое пространство. Это влияет на характер коммуникации, формирование ценностей становление личности представителей молодежи. Цифровая коммуникация удобна для молодежи, однако она порождает риски бесконтрольного распространения социально деструктивных явлений, девиантного и преступного поведения. Цифровое пространство используется для распространения экстремистских идеологий, экстремистских ценностей и практик. Взаимодействие в цифровом пространстве индивидов, разделяющих экстремистские идеи, их объединение в тематические сообщества способствует формированию экстремистского дискурса в цифровом пространстве. Данная проблема не только актуальна для теории и практики правоохранительной деятельности, но и крайне слабо разработана в отечественной научной литературе.

Издание предназначено для курсантов, слушателей и адъюнктов, научно-педагогических работников образовательных организаций системы МВД России.

УДК 930.85
ББК 63.3(2)

Рецензенты:

Мелихов А. И., доктор юридических наук, доцент
(Академия управления МВД России);

Войтов А. В., кандидат социологических наук, доцент
(Волгоградская академия МВД России)

ISBN 978-5-91837-966-0

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
ГЛАВА 1. ЭКСТРЕМИСТСКИЙ ДИСКУРС КАК ФАКТОР ДЕВИА- НТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ	7
1.1. Определение экстремизма в социальных науках.....	7
1.2. Специфика молодежного дискурса	31
ГЛАВА 2. ГЕНЕЗИС ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	57
2.1. Особенности цифрового пространства как дискурсивной среды молодежи.....	57
2.2. Проявления экстремизма в цифровом молодежном дискурсе.....	68
ГЛАВА 3. ВОЗМОЖНОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА В ЦИФРОВОМ ПРО- СТРАНСТВЕ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ.....	104
3.1. Социальные и экономические детерминанты распространения экстремистского дискурса в цифровой среде	104
3.2. Институциональные и технологические возможности профилактики экстремизма в цифровой среде	135
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	142
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	146

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время коммуникация и социализация молодежи все более проходит в цифровой среде. Цифровизация становится крайне интересной темой для социальных наук в целом и перспективной темой для изучения специалистов криминологической направленности. Красной нитью всех публикаций выступает проблема цифрового разрыва, не способность представителей старшего поколения достаточно эффективно коммуницировать в цифровом пространстве и использовать цифровые сервисы. При этом представители молодого поколения также испытывают проблемы в сфере цифровой коммуникации, связанные с деформирующим влиянием социотехнического общения на индивида. Помимо очевидных проблем замены эффективного общения цифровой социализацией существуют и латентные проблемы, которые представляют для нас огромный интерес. Данные проблемы связаны с социализацией молодежи в цифровой среде, которая может содержать экстремистские ценности, литературу экстремистской направленности. Зачастую именно цифровое пространство становится пространством рождения экстремистских групп. Указанное обстоятельство обуславливает теоретическую актуальность данного исследования. Практическая актуальность исследования формирования экстремистского дискурса в молодежной среде связана с недостаточным количеством научных исследований в данной сфере, недостаточным количеством научных публикаций. При этом специалисты и практики нуждаются в такой литературе для выстраивания социальных программ и реализации целостной, продуманной политики по профилактике и предотвращению экстремизма.

Практические и теоретические аспекты актуальности исследования позволяют сформулировать научную проблему данного исследования:

изучение цифровой среды как пространства генезиса экстремистского дискурса. Множество существующих публикаций по проблеме экстремизма отражают проявления экстремизма в цифровом пространстве, но не исследуют проблемы его генезиса в цифровой среде. Такая постановка вопроса не позволяет предотвращать появление проблемы, а позволяет только работать над устранением ее последствий.

Гипотеза представленного исследования заключается в том, что цифровая среда обладает определенными институциональными и содержательными особенностями которые могут способствовать привитию молодежи и экстремистских ценностей и подстрекательству к экстремистским практикам.

Целью представленного исследования является изучение факторов появления экстремистского дискурса в процессе цифровой коммуникации молодежи.

Для достижения указанной цели более сформулированы следующие задачи:

1. Проанализировать основные понятия исследования, такие как дискурс, экстремизм, экстремистский дискурс, цифровая среда, цифровая коммуникация, виртуализация.

2. Выявить основные факторы генезиса экстремистского дискурса в цифровой среде.

3. Обозначить виды экстремистского дискурса.

4. Изучить экстремистские дискурсивные практики в цифровой среде.

5. Составить по итогам проведенного исследования аналитический отчет.

Методология данного исследования опирается на индуктивную стратегию в рамках понимающей социологии. Методологическими ориентациями исследования являются: на уровне эпистемологии: интерпретативизм, на уровне онтологии номинализм и конструктивизм.

Теоретической ориентацией исследования является концепция виртуализации Д.В. Иванова. Виртуализацию в рамках данной концепции следует понимать не как процесс компьютеризации обыденной жизни, а как процесс реализации в цифровом пространстве реальных социальных процессов. Эмпирические методы исследования: контент-анализ, сетевой анализ. Теоретические методы: герменевтика, феноменологическая редукция.

В целом при рассмотрении проблемы генезиса экстремизма в среде молодежного дискурса большое внимание будет уделено социальным предпосылкам его возникновения. Выявление глубинных причин феномена является первостепенной задачей любой научной работы. В данном случае исследование опирается на социологическую теорию, которая объясняет появление любой формы девиантного поведения (включая экстремистское) развитием процессов социальной аномии в обществе. В ходе исследования будет уделено большое внимание обоснованию аномии как фактического латентного источника экстремизма.

Также необходимо понимать, что цифровая среда является сферой распространения социальных процессов, но не их источником. Экстремистские высказывания и формирование экстремистских ценностей в цифровой среде обусловлены указанными социальными причинами, но не являются следствием появления или распространения интернета. Цифровая коммуникация в данном случае является только одной из сфер социальной коммуникации в целом.

ГЛАВА 1

ЭКСТРЕМИСТСКИЙ ДИСКУРС КАК ФАКТОР ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

1.1. Определение экстремизма в социальных науках

Рассмотрим общую характеристику экстремизма как социального феномена. Изучение понятия и причин современного экстремизма следует начинать с рассмотрения этого понятия в исторической перспективе. Хотелось бы отметить, что «его появление в лексиконе относится к эпохе религиозных войн (XVI–XVII вв.). Связано это было с тем, что во времена политической и религиозной поляризации общепринятые слова, словосочетания и выражения, не позволяли достаточно точно описать явление, воспринимаемое как экзистенциальную угрозу» [1, с. 58]. Например, во Франции и Англии в XIX веке экстремизм стал понятием, которое изначально выражало «большой страх перед надвигающимся непонятным будущим» [2, с. 20]. Для этих стран в XIX веке непонятным будущим были последствия политического радикализма представителей марксистского учения. В связи с этим все, что относится к ранней истории появления дефиниции «экстремизм» относятся в первую очередь к характеристике левого крыла экстремистских организаций. Представители крайне левого крыла марксистов «считали одной из своих целей уничтожение политических лидеров» [2, с. 21] оппонентов. Подобный стихийный генезис данного понятия, а также его обширное употребление требует пристального рассмотрения социальной и юридической сущности экстремизма. Слово «экстремизм» в настоящее время относятся, к так называемой «обыденной науке», но подлинное научное «исследование

экстремизма требует его логического и феноменологического отграничения от смежных, взаимосвязанных, сущностно близких ему явлений и процессов» [3, с. 118]. Далее в двадцатые года XX века на повестку дня в Италии вышло такое общественно-политическое движение как фашизм. И после марша боевиков Национальной фашистской партии на Рим, который состоялся в 1922 году, спектр субъектов, которые способны встать на путь экстремизма, был расширен. Было очевидно, что его субъектами теперь стали не только крайне левые, но и крайне правые представители политического спектра.

В настоящее время перечень субъектов экстремизма существенно расширяется. Можно уверенно сказать, что основными субъектами современного экстремизма выступают государство в целом и его институты. Экстремистские действия совершают такие государства, которые считают, что достигать поставленные ими цели можно с применением мер насилия. Если мы обратимся к современному положению дел, то увидим, что существует такое государство как Соединенные Штаты Америки, которое считает, что оно без санкции Организации Объединенных Наций (ООН) и Совета Безопасности ООН могут объявлять войну, наносить ракетные удары, завоевывать территорию других стран. Агрессии подвергаются такие государства, в которых, по убеждению США, игнорируют насаждаемые ими американские ценности. Подобной агрессии подверглись Гренада и Панама, Ирак и Ливия, Афганистан и еще много других государств. Государство и его институты сегодня выступают в качестве основного субъекта современного экстремизма.

К современным субъектам экстремизма можно зачастую отнести различные социальные группы, политические партии и другие организации, которые занимаются политикой. Многие партии в настоящее время делятся в первую очередь на правые националистические, левые социалистические, коммунистические. Также субъектами

экстремизма часто являются религиозные организации, особенно представители их фундаменталистского толка¹.

История также свидетельствует о том, что очень часто субъектами экстремизма выступают представители различных этносов и наций. Это происходит в том случае, когда между этими социальными группами возникают какие-то проблемы. Например, мы знаем непростые отношения между различными этносами, которые сегодня населяют Ирак. В странах Европейского Союза отдельные этносы ведут борьбу за государственный суверенитет в тех регионах, которые они сегодня населяют. Это происходит в Испании, где каталонцы, как самостоятельный этнос, хотят выйти из состава королевства.

Мы рассмотрели основные субъекты, которые в настоящее время участвуют в экстремистской деятельности. Далее необходимо рассмотреть причины, которые подталкивают их встать на путь экстремизма. Можно выделить такую базовую причину как разнополярность взглядов на достижение тех или иных целей. При этом возможно самые разнополярные интересы согласовать и решить за столом переговоров. В этом случае мы не можем назвать этих субъектов экстремистами. Экстремистами мы назовем их только тогда, когда они для достижения своих целей применяют насилие. Мы назовем их крайними экстремистами, когда это насилие переходит в геноцид или шовинизм. Это основные субъекты и базовые причины современного экстремизма.

Основными объектами экстремизма является то, что интересует перечисленных выше субъектов — это конституционный, правовой строй государства, его политический режим, территориальное устройство, права и свободы человека гражданина определенной социальной группы (например, этноса или расы) и т. д. Объектами экстремизма

¹ Это, в частности, такие террористические организации, запрещенные в Российской Федерации, как «Аль-Каида», «Исламское государство», «Ансоруллох» и др.

могут быть конкретные политические лидеры, действиями которых недовольна та или иная социальная группа. В этом случае экстремисты планируют уничтожение политических лидеров противника. Делается это для того, чтобы противники экстремистов не приняли такое решение, которое предположительно нанесет ущерб той социальной группе, от имени которой действуют экстремисты. Сущность экстремизма заключается в радикальном, насильственном, противозаконном способе решения поставленных задач.

Перейдем к рассмотрению трактовок сущности экстремизма. Здесь мы можем отметить, что не существует единого универсального подхода к определению понятия «экстремизм».

В частности, в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» определено, что «экстремизм — это какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством»² [4]. То есть мы видим здесь четкий подход, согласно которому экстремизмом является деятельность, которая осуществляется через насилие.

Если же посмотреть на формулировку, данную Парламентской Ассамблеей Совета Европы³ то виден другой подход где «независимо от своей природы экстремизм представляет собой форму

² О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом : Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 155.

³ Threat posed to democracy by extremist parties and movements in Europe [Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе] : Resolution 1344 (29 September 2003) // Parliamentary Assembly. URL: <https://pace.coe.int/en/files/17142/html> (дата обращения: 08.01.2025).

политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультра-национализма». Здесь очевидно, что тот, кто не согласен с принципами парламентской демократии уже экстремист. А кроме того очевидно, что если это не форма политической деятельности (а, например, форма религиозной деятельности или какой-либо другой) то здесь уже проблематично деятельность в сфере религии отнести к экстремизму. Это противоречие приводит к тому, что в различных государствах экстремистские проявления по-разному понимаются, к ним применяются различные меры, которые не тождественны во всех государствах.

Что касается Российской Федерации то согласно п. 5 ст. 13 Конституции «запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни»⁴. Также «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам» (п. 2 ст. 21 Конституция Российской Федерации). Данные положения Конституции со всей очевидностью запрещают экстремистские формы деятельности.

Формирование понятия «экстремизм» в российском законодательстве начинается с Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 08.01.2025).

«О противодействии экстремистской деятельности»⁵. Экстремизм трактуется здесь как:

– насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами;

– публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

– возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

– пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

– воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

– совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

⁵ О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 15.05.2024) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

– использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в т. ч. путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг⁶.

Таким образом, закон здесь определяет довольно широкий спектр деятельности, которая может иметь экстремистский характер.

Аналогичную трактовку экстремизму дает Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»: экстремизм — это «идеология насилия и практика воздействия на принятие

⁶ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»⁷.

Впоследствии уже в 2020 году была принята «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»⁸, где экстремизм трактуется как угроза национальной безопасности. Данная стратегия определяет целый ряд понятий, связанных с экстремизмом и практиками противостояния этому явлению:

«Для целей настоящей Стратегии используются следующие основные понятия:

а) идеология насилия — совокупность взглядов и идей, оправдывающих применение насилия для достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей;

б) радикализм — бескомпромиссная приверженность идеологии насилия, характеризующаяся стремлением к решительному и кардинальному изменению основ конституционного строя Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации;

в) экстремистская идеология — совокупность взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов;

г) проявления экстремизма (экстремистские проявления) — общественно опасные противоправные действия, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или

⁷ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

⁸ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 // СЗ РФ. 2020. № 22. Ст. 3475. Документ утратил силу.

религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и региональных конфликтов, а также угрожающие конституционному строю Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации;

д) субъекты противодействия экстремизму — федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления;

е) противодействие экстремизму — деятельность субъектов противодействия экстремизму, направленная на выявление и устранение причин экстремистских проявлений, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, минимизацию и (или) ликвидацию их последствий»⁹.

Описанная стратегия рассматривает феномен экстремизма системно определяя также его формы и источники возникновения. По сути, экстремистская идеология — это система взглядов, которая противоречит положениям Конституции Российской Федерации. Из рассмотренных определений, очевидно, что радикализм является основой экстремистской деятельности. Причем это признано во всех государствах мира, признано всеми международными и отечественными экспертами, учеными, практиками, что в основе экстремизма лежит радикализм. Радикализм — это приверженность идеологиям, которые способствуют негативным политическим действиям, таким как покушение на конституционный строй и территориальную целостность Российской Федерации.

Исходя из этого, хотелось бы отметить, что при рассмотрении уголовных статей, которые относят ту или иную деятельность к экстремизму, возникают определенные вопросы, как у практиков, так

⁹ СЗ РФ. 2020. № 22. Ст. 3475.

и у представителей власти и экспертов. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации в стране действует более 150 экстремистских группировок, которые включает в себя более 10 тысяч человек. Здесь необходимо отметить, что значительное число людей в этих группировках представляют именно молодое поколение. При анализе этой проблемы «исследователи отмечают, что молодые экстремисты, как правило, еще не имеют достаточного опыта для «полноценного» проведения своих акций, отличительными чертами экстремизма молодежи и несовершеннолетних являются его меньшая организованность, стихийность, отсутствие идеологической основы» [5, с. 129]. Основная масса экстремистских группировок сосредоточена там, где активно работает бизнес — это города Москва, Санкт-Петербург, Ростовская, Воронежская, Самарская Мурманская и Нижегородской области.

Помимо социально обусловленных и идеологических факторов радикализации молодежи можно выделить также и личностные факторы. На практике «личные мотивы, как правило, переплетаются с идеологическими в различных пропорциях. Их преимущества и недостатки зависят от конкретного случая, но вместе они составляют мотивационную основу экстремистского сознания. Что касается идеологических мотивов, то мотивационная основа националистического и сепаратистского терроризма часто значительно крепче социально-политической, поскольку связана с кровными узами и семейными традициями, передается из поколения в поколение и закладывается с самого детства» [6, с. 89]. Это обстоятельство демонстрирует необходимость изучения природы молодежного экстремизма и изучения возможностей профилактики молодежного экстремизма с опорой на серьезную междисциплинарную научную основу.

Далее рассмотрим сущность феномена радикализации. Подход к рассмотрению радикализации с точки зрения стратегии по противодействию экстремизму это преимущественно политический подход.

В то же время анализ научных трудов и анализ законодательства других стран показывает, что в широком смысле радикализацию можно рассмотреть, как активное насаждение или принятие далеко идущих изменений в обществе, которые могут представлять опасность для демократии и могут быть связаны с угрозой или применением насилия для достижения поставленных целей. Это широкая трактовка, которая позволяет не придерживаться конкретно определенной сферы, а рассматривать радикализацию во всех сферах жизнедеятельности общества и относить к ней то или иное деструктивное деяние, которое преследует цели глубоко и далеко идущих изменений в обществе.

Существует также понятие «насильственная радикализация», когда акцент ставится на активной реализации и на принятии использования насилия для достижения поставленной субъектами цели. Из этого можно сделать вывод, что радикализация — это активное насаждение и принятие далеко идущих деструктивных изменений в обществе, и она является уголовно наказуемой. Фактор использования насилия оценивается многими российскими учеными и практиками как решающий фактор превращения радикализма в экстремизм. Так мы можем говорить, что радикализация это:

«а) процесс, в ходе которого люди или группы людей становятся приверженцами определенных радикальных идей или сторонниками коренных преобразований, либо

б) процесс, связанный с применением радикальных методов осуществления своих целей» [7, с.66].

При этом если индивид считает, что необходимо то или иное действие, которое направлено на далеко идущие изменения в обществе, это еще не является уголовно наказуемым деянием. В том случае если индивид начнет реализовывать свое мнение на практике, то тогда его действия подпадают под понятие насильственной радикализации, и в этом случае к нему уже могут применяться действия уголовного

законодательства. Примеры подобного перехода политического радикализма от мнения к практике можно было видеть в Германии в 2016 году, когда группа жителей Германии изъявила желание уехать на Ближний восток для поддержки террористической организации ИГИЛ¹⁰, которая запрещена в Российской Федерации. На этом примере мы видим, что активное влияние на радикализацию этих людей, которые приняли решение использовать насилие, оказала агитация среди мигрантов выходцев с Ближнего Востока и Северной Африки. Влияние интернета, участие в изучении исламистской теории — это те направления, которые позволяют рекрутерам набрать рекрутов для террористических и экстремистских организаций. Хотелось бы отметить, что несмотря на то что существует широкое понятие радикализации международное сообщество, международные правовые органы так и не смогли прийти к консенсусу по данному вопросу.

Например, если взять подход Министерства внутренних дел Великобритании, то мы узнаем, что радикализация — это процесс посредством которого люди поддерживают терроризм и насильственный экстремизм, а в некоторых случаях и присоединяются затем к террористическим группам. Разведывательная служба Дании считает, что радикализация — это процесс, в ходе которого человек в большей степени применяет не демократические или насильственные средства, включая терроризм, при попытке достижения определенной политической или идеологической цели. Здесь мы уже видим более конкретный признак радикализации — это применение насильственных средства так же четкое ограничение, что это происходит сфере политики или идеологической сфере. Значит, мы под это определение уже не можем подвести этно-религиозные цели. При этом «в Нидерландах процесс радикализации был охарактеризован голландской разведывательной

¹⁰ Организация, признанная в соответствии с законодательством Российской Федерации террористической.

службой, как повышенная готовность применять недемократические методы или средства для навязывания обществу чувства страха» [8, с. 35]. То есть если индивид готов применять недемократические методы, но еще не применил, значит он уже подпадает под уголовное преследование.

Если обратиться к Бельгийской аналитической группе управления по вопросам безопасности, то здесь она пошла еще дальше и считает, что «радикализация есть процесс который ведет к насилию и который включает в себя три стадии: сам радикализм, экстремизм и крайнюю стадию — терроризм» [9, с. 5]. Но если эти стадии проанализировать, то становится очевидно, что для того чтобы тот или иной индивид вступил на путь крайне насильственной радикализации и вступил в террористическую экстремистскую организацию необходимо одно условие. Он это сделает только тогда, когда у него нет альтернативы для достижения поставленной цели. Европейский подход позволяет сделать вывод, что если индивид не вступил в какую-либо экстремистскую террористическую организацию, но имеет определенное мнение, которое направлено против существующей власти, но не стал это мнение реализовывать на практике, то он не является угрозой обществу. Мы не можем утверждать, что этот радикал относится к категории экстремистов или террористов. При этом необходимо отметить, что убеждения индивидов могут привести их к высказыванию определенных утверждений, а далее к экстремистским действиям. В этом смысле отечественный подход к определению экстремизма является более плодотворным, поскольку затрагивает истоки данного феномена. Экстремистски настроенный индивид может самостоятельно и не предпринимать насильственных действий, но склонить к этому иных лиц, которые предпримут такие действия.

Если же рассматривать подход правоохранительных органов Соединенных Штатов Америки, то здесь интересно проанализировать

мнение департамента полиции Нью-Йорка, которое было высказано в 2007 году. Мы ранее рассмотрели бельгийские уровни радикализации, а здесь вместо трех выделены четыре уровня радикализации индивида — «это предварительная фаза радикализации или поиск ее происхождения, после этого наступает этап идентификации, где индивиды начинают обнаруживать радикальную идеологию, общаться с теми, кто имеет схожие взгляды. Третья стадия радикализации, где вера в радикальные идеалы усиливаются и укрепляются. И четвертая стадия — это фаза атаки, непосредственно терроризм, где участники соглашались с тем, что участвовать в теракте это их обязанность» [10]. Здесь встает вопрос о том, на каком из этих этапов можно утверждать, что перед нами непосредственно уже экстремист или еще хуже террорист. Вероятно, можно утверждать это только в том случае, если наступила третья или четвертая стадия. Поэтому среди экспертов существуют такое мнение, что трудно и практически невозможно предсказать по тем или иным косвенным признакам тот момент, когда человек станет на путь практической радикализации. Но предусматривать индивидуальную воспитательную и массовую работу в обязательном порядке необходимо.

На основании изучения литературы можно утверждать, что понятие «радикализация» не имеет единого толкования. В разных странах мира его определение достаточно расплывчато. Причем также как и во всех странах мира и в Российской Федерации нет единство в толковании данного вопроса.

Однако можно четко утверждать, что радикализация является основой экстремистской деятельности. Исходя из этого, мы можем выделить качественные черты современного экстремизма. Они разделены на две группы (общие и особенные), независимо от того к какому виду экстремизма относятся.

Во-первых, — это оппозиционность. То есть тот, кто встал на путь экстремистской деятельности, стоит в оппозиции к тем, кто не согласен с его идеями. В большинстве случаев предмет противостояния — это господствующие общественные нормы и государственные институты.

Во-вторых, экстремизм — это всегда субъектность. То есть у экстремистов всегда есть конкретный противник, который определяется тем, что он не согласен с экстремистской идеологией, не согласен с тем насильственным способом достигнуть цели, которые экстремист перед собой поставил.

В-третьих, — это многовекторность, которая заключается в том, что экстремизм присутствует практически во всех сферах жизнедеятельности общества.

В-четвертых, — это уже рассмотренный нами радикализм экстремистской деятельности.

Важной особенностью экстремистского действия является его публичность. Экстремистским преступлением действие будет считаться только тогда, когда оно наносит публичный характер. Произнесение определенных слов в комнате на кухне не является экстремистской деятельностью, таковой делает ее только публичный характер.

Также в литературе выделяется еще такая черта экстремизма как асимметричность. Суть в том, что экстремисты не обладают большой численностью и поэтому всегда их действия носят асимметричный характер. Они выступают против органов власти, против других этнических религиозных групп и поэтому всегда идет определенный дисбаланс возможностей и численности. Поэтому особенной чертой экстремизма является асимметричность. Обладая незначительной численностью, экстремисты стремятся совершить террористические акты или иные действия, которые позволят небольшой группе экстремистов нанести ущерб огромному количеству людей.

Мы выяснили, что экстремизм может быть идеологией, выступать как образ мышления и как образ действий. Исходя из этого, можно выделить пять особенностей, которые присущи экстремизму как идеологии.

1. В экстремистской организации всегда есть харизматический лидер, харизматический образ, который всегда выглядит как непогрешимый. Особенно это распространено среди религиозных экстремистов и среди политических экстремистов.

2. Попытка идеологического обоснования применения насилия по отношению к тем, кто выступает против экстремистов, а также и идеологическое обоснование ситуаций, когда необходимо совершить теракт, который проводится среди мирных жителей, не имеющих отношения к тому субъекту против которого экстремисты хотят применить насильственные средства. Например, такой террористический акт как нападение на московский концертный зал «Крокус Сити Холл», в котором погибли исключительно невинные жертвы, экстремистам нужно было не просто совершить, но еще идеологически обосновать.

3. Апелляция к каким-либо известным идеологическим или религиозным учением, претензия на их истинность. Эта черта наиболее характерна для религиозных экстремистов и даже есть такое направление в религиозном экстремизме как фундаментализм. Особенно в этом преуспели исламистские фундаменталисты, которые призывают вернуться к истинному (в их понимании) толкованию Корана и сунны, священных книг Ислама, что на практике означает принять их искаженное, экстремистское толкование.

4. «Доминирование эмоциональных способов воздействия в процессе пропаганды экстремистских идей, в том числе обращение к чувствам предрассудкам людей, а не их разуму» [11, с. 35]. То есть во многих случаях экстремистами в их действиях двигают эмоции, психика, но ни в коем случае не логика.

5. Отрицание инакомыслия, т. е. полнейшее непринятие мнений другой стороны, отказ садиться за стол переговоров. Поэтому нужно помнить, что если вы общаетесь с представителями того или иного экстремистского сообщества, то переговоры с ними вести, не настаивая на определенной логике, а тоже апеллировать к их эмоциям, к их чувствам для того чтобы посеять у них сомнения.

Иной подход к экстремизму — это рассмотрение экстремизма как деятельности. В качестве вида деятельности экстремизм может быть рассмотрен при соблюдении трех условий. Во-первых, в том случае, когда он направляет усилия экстремистов на формирование какого-либо общественного объединения (движения), которое ставило бы своей целью распространение и насаждения идеологии, которая носит крайние взгляды для достижения тех или иных целей. А главная отличительная особенность создаваемого экстремистского общественного объединения — противоречие его принципов и ценностей Конституции Российской Федерации [12]. Второе — это создание на практике этого общественного объединения, которое будет ставить своей задачей реализацию экстремистской идеологии в обществе. И третье условие рассмотрения экстремизма как деятельности, — распространение экстремистской идеологии через насилие, т. е. реализация на практике. Примером этого может служить созданное в 2001 году в городе Санкт-Петербурге экстремистское сообщество «Шульц-88». Эта организация представляла собой организованную группу экстремистов, созданную для подготовки и совершения преступлений по мотивам расовой и другой ненависти в отношении лиц и Еврейской национальности, лиц, исповедующих иудаизм, выходцев из районов Кавказа, Азии и Африки. Данным экстремистским сообществом при помощи принтера выпускались листовки для распространения среди горожан. Также экстремисты напечатали журнал «Сделано в Санкт-Петербурге», который содержал информацию,

побуждающую к радикальным действиям. И в течение трех лет (2001–2003 гг.) распространяли этот журнал среди членов своего экстремистского сообщества. В результате работы правоохранительных органов деятельность этого экстремистского сообщества была прекращена¹¹.

Кроме этого есть существует еще такое явление как лингвистическое проявление экстремизма. Дело в том, что последнее время стало открываться очень много уголовных дел именно по лингвистическому проявлению. То есть по публичному высказыванию тех или иных фраз, которые направлены на то, чтобы опорочить действия власти или действия каких-либо организаций. Это открытые призывы к насилию, призывы к дискриминации как завуалированные призывы к насилию, оправдание или поощрение тех или иных исторических случаев насилия (например, использование серьезного инцидента между турками и армянами в 1915 году для создания негативного образа своего противника).

Существенным аспектом лингвистической проблемы является то, что молодые люди, постоянно находясь в социальных сетях, делают репосты на экстремистские страницы, публикуют свои мнения, совершенно не задумываясь о том, что они могут нарушить существующие запреты в отношении ведения экстремистской деятельности. Сегодня молодежь должна четко понимать, что она может делать публично, а что будет нарушением уголовного законодательства.

Изучение статистика показывает, что сегодня на учетах в органах внутренних дел Российской Федерации состоит свыше 450 молодежных группировок экстремистской направленности общей численностью около 20 тысяч человек. «С точки зрения количества молодежи — это более 35 миллионов человек, вроде бы немного, но в то же время надо отметить, что эти 450 молодежных группировок сконцентрированы

¹¹ Питерские скинхеды // Российская газета. — 2003. — 17 ноября.

в основном в Центральном федеральном округе и Северо-Западном федеральном округе, а также на территории Северного Кавказа» [13, с. 46]. Причем из этих 450 молодежных группировок 147 причисляют себя к движению скинхедов. То есть это движение, которое является правым крылом политического экстремизма. Футбольные фанаты составляют 72 группировки. Среди них, как правило, в основном готовят себе будущих экстремистов различные религиозные, этнические, а также политические экстремистские группировки. Также 31 группировка относится к Российскому национальному единству и 8 — к Национал-большевистской партии¹² [14].

Если рассматривать мобилизационный потенциал экстремистских организаций, то наибольшее число тех молодых людей, кто относится к зоне риска — это представители целого ряда молодежных неформальных организаций (скинхеды, эмо и др. молодежные группировки). Необходимо отметить, что, несмотря на то, что эти группировки не относят себя к конкретному виду религиозной этнической или политической организации, для достижения своих целей используют методы насилия и таким образом относятся к радикальным элементам.

Если же проанализировать все описанные экстремистские группировки и их приверженцев, не входящих в состав группировок, то можно сделать вывод, что особенностью большинства действующих в России молодежных экстремистских формирований является то, что они все политизированы и в основном придерживаются материнской политической линии той организации, в которую они входят или которую они поддерживают. Основная их деятельность — это пропагандистская работа среди сверстников. Второе направление их деятельности — это формирование позитивного политического имиджа в обществе для

¹² Экстремистская организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

того, чтобы привлечь как можно больше новых членов в свои молодежные экстремистские организации.

Кроме того, для тех молодежных экстремистских организаций, которые придерживаются правого направления, т. е. относят себя к правым политическим организациям или крайне правым политическим организациям, для которых характерно такое явление как создание военизированных формирований. Причем все эти формирования создаются не по идеологическим концепциям, поскольку статистика показывает, что члены политических молодежных экстремистских организаций не особенно увлекаются непосредственно идеологическими характеристиками своей организации, сколько их в первую очередь интересует сам имидж, который эта организация имеет в обществе и тот имидж, который они создают сами себе [15]. Поэтому, как правило, в этих группировках собираются подростки, которые признают и даже любят дисциплину, которые предпочитают отдавать вопросы принятия и формирования решений другим лицам. То есть это те, кто любит подчиняться и большинство этих лиц уже совершали преступления экстремистской направленности (в основном это молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет). Из чего можно сделать вывод, что у экстремизма, который сегодня есть в России (политического, религиозного, этнического) есть хороший резерв и этот резерв как раз и формируется из молодежной среды.

Молодежный экстремизм в настоящее время можно разделить на три уровня.

Первый уровень — это организационный уровень, т. е. когда членство в организациях, относящих себя к экстремистским, так или иначе, является формальным или неформальным. Для некоторых слоев молодежи психологически достаточно привлекательно относить себя к фанатам того или иного футбольного клуба. В основном футбольные

фанаты относят себя к движению скинхедов или заявляют, что они борются за чистоту рядов общества.

Второй уровень — ментальный. Он представлен, как правило, экстремистской политической культурой, а также деструктивными действиями средств массовой информации.

Третий уровень — это поведенческий уровень, который проявляется непосредственно через конкретные действия (поступки), относящиеся к поступкам экстремистского толка (нападения на представителей других этносов). Как правило среди молодежи широко распространено движение скинхедов, движение неонацистов, а в противовес ему создается движение «антифа». Достаточно хорошо эти уровни продемонстрировал историк Ланда, который отмечал, что ключом к успеху фундаменталистов является их ставка на молодых людей, им удалось завоевать поддержку среди традиционных спортивных клубов, популярных среди юношей [16]. В итоге религиозный экстремизм «религиозный экстремизм зарождается в лоне фундаментализма и представляет собой агрессивное конфессионально-политическое течение, в основе которого лежат субъективные толкования вероучений, использование крайних методов действия для получения поставленной цели, нетерпимость к представителям других конфессий или жестокое конфликтное противоборство в границах одной конфессии» [1, с. 40]. Таков механизм социального генезиса экстремизма.

Важным фактором социального генезиса экстремизма является окружающая среда, которая может, как препятствовать развитию радикальных настроений, так и напротив, являться для них питательной средой. Далее рассмотрим одну из классификаций особенностей молодежного экстремизма.

Молодежный экстремизм:

«1. Формируется преимущественно в неэффективной среде, где молодые люди подвержены настроениям неопределенности, отсутствием установившихся взглядов на происходящее.

2. Проявляется в группах и сообществах, где игнорируются права личности, отсутствует самоуважение.

3. Недостаточно высокий уровень культуры молодых людей.

4. Экстремизм присущ обществам и группам, принявшим идеологию насилия, безнравственности.

5. Молодежь живет в глобализирующемся информационном обществе, обществе риска. Чтобы государственным органам успешно осуществлять адекватное воздействие, преодолевать девиации в молодежной среде, необходимо изучение социальных и коммуникативных условий ее жизнедеятельности» [17, с. 323–324].

Данная классификация обращает наше внимание на такое важное явление как неэффективность среды в противостоянии развитию девиантного поведения, включая и экстремистское. Эта тема достаточно хорошо разработана в западной криминологии в русле институциональной теории аномии. В Российской Федерации подобные работы представлены в большей степени в педагогической литературе. Однако исследования среды как явление, которое способно препятствовать развитию молодежного экстремизма, должно развиваться в русле социологии. Среди отечественных авторов социологов и девиантологов в основном преобладает подход, основанный на влиянии социальных процессов на формирование определенных черт личности. При этом игнорируется огромный пласт исследований, который посвящен внутриличностным механизмам заражения девиации с социологической точки зрения.

Данный подход развивается в трудах социолога Роберта Агню. В российской науке этот подход развивается в трудах социолога Н. Е. Покровского и его учеников. К сожалению этот аспект по сути

игнорируется в девиантологической и юридической литературе. Хотя для развития этого направления опубликовано существенное научная база. Проблема здесь заключается в узкой дисциплинарной специфике исследований. Для социолога исследование личности может представляться предметом психологии. Однако в данном случае мы имеем дело исключительно с социологическим исследованием личности и социально детерминированными, а не психологически индуцированными ее особенностями.

Несмотря на предпринимаемые усилия по воспитанию молодежи в школах и образовательных организациях высшего образования (далее — ООВО) молодежная политика, которая осуществляется сегодня в Российской Федерации еще не достаточно эффективна и поэтому молодые люди, особенно студенты, а также обучающиеся в старших классах, личность которых формируется на этапе окончания школы, еще не определились со своей политической позицией и поэтому, попав под деструктивное влияние, часто формируют экстремистские взгляды и выбирают методы радикальной деятельности.

Молодежный экстремизм проявляется в группах и сообществах, где игнорируются права личности, отсутствует самоуважение. Это очень серьезная особенность, позволяющая раскрыть то, как устроены социальные группы, которые формируются, как правило, по возрастному признаку. Ближнее окружение и семья — это очень важный фактор, оказывающий наибольшее воздействие на сознание человека, особенно на сознание молодого человека, и в определенных условиях очень эффективно формирующий его экстремистское сознание. Эта особенность сегодня зачастую присутствует в молодежных коллективах.

Кроме того существенную роль играет такая особенность как недостаточно высокий уровень культуры молодых людей. Молодежь сегодня недостаточно активно читает, мало посещает учреждения культуры. Хотя преподаватели и пытаются это культивировать в ООВО.

Практика показывает, что культурным досугом в ООВО охвачены основном одни и те же молодые люди — это немногочисленное активное ядро.

Существует такая особенность, как культ силы, которая присуща молодежным сообществам, принявшим идеологию насилия и безнравственности. То есть именно те молодежные группы, которые, формируются для того, чтобы достигать экстремистских целей (например, чтобы продвигать неонацизм или наоборот — борьба с этим асоциальным явлением). Их представители считают, что сила, как способ решения проблем, должна стоять на первом месте. Именно поэтому мы можем говорить сегодня о молодежном экстремизме как о том явлении, которое характерно не только для Российской Федерации, оно вообще характерно для европейских стран.

Далее рассмотрим те деструктивные факторы, которые позволяют молодежи встать на путь экстремистской практики. Таких факторов достаточно много, поэтому их необходимо систематизировать.

В первую очередь это деструктивное информационное воздействие. Многочисленные научные публикации позволяют нам сделать вывод, что средства массовой информации оказывают воздействие на уровень насилия [18]. Практика показывает, что современная молодежь, особенно молодежь ООВО, телевизор не смотрит. Телевизор смотрят родители, которые имеют другие интересы, поэтому молодежь общается в интернете, смотрят те же сцены насилия, которые они смотрели бы по телевидению, но в более массовом масштабе. Статистика показывает, что количество обращений к тому или иному телеканалу, ролику в сети «Интернет» очень сильно зависит от того если ли в этом ролике сцены насилия [19].

1.2. Специфика молодежного дискурса

В данном параграфе мы представим обзор дискурсивного подхода как такового и определим специфику молодежного дискурса. Дискурс анализ является общепризнанным в мировой науке методом и для выявления глубинных причин, таких как латентные истоки молодежного экстремизма, данный метод является крайне результативным. Следует отметить что в отечественной науке и практике дискурс все еще не получил должного признания. Этот метод используется в лингвистике, а также в психологии. Его внедрение в социальные науки, включая криминологию, все еще является недостаточным. Дискурс анализ представляет собой не просто метод, а определенный подход к анализу социальной действительности и по сути является отдельной наукой.

Дискурсивные исследования экстремизма, а также криминологически ориентированных социальных и культурных исследований могут дать новые ответы на обозначенные вопросы, а также открыть возможности для постановки новых вопросов. Отправной точкой исследования дискурса экстремизма в молодежной среде является тезис о том, что подходы к исследованию дискурса предоставляют возможность для концептуализации общественного производства значений и, следовательно, общественного производства конкретных истин, социальных и пространственных реальностей, а также связанных с ними социальных эффектов. Общественное производство подразумевает для индивида наделение смыслом происходящих событий. Когда определенные действия и смыслы молодой человек определяет радикальным образом, его поведение, мысли и ценности становятся экстремистскими. Таким образом, предметом исследования дискурса являются сверхиндивидуальные модели мышления, речи, самопознания

и действий, а также процессов, в которых определенные представления и логика действий создаются и меняются снова и снова. Хотя анализ лингвистических процессов придания смысла занимает видное место во многих эмпирических исследованиях, термин «дискурс» выходит далеко за рамки чисто лингвистического уровня обозначения.

Таким образом, дискурс означает соединение символических практик (использование языка и знаков), материальных реалий и социальных институтов. По словам М. Фуко, дискурсы характеризуются особым способом установления связей между институтами, экономическими и социальными процессами, формами поведения, системами норм, методами, типами классификации и способами определения характеристик [20].

Делая определенные дискурсы гегемонистскими, а другие маргинализируя, устанавливаются определенные истины и, в конечном счете, определенные социальные реалии. В этом и заключается мощный эффект дискурсов. В этом смысле производство дискурсов противостоит девиации, включая ее экстремистские проявления. В то же время в молодежной среде возможно появление экстремистского дискурса, механизм появления которого аналогичен описанному выше.

Таким образом, власть в рамках дискурс-анализа не понимается ни как ресурс или свойство отдельных акторов, ни как абстрактная репрессивная сила, действующая на людей сверху. Скорее, власть присуща всем социальным отношениям, она действует как продуктивно, так и репрессивно.

Дискурсивное исследование экстремизма концептуализирует истины и социальные реалии, которые никогда не являются абсолютными и окончательно зафиксированными. В других дискурсивных контекстах другие дискурсы могут быть гегемонистскими, что позволяет использовать другие точки зрения и практики как истинные или правильные. На практике это означает, что экстремистское сообщество

динамично формирует собственную систему норм и ценностей, и собственные понятия о добре и зле.

Относительность дискурсивно установленных реальностей (их случайность) становится особенно очевидной в анализе, который выявляет изменения дискурсов с течением времени, потому что часто только в результате изменений становится очевидным, какие точки зрения и позиции ранее были подавлены или исключены [21].

При этом с течением времени изменяются ценности, практики и то поведение, которое ранее считалось девиантным, в новые времена может таковым не считаться. Как, например, одежда современного человека показалось бы аморальной человеку средневековья. В то же время психологические опыты над людьми и вскрытие еще живых существ совсем недавно считались в науке допустимыми. Дискурс имеет историчную природу. Важно раскрыть это внимание к историческим изменениям, поскольку дискурсивные атрибуции редко бывают однозначными даже в данный момент времени. Скорее разные позиции часто конкурируют за первенство и признание. По многим вопросам в сфере поведения молодежи можно встретить различные мнения относительно того какое поведение считается нравственным или приличным.

Таким образом, дискурсы постоянно меняются, значения постоянно оспариваются и переопределяются в соответствии с разногласиями, разрывами и линиями конфликта. Таким образом, исследование дискурса также заостряет внимание на взаимосвязи между пространственностью и властью.

Нас интересуют исследования молодежного дискурса в цифровом пространстве, потому что, если концептуально признать, что, во-первых, пространства не просто даны, а постоянно воссоздаются, и во-вторых, если конституирование пространств является важным элементом установления социальной реальности, то конституирование

определенных пространств тесно связано с гегемонистским утверждением определенных социальных реалий. Например, имеет значение, мыслится ли мир в первую очередь как политэкономически дифференцированный, описанный и, следовательно, в конечном итоге произведенный, или как культурно дифференцированный. Потому что по этим осям различия также оцениваются геополитические конфликты и устанавливается солидарность с отдельными участниками конфликта. Например, столкновения цивилизаций [22] приводят к очень разным проявлениям солидарности и внешнеполитической реакции. Внешняя агрессия в прямой или косвенной форме может привести молодых людей, как к здоровому патриотизму, так и ксенофобским проявлениям вражды по отношению к представителям иных народов вероисповеданий социальных групп.

Здесь при интерпретации причин возникновения дискурса большая разница прослеживается между сторонниками марксизма и иных позитивистских направлений с одной стороны и сторонниками феноменологии с другой. Это разница в понимании причин поведения молодежи как экономически детерминированных или как детерминированных более широком культурном контексте. В большинстве современных исследований авторы придерживаются феноменологического, интерпретативистского подхода.

Таким образом, при этом не только по-разному описываются причины конфликта, но и в конечном итоге создаются различные конфликты между различными сторонами конфликта. С концептуализацией всех истин и всех социальных реалий как условных, т. е. открытых и изменчивых, сочетается критическое или политическое требование дискурсивного исследования. Цель такого исследования состоит в том, чтобы поставить под сомнение якобы установленные истины и реальности и тем самым показать, что можно мыслить и жить и другими истинами, а также возможны другие социальные реальности будь

то экономические потребности или предполагаемые объективные подразделения мира (например, на глобальном уровне различие Востока и Запада или на местном уровне — определение проблемных районов). В то же время в такой перспективе в поле зрения попадают и сами позиционирующие себя исследователи дискурса. Мышление социолога или криминолога должно постоянно оставаться открытым к новым идеям, чтобы иметь возможность проследить новые связи и уловить новые причины. В большинстве случаев волнение в обществе и нарастания экстремизма обусловлены вполне очевидными причинами. При этом нужно иметь в виду, что возможны не очевидные аспекты неочевидные связи между разными причинами и даже иные причины, которые изначально не предполагаются в исследовании.

Исследование дискурса в виртуальном пространстве во многом наследовали подходы исследования традиционного дискурса, основанного на разнице географического положения. Физические пространства изначально воспринимались социологами как объективно заданные. Более поздние дискурсивные исследования виртуальных пространств склонны осмысливать их как духовные явления. Все чаще любые пространства и пространственные структуры перестают восприниматься как объективные, и концептуализируются как социально сконструированные.

Важной тенденцией изучения виртуальных пространств является то, что повсеместно наблюдается отход от западно-циничного представления [23]. «Глобальный юг» все больше становится предметом интереса теоретиков. С отходом от представления о заданных пространствах и заданных идентичностях дискурсивные процессы выходят на первый план, в них проводятся пространственные границы и формируются пространственно-ориентированные идентичности. В частности, это открывает новые перспективы того, как

пространственные дифференциации («здесь» / «там») связаны с социальными различиями и как это разграничивает области «своего» и «чужого».

В частности, изначально люди считали, что «свой» это представитель народа, живущий неподалеку, в то же время «чужой» — это пришелец чужак [24]. Однако молодежный дискурс формируется в виртуальном пространстве и сочувствующие, разделяющие те же взгляды, что и молодой человек, могут находиться на другом континенте, то в то время как идеологические противники могут проживать в соседнем дворе. Это делает гораздо более сложные изначально бинарную оппозицию, деление на «свой» и «чужой».

Такие изменения имеют огромные социальные последствия, поскольку они делят (сложный и противоречивый) социальный мир на предположительно однородные единицы. Центральное место в этом с точки зрения теории дискурса (в отличие от подходов теории действия и теории структурирования Э. Гидденса [25]) занимает то, что аналитический акцент делается на постоянных процессах создания структур и субъектов (в процессе социального конструирования реальности) и дискурсивное исследование проводится с высокой чувствительностью к противоречиям, разрывам смыслов и, следовательно, в конечном итоге к возможному разрушению всех структуры идентичностей. Власть при этом не привязана к ресурсо-ориентированным действиям индивидов, а воспринимается как эффект создания именно определенных структур и субъектов. Тогда основной вопрос заключается не в том (как это было бы характерно для подходов, основанных на теории действий или теории структурирования), какие цели стремятся обеспечить конкретные субъекты, прибегая к различным социальным (властным) структурам (ресурсам, нормам и т. д.). Скорее, анализ направлен на определение того, как вообще конституируются субъекты, которые затем развивают определенные представления

о целях. Применительно к молодежи это вопросы о том, как определяют себя футбольные болельщики, члены клубов патриотов или представители различных религиозных общин. Какие основания у этих молодых людей могут быть для того чтобы быть вместе. И в то же время вопрос в том, как конструируется экстремистское сообщество и какие причины ведут молодых людей к развитию социальной деструктивной активности. Это изучение того, каковы у молодежи процессы установления границ, территориализации и пространственно-ориентированной идентичности. Точно так же можно спросить, как определенные ресурсы приобретают значение, помещая их в конкретные (и изменяемые) дискурсивные контексты.

Для молодых людей, как и для любых, других один из главных вопросов в дискурсивных определениях собственной идентичности — это вопрос о происхождении. Зачастую люди объединяются в землячество и иные похожие объединения и определяют себя по географическому принципу [26]. Работы в области политической географии проиллюстрировали, как меняется научный взгляд, когда устоявшиеся территориализации воспринимаются миром не как данность, а как факт, рассматриваемый как предмет политических переговоров [27]. В таком ракурсе, например, можно спросить, какие политические решения разрешаются или предотвращаются с помощью Конституции конкретных пространств. Например, вопрос о том, какие критерии используются для определения границ Европы и является ли Турция частью этого проекта, имеет решающее значение для вопросов миграции, экономических задач и интеграционных процессов.

Для Российской Федерации вопрос о дискурсивном самоопределении молодежной географической идентичности имеет огромное и все возрастающее значение. Присоединение новых регионов к Российской Федерации несомненно актуализирует вопрос о единстве и историческом происхождении русского народа [28].

С точки зрения теории дискурса, можно рассматривать не только процессы внутренней социальной дифференциации, но и вопросы в области так называемого общества / окружающей среды или социальных отношений. Переосмысливая отношения человека и природы, изменяя предполагаемую данность природы и «природы» соответственно. Окружающая среда разбивается и выявляется, как проводится граница между человеком и природой, соответственно, обществом и окружающей средой. Вопрос о том, следует ли рассматривать чрезмерное наводнение, засуху или другие экстремальные климатические явления как естественные и, следовательно, находящиеся вне человеческого влияния, или же, как выражение антропогенного изменения климата [29]. На этот вопрос можно ответить только в том случае, если можно уточнить, как природа конституируется в социальном контексте. Даже такие природные явления как климат, по сути, имеют социальную конструируемую, дискурсивную природу. Это было убедительно продемонстрировано еще в классической теореме У. Томаса, согласно которой «термин „реальный” ... означает что-то, с чем мы можем взаимодействовать, что может повлиять на нас (быть эффективным в смысле «оказывать эффект»), короче говоря, то, что имеет внешнюю причиняющую силу» [30, с. 45]. В этом смысле для дискурсивного определения молодежью своего отношения к глобальным изменениям климата не столь важно, какая температура на градуснике, а важны результаты социально конструирования данного феномена.

Такая перспектива может также обогатить текущие научные дискуссии, связанные с глобальным изменением климата. В отличие от естественнонаучных подходов, в которых основное внимание уделяется вопросу о причинах и (с учетом региональных особенностей) последствиях климатических изменений, с дискурсивной точки зрения можно спросить, как эти (естественные) научные данные находят

отражение в различных логиках рассуждений и институциональных контекстах. Это позволяет, например, спросить, с какими другими проблемами и социальными условиями в каждом конкретном случае связано изменение климата (например, с экономическим развитием, постколониальными отношениями угнетения или национально-государственной организацией международной политики) и какие практики и способы действий в результате становятся возможными, узакониваются или маргинализируются в каждом случае. Молодые люди зачастую остро реагируют на подобные вопросы и большинство активных участников «зеленых движений» — это представители молодежи.

Для молодежного дискурса характерно повышенное внимание к вопросам экономики и трудоустройства. Молодые люди начинают свой путь и только планируют достигнуть определенного места в социально-экономической структуре общества. В этом смысле молодые люди являются активными, а их стратегии поведения и идентичности гибкими.

Эмпирические исследования и академические обсуждения молодежного экономического дискурса показывают, что молодежь стремится к обладанию следующими качествами: «демонстрация и склонность к риску и авантюризму; выраженная способность индивида брать на себя ответственность; подчеркнутый прагматизм; развитые аналитической способности в совокупности с развитой интуицией; высокая степень коммуникабельности и самоорганизации; здоровая доля недоверия; гибкость в принятии решений; креативность; способность делегировать (распределять) полномочия; умение актуализировать концепцию создания и развития нового продукта; умение находить ресурсы для решения профессиональных задач; знание законов и способность их применения при реализации профессиональных задач; владение навыками профессиональной коммуникации; владение методами

мотивации окружающих и самомотивации; способность прогнозировать и минимизировать риски; умение выявлять профессиональные и рыночные тренды; готовность к постоянному профессиональному развитию» [31, с. 140]. Указанные качества являются не только следствием особенностей современного этапа динамичной и бурно развивающейся капиталистической экономики, но и во многом были сформированы в ходе коммуникации в цифровой среде. Принцип социального конструирования реальности предполагает, что важны не столько фактические события, сколько их интерпретация. Это обстоятельство обуславливает и особый взгляд на экономические проблемы нынешней молодежи, который не соответствует взглядам старших поколений. По сути «молодые люди смогли бы соответствовать декларируемым идеалам пионеров и комсомольцев лишь в тех условиях, в которых существовали эти пионеры» [32, с. 36]. Современной же молодежи приходится ориентироваться на различных «лидеров мнений» в медиапространстве. И их экономическое самоидентификация протекает гораздо сложнее, чем у старших поколений, поскольку требуемые ценности и практики нигде четко не сформулированы и не артикулированы.

Подходы, мотивированные теорией дискурса, могут внести важный вклад как в научные, так и в плановые дебаты в этом контексте, поскольку они также понимают экономические потребности и экономические закономерности как социально обусловленные дискурсивные структуры. Таким образом становится возможным рассматривать экономические взаимосвязи как и другие формы социального структурирования как социально обусловленные, культурно специфичные и, следовательно, также принципиально изменяемые и подлежащие сомнению конструкции, другими словами: законы экономики или рынка также являются политическими в том смысле, что они основаны на процессах принятия решений и гегемонизации.

С такой точки зрения, например, необходимость глобализации или критерии оценки неолиберальной экономической логики могут быть подвергнуты сомнению на предмет того, какие альтернативные точки зрения и решения они маргинализируют и какие властные отношения они создают. Анализ экономических взаимосвязей особенно убедительно показывает, как в дискурсах символические и материальные практики [33] неразрывно связаны, потому что вопрос о том, куда инвестируются, как инвестируются и как это обосновывается, или, например, как во времена экономической паники действия на речевом и материальном уровнях взаимозаменяемы, — это вопрос о том, что экономическое влияние и усиление, в частности, не могут быть выведены из общепринятых и объективно обоснованных закономерностей, а скорее концептуализированы как результат дискурсивных закономерностей.

Главной причиной дискурсивного формирования экстремизма является аномия, которая согласно социологической теории является истоком любого девиантного поведения. Согласно Э. Дюркгейму, на индивидуальном уровне аномия проявляется как «Усталость», «разочарование, волнение, возбуждение и недовольство», «гнев», «раздраженное отвращение к жизни», «гневная одержимость» и «значительная усталость» [34, с. 468.]. Контент-анализ творчества Э. Дюркгейма показывает, что аномия на уровне личности упоминается в его работах не менее часто, чем социальная аномия.

Э. Дюркгейм описал аномию на уровне личности, но не стал ее теоретически интерпретировать. Несмотря на это, работы Дюркгейма являются определенным вкладом в развитие концепции аномии как состояния личности, поскольку они могли быть использованы в качестве отправной точки теми исследователями, кого интересовала личностная аномия. Например, «основываясь на теории Дюркгейма (1897), Лео Сроул (1956) исследовал психологические или личностные аспекты

аномии, которые он обозначил термином *anomia*. Он определил понятие *anomia* как недостаток социальной интеграции и межличностное отчуждение и разработал шкалу, чтобы измерить различные аспекты этого явления» [35, с. 34]. Несмотря на очевидную преемственность между работами Э. Дюркгейма и последующими концепциями аномичного состояния личности, «слишком часто понимание Дюркгеймом микросоциологических процессов не обсуждается, как будто он игнорировал эту часть социальной реальности» [36, с. 246].

Концепция аномии на уровне личности была представлена в работах Роберта Макайвера и Дэвида Рисмена. Теории личностной аномии этих двух исследователей были созданы почти одновременно и во многом схожи между собой. Р. Макайвер понимал аномию как «разрушение чувства причастности индивида к обществу» [37, с. 84]. В его работах для обозначения феномена аномии используется слово *аноту*. Р. Мертон, комментируя определение аномии Макайвера, заметил, что он «воскрешает относящееся к шестнадцатому веку и давно вышедшее из употребления написание слова» [38, с. 283]. Возможно, использованием такого написания Макайвер хотел продемонстрировать, что его концепция хоть и новая, но лежит в русле древней исследовательской традиции.

Р. Макайвер подчеркивает, что аномия — это не просто беззаконие. Например, члены преступных группировок нарушают много законов, однако при этом их поведение жестко регулируется нормами преступного сообщества. Аномия по Макайверу — это такое состояние личности, когда индивид «оторван от своих моральных корней, у него нет больше каких-либо норм поведения, а остались только разрозненные побуждения, у него больше нет представлений о целостности, о единстве народа, о долге» [37, с. 84]. Такой человек становится духовно пустым и считает, что не несет никакой ответственности

перед другими. Он склонен издеваться над ценностями других, и в основе его собственных взглядов лежит отрицание общепринятых ценностей. Согласно Макайверу, в любую историческую эпоху определенные люди могут впасть в состояние аномии. Однако современное демократическое общество особенно сильно способствует появлению аномичных индивидов благодаря тому, что в нем проявляются конфликт культур, капиталистическая конкуренция и быстрый темп социальных перемен.

Основываясь на этих трех отличительных характеристиках современного общества, Р. Макайвер соответственно выделяет три типа личностной аномии:

1. «Когда их жизнь бесцельна из-за отсутствия ценностей, что, со своей стороны, является результатом конфликтных столкновений различных культур и систем ценностей: «Теряя указывающий путь в будущее компас, они утрачивают будущее».

2. Когда они используют собственные силы и возможности лишь для себя — это результат потери моральной ориентации в обществе капиталистической конкуренции.

3. Когда они изолированы от значимых человеческих взаимоотношений и связей, „лишившись почвы прежних ценностей”» [39, с.255].

Девид Рисмен рассматривал аномию как неприспособленность человека к жизни в обществе. Причиной этой неприспособленности является несоответствие характера индивида типичному характеру той эпохи, в которой он живет. Согласно типологии Рисмена в любом обществе встречаются «ориентированные извне», «ориентированные изнутри» и «традиционно ориентированные» индивиды. В результате определенная часть людей, «которые не соответствуют типу характера, преобладающему в данном обществе, могут быть либо аномичными, либо автономными» [40, с. 287]. Автономные люди способны

приспосабливаться к господствующим в обществе поведенческим нормам, они могут сами решать, соответствовать этим нормам или нет. Если же людям не удастся приспособиться к общественным нормам, они становятся аномичными. Аномичные индивиды руководствуются иными нормами, несоответствующими общепринятым нормам и характеру эпохи.

В современном обществе, главными ценностями которого являются достижение финансового благополучия, известность и победа в конкурентном состязании с другими, комфортно себя чувствуют представители «ориентированного извне» типа. Те индивиды, которые относятся к «традиционно ориентированному» или «ориентированному на себя» типу, часто испытывают одиночество, ощущают себя чужаками в мире, ценности которого они не приемлют.

Явным недостатком концепции Д. Рисмена, о котором упоминал в частности Чарльз Тейлор [41, с. 16], является то, что Рисмен не учитывает влияния средств массовой информации. Газеты, радио и телевидение постоянно транслируют общепринятые нормы поведения и ценности, способствуя усвоению и принятию этих норм теми индивидами, чья ориентация не соответствует ориентации эпохи. Особенно сильно этот недостаток теории Рисмена сказывается в конце XX – начале XXI века, когда все большее распространение получает Интернет. Общение в интернете на сегодняшний день сопоставимо по своей значимости с общением в реальной жизни, и интернет становится важнейшим источником свободной трансляции норм и ценностей.

Американский социолог Лео Сроул ввел в научный оборот термин *anomia* для обозначения аномии на личностном уровне. Как отмечает К. А. Феофанов в своем обзоре подходов к изучению аномии: «Если на макросоциальном уровне аномия вызывается дисфункциональным отношением между социальными подсистемами (см., например,

у Р. Мертона), то на уровне микросоциальном — дисфункциональным отношением между индивидами и этими подсистемами. Последнее является предметом индивидуально-психологического изучения аномии» [42]. Таким образом, согласно логике Л. Сроула, если под термином *anomie* в социологии подразумевают аномичное состояние общества, то термин *anomia* обозначает аномию на уровне личности.

Это терминологическое нововведение указывало на то, что под *anomia* необходимо понимать настроения и психологические состояния, испытываемые людьми, которые живут в условиях, охарактеризованных Э. Дюркгеймом как аномия [43]. Аномия на уровне личности, согласно Сроулу, является социально обусловленным явлением.

Идея использования отдельного термина для обозначения аномии как состояния личности была одобрена научным сообществом и часть социальных исследователей стали использовать его, предлагая свои подходы к определению аномии на уровне личности. Элвин Пауэл, посвятивший одну из своих работ этому новому пониманию аномии, отметил, что в условиях, когда «цели деятельности индивида становятся противоречивыми, недостижимыми или несущественными, состояние аномии усиливается. Оно характеризуется общей потерей ориентации и сопровождается ощущением «пустоты» и апатии, аномия может ощущаться индивидом просто как состояние бессмысленности» [44, с.132].

Помимо новой постановки вопроса Л. Сроул выделил признаки личностной аномии, используя которые можно измерить ее наличие у конкретного индивида. Это явление было названо аномией, поскольку оно тесно связано с аномией на уровне социальной системы.

Согласие с одним из пяти следующих утверждений, по мнению Сроула, говорит о наличии у индивида личностной аномии в определенной сфере:

1. Я чувствую, что влиятельные фигуры в обществе равнодушны к моим запросам и нуждам.

2. В обществе, где нет порядка и неизвестно, что случится завтра, мало чего можно добиться.

3. Шансов достигнуть важнейших для меня жизненных целей все меньше.

4. Что бы я ни делал, получается, что жизнь проходит мимо.

5. Я все больше убеждаюсь в том, что не могу рассчитывать на дружескую поддержку со стороны моего непосредственного окружения [43, с. 712–713].

Нельзя не отметить определенное сходство между классификациями аномии Сроула и Макайвера. Утверждения 3 и 5 по классификации

Сроула аналогичны третьему типу аномии по классификации Макайвера, который, по мнению последнего, является результатом возросшей скорости социальных изменений в обществе. Социолог Марк Орру, который одним из первых обратил внимание на сходство этих двух концепций в своей знаменитой книге «Аномия: история и значения», считал, что классификация Сроула не является просто модифицированным вариантом классификации Макайвера (*Orru M. Anomie: History and meanings*). По мнению Орру, превращение Сроулом теоретических научных утверждений в конкретные вопросы к людям расширило возможности эмпирического исследования аномии на индивидуальном уровне, «переместив бремя установления наличия и степени аномии с теоретиков в руки отдельных респондентов» [45, с. 90].

Концепция аномии Сроула нередко подвергалась критике, поскольку те симптомы, измерению которых посвящена шкала аномии Сроула, могут быть интерпретированы не только через аномию. Например, их можно интерпретировать как признаки отчаяния, которое

связано с отсутствием у индивида стремления к улучшению условий своей жизни, а не с отсутствием возможностей для реализации жизненных целей индивида [36, с. 763].

Работы Л. Сроула послужили основанием для проведения множества эмпирических исследований аномии на уровне личности. Последователи Сроула стали использовать предложенную им шкалу аномии, модифицировать ее, а также применять различные методы статистического анализа полученных данных [46].

Шкала аномии Сроула, как и другие опросники, часто применявшиеся для исследования психологической аномии, подвергались критическому анализу на предмет того, «как взаимосвязаны их пункты, как ... они могут быть сформулированы, чтобы образовать шкалу, и каким образом они могут быть использованы для определения степени “anomia” или количества и типов аномичных индивидов» [46, с. 401]. Для интерпретации полученных результатов, а также усовершенствования самого опросника широко применялся факторный анализ [47].

При изучении аномии на уровне личности использовался, в т. ч. и метод выявления скрытых классов [46]. Применение этого метода подразумевает выделение в особый класс респондентов, склонных отвечать положительно или отрицательно на все утверждения из предлагаемого им опросника.

В качестве одного из примеров использования метода Л. Сроула в современных условиях можно назвать работы Евы Цахуриди, которая исследовала особенности личностной аномии в профессиональной сфере. Благодаря использованию модифицированной версии опросника Сроула, она доказала, что люди склонны быть значительно более аномичными или бесцельными в рабочей обстановке [48]. Согласно Е. Цахуриди, аномичное состояние личности в значительной степени определяется контекстом, в котором происходит

взаимодействие индивидов. Иначе говоря, главной причиной развития аномии в профессиональной сфере является нездоровая корпоративная культура.

По мере использования в эмпирических исследованиях шкалы аномии Л. Сроула стали проявляться определенные ограничения этого метода, что послужило толчком к развитию новых исследовательских методик. Как отмечает Роберт Трейвис, «все большее число социологов полагает, что шкала аномии Сроула, использованная в изначальном или модифицированном виде, является слишком обширной, чтобы представить аномию в каком-либо существенном аспекте при исследовании субкультур методом опроса» [44, с. 71].

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что теории аномии личности, появившиеся в 50-е гг. XX века, были направлены на то, чтобы интерпретировать аномичное состояние индивида и измерить степень выраженности этого состояния, понимаемого как следствие социальных процессов, происходящих на уровне общества в целом. Такой подход к проблеме является следствием масштабных социально-экономических изменений, сопровождавших становление индустриального общества. По мере изучения аномичного состояния индивида все более отчетливо стал проявляться недостаток этого подхода, который заключался в том, что внутриличностные, обусловленные индивидуальными особенностями актора причины возникновения аномии не принимались исследователями в расчет.

В начале 60-х гг. Герберт Макклоски и Джон Шар приступили к изучению роли психологических особенностей личности в возникновении аномии. Эти ученые искали статистические корреляции между ощущением аномии на уровне индивида и как социологическими (социальный статус, профессия, размер сообщества), так и психологическими (уровень агрессии, сила эго, гибкость мышления) особенностями этого индивида. Поскольку индустриальное общество

уже сформировалось и приобрело устойчивый характер, исследователи вновь обратились к проблеме аномии на уровне личности.

По итогам нескольких исследований Г. Макклоски и Д. Шар доказали [49], что индивидуальные особенности личности могут вызывать состояние аномии независимо от социальных факторов. Внутрличностные и социальные факторы могут, как дополнять друг друга, так и действовать разнонаправлено. Взаимосвязь этих двух групп факторов условно проиллюстрирована на диаграмме 1.

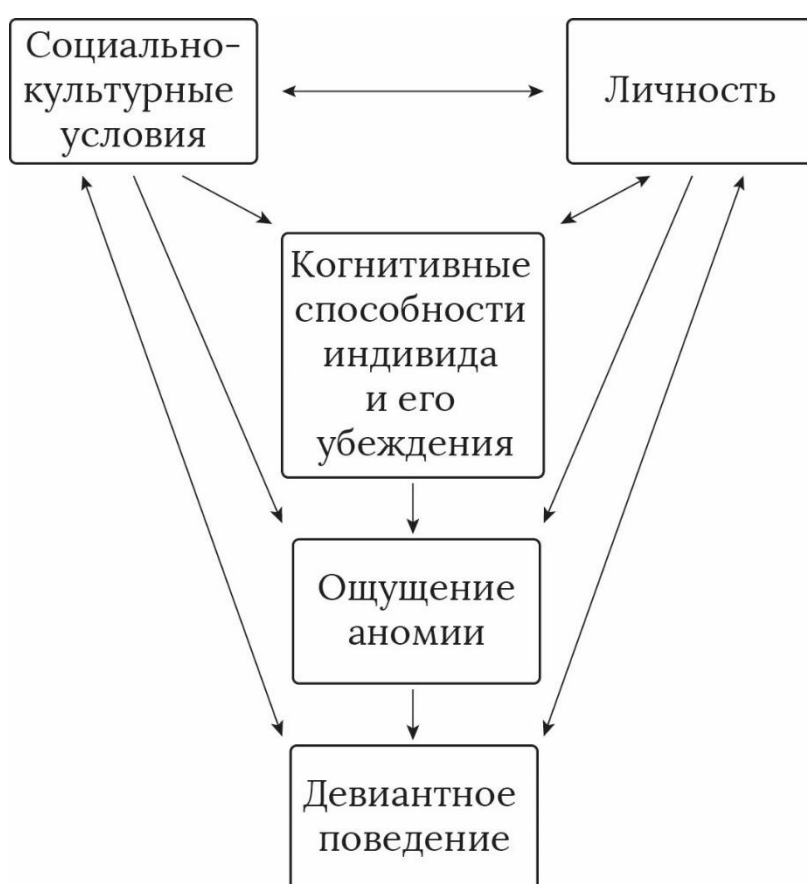

Диаграмма 1 — Особенности аномии личности

Согласно Г. Макклоски и Д. Шару, следующие особенности личности способствуют возникновению аномии:

1. Когнитивные факторы, которые влияют на способность учиться и понимать.

2. Эмоциональные факторы, которые способствуют искаженному пониманию окружающего мира.

3. Независимые мнения и верования.
4. Отсутствие гибкости мышления.
5. Склонность к беспокойству и тревожности.
6. Слабая сила эго.
7. Высокий уровень агрессии.

Изучением проявления феномена аномии на уровне личности занимался также Волфганг Джилек. Он пришел к выводу о наличии в обществе аномии в ходе исследования психических болезней у индейцев побережья Салиш британской Колумбии и Вашингтона. Причиной возникновения этих заболеваний были прежде всего социально обусловленные факторы. В. Джилек вводит понятие аномической депрессии, которое обозначает последствия аномии на уровне личности, выявленные им в обществе индейцев. Аномическая депрессия характеризовалась проявлениями уныния, отчаянья, апатии, алкоголизма, дезориентации фрустрации, утрате жизненных целей, агрессии в отношении себя и соплеменников [50]. Исследование В. Джилека представляет интерес в данной работе, поскольку он применяет разработанное в социологической теории понятие аномии в кросс-культурном аспекте. Другой причиной, по которой работы Джилека представляют интерес, является определенное сходство между проблемами индейцев и современного российского общества. В обоих случаях имел место процесс вестернизации, трансляции западной культуры и ценностей, которые вступали в противоречие с традиционной культурой данного общества. Можно предположить, что и последствия реакции на конфликт культур будут схожими для обоих обществ.

В своей книге Джилек описывает «эмоциональный, психофизиологический и поведенческий синдром, развивающийся в реакции на отчуждение от исконной культуры под влиянием вестернизации» [51, с. 46]. Этот синдром развивается на фоне социальной аномии и неопределенности культурной идентичности.

Описание всех выше указанных симптомов этого синдрома можно обнаружить в работах российских исследователей. В частности, они содержатся в работах А. Панфиловой и В. Папыриной, изучавших

последствия кризиса, вызванного конфликтом советской и западной систем ценностей. Основной причиной конфликта стало увеличение влияния западной культуры на российское общество [52].

Разумеется, для индейцев побережья Салиш аномическая депрессия была намного более длительной и глубокой. Кроме культурного влияния вестернизации индейцам пришлось столкнуться с распадом традиционной структуры общества и превращением в расовое меньшинство на своей земле. Тем не менее, сходство проявлений аномии на личностном уровне в обоих обществах очевидно. Одной из форм реакции на развитие аномической депрессии было возрождение древних религиозных ритуалов, в частности обряда инициации. Хотя эти ритуалы в новых условиях частично уже утратили свой смысл, по мнению В. Джилека, они помогали индейцам вновь обрести утраченную культурную идентичность.

Проблема социально-психологического напряжения, создаваемого неспособностью индивида достигнуть заданные культурой цели законными средствами, которая была обозначена Р. Мертоном, стала основой для концепции личностной аномии Р. Агнью. Как уже было описано в предыдущей главе, теория напряжения вслед за Мертоном разрабатывалась в работах сторонников институциональной теории аномии и была взята за основу А. Коэном, Р. Кловардом и Л. Охлином. Но если перечисленные авторы изучали в основном социальные аспекты аномии, то теория Р. Агнью «написана на социально-психологическом уровне: она фокусируется на индивиде и его или ее непосредственной окружающей социальной среде — хотя отдельные положения этой теории и затрагивают процессы на макроуровне» [53, с. 48]. Основной заслугой Агнью стало то, что созданная им общая теория напряжения включает и другие источники возникновения социально-психологического напряжения кроме рассогласования между целями и средствами их достижения.

Причиной возникновения аномии на микроуровне может служить отрицательная оценка индивида значимой для него группой. Например, у представителей молодежи главным фактором возникновения социально-психологического напряжения могут стать плохие

результаты в спортивных соревнованиях, негативное отношение со стороны представителей противоположного пола, низкие оценки в школе. Источником аномического напряжения на уровне личности всегда являются «негативные взаимоотношения с другими, иначе говоря, взаимоотношения, в которых индивида не воспринимают так, как ему ... хотелось бы, чтобы его воспринимали» [53, с. 50].

Согласно Р. Агнью, социально-психологическое напряжение у индивида возникает, когда другие люди:

1. Препятствуют индивиду достичь положительно оцениваемые им цели или гипотетически могут это сделать.

2. Лишают индивида полезных, позитивно оцениваемых стимулов или создают потенциальную угрозу такого лишения.

3. Предоставляют индивиду вредные, негативно оцениваемые стимулы или могут их предоставить впоследствии [54, с. 51–86].

Первый тип напряжения, который помимо концепции Агнью рассматривается во всех «теориях напряжения», можно условно разделить на три вида [53, с. 51–56].

1. Несоответствие между стремлениями индивида и реалистичными ожиданиями. Особенно это рассогласование характерно для представителей низшего класса, которые прекрасно понимают, что даже упорным трудом они вряд ли смогут осуществить свои самые амбициозные планы, поскольку доступ к финансовым и иным ресурсам для них сильно ограничен.

2. Несоответствие между реалистичными ожиданиями индивида и фактическими результатами его деятельности. Аналитическое разделение желаний индивида на идеальные и реалистичные в теории Агнью позволяет лучше понять причины возникновения аномического напряжения. Если индивид не в состоянии достичь свои идеальные цели, то он не склонен сильно расстраиваться, поскольку понимает, что они отчасти утопичны. В то же время неспособность индивида осуществить свои реалистичные планы вызывает агрессию, гнев и сильно расстраивает его.

3. Несоответствие между реальными результатами деятельности индивида и представлениями индивида о том, какими должны быть эти

результаты по принципу справедливости. Возникновению аномии в данном случае способствует ощущение, что богатые и успешные люди достигли своего преуспевающего положения нечестными, незаконными средствами. Такое ощущение толкает индивида к мысли о том, что и ему можно совершить противозаконный поступок.

Второй тип напряжения по Р. Агнью, устранение от индивида позитивных стимулов, может возникнуть в том случае, когда индивид теряет или может утратить что-либо ценное и значимое для него (потеря друга, развод родителей, потеря работы).

Третий источник аномического напряжения, предоставление индивиду негативных стимулов, также часто приводит к проявлению девиантного поведения. Можно привести множество примеров как отрицательно оцениваемых стимулов, так и ситуаций, в которых индивиды пытаются их избежать. К отрицательным стимулам относятся: физическая боль, стрессовые ситуации, агрессия со стороны других людей. Стремление избежать отрицательно оцениваемых стимулов можно обнаружить в поведении любого человека. В качестве примера можно привести ученика школы, который пытается скрыть от родителей плохие оценки, или работника, не желающего встречаться со своим начальником [53, с. 87].

Помимо выявления новых источников напряжения и аномии, важным преимуществом концепции Агнью по сравнению с концепцией Метона является то, что Р. Агнью учитывает культурное разнообразие современного общества и неоднозначное отношение людей к общепринятым критериям успеха. Отношение к другим и отношения с другими, с точки зрения Агнью, влияют и на то, как индивиды воспринимают нехватку легальных средств для достижения целей «индивиды, которые не способны достичь целей, связанных с финансовым успехом (или построением успешной карьеры, получением хорошего образования) могут не считать эти цели наиболее важными. Они могут, в частности, получать удовлетворение от достижения других целей» [55, с. 39].

Ряд исследователей, работающих в области социологии и социальной психологии, обратили внимание на неразрывную связь понятий

аномия и одиночество. Изучение аномии сквозь призму анализа переживания одиночества обретает на сегодняшний день все большую популярность «психологизм современной западной социологии в ее рассмотрении проблем аномии заключается в том, что социальная патология изучается, исходя из идеи психологической изолированности индивида в современном обществе, его одиночества в этом быстро и часто непредсказуемо меняющемся мире» [56, с. 19]. Признаки аномии и одиночества настолько близки между собой, что иногда между ними трудно провести границу. Как отмечает российский социолог Н. Покровский, аномия по отношению к одиночеству является более обширным и фундаментальным понятием. Исходя из этой точки зрения, можно утверждать, что «одиночество если не всегда совпадает с аномией, то по крайней мере как бы обменивается с ней своими предметными областями, обнаруживая при этом многие смысловые переходы и пограничные зоны» [57, с. 161]. Одиночество является непременной составной частью аномии, одной из форм ее проявления.

Американские ученые Уильям Садлер и Томас Джонсон провели масштабное исследование, в ходе которого рассматривали, в т. ч. вопрос о том, как одиночество влияет на возникновение аномии. Они выделили четыре типа одиночества:

– Космическое измерение одиночества (причастность человека к Богу, судьбе, природе, исторической миссии).

– Культурное измерение одиночества (ощущение своей связи с достижениями культуры, моральными и этическими ценностями общества).

– Социальное измерение одиночества (участие в различных связях и отношениях с индивидами и группами, образующее структуру, внутри которой взаимодействуют).

– Межличностное измерение - психологические переживания актора и формирование прочной связи с другим индивидом [58].

У. Садлер и Т. Джонсон пришли к выводу, что возникновению аномии способствует ощущение одиночества сразу в нескольких сферах. Человек, испытывающий одиночество в одной из этих сфер, как правило, не становится аномичным.

Предложенная феноменологическая модель развития одиночества предоставляет возможность более детального изучения причин возникновения аномии.

Подводя итог обзору различных теоретических подходов к изучению проявления аномии на уровне личности, можно отметить, что исследователи, работающие в данной области, намного меньше склонны рассматривать аномию как позитивное явление, чем те, кто изучает социальную аномию. По всей видимости, наблюдение за ежедневными переживаниями, страданиями индивидов влияют на научные взгляды этих ученых. Рассматривать аномию как естественное и позитивное явление склонны скорее специалисты, работающие в области социальной философии. Такие как, например, сторонники синергетического подхода к изучению социальной аномии, взгляды которых будут рассмотрены в следующем параграфе.

Обобщая работы представленных в данной главе исследователей, можно сделать вывод о том, что аномия имеет характер единого социально-психологического напряжения, рассогласования целей и ценностей индивида. Аномия на уровне личности, как и аномичное состояние всей социальной системы, являются взаимосвязанными проявлениями одного процесса и могут быть разделены только в аналитических целях. По сути, социальная аномия как из атомов состоит из аномичного состояния отдельных индивидов.

Источниками аномии могут выступать:

- экономические кризисы, которые приводят к падению дохода индивидов, неопределенности их социального статуса;
- кризис института брака, неопределенность в сфере семейно-брачных отношений;
- столкновение культур, влияние чуждой для данного общества системы ценностей;
- развитие информационных технологий, изменяющее характер межиндивидуального взаимодействия;
- индивидуальные особенности личности акторов и негативные события в их жизнях.

Источниками аномии могут служить очень разные факторы, что наглядно показано в приведенном списке. По всей видимости, во все времена отдельные индивиды могли быть подвержены аномии. Для развития социальной аномии на уровне групп и общества в целом необходимо влияние таких мощных социальных факторов, которые способны ввергнуть в состояние аномии значительную часть индивидов, составляющих данное общество

ГЛАВА 2

ГЕНЕЗИС ЭКСТРЕМИСТКОГО ДИСКУРСА МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

2.1. Особенности цифрового пространства как дискурсивной среды молодежи

В данном параграфе будет рассмотрена цифровая среда как специфическое пространство социализации молодежи. Мы рассмотрим особенности молодого поколения на современном этапе, а также специфику взаимодействия молодых людей в цифровом пространстве. Социологическая теория поколений опирается на работы классиков данного подхода Нейла Хоува и Уильяма Штрауса. Ими была предложена классификация поколений как социально-демографического явления. Хотя биологический возраст является только статистическим понятием социологи поколений, доказали, что каждое поколение обладает специфическими особенностями и это в полной мере справедливо и для российского общества [59]. Наиболее влиятельная классификация, которая используется во многих поколенческих исследованиях сегодня, появилась сравнительно недавно — в совместных работах американских ученых Н. Хоува и В. Штрауса [60]. Авторы пришли к общему выводу, что система ценностей у людей, выросших в разные исторические периоды, различается и связано это с тем, что ценности человека формируются не только в семье, но и под влиянием общественной жизни и всего контекста той социальной среды, в которой происходит взросление ребенка, что согласуется с выводами П. Бергера и Т. Лукмана [61].

В результате они выделили нескольких типов поколений, в т. ч. представляющих XX век и подробно описали собирательный образ типичного представителя каждого поколения американской нации. При этом, согласно данной теории, ценности у подрастающего поколения формируются, как правило, в возрасте 12–14 лет. Теория поколений Хоува – Штрауса получила широкое признание не только в США, но и далеко за пределами этой страны. Модель классификации, предложенная Н. Хоувом и В. Штраусом, была пересмотрена и адаптирована применительно к России психолингвистом Е. Шамис и психологом А. Антиповым [62]. Тем не менее, западная классификация работает и в российской действительности. Сегодня поколенческая тематика и ее специфика в условиях новых реалий широко представлена в работах таких известных авторов, как Д. Тапскотт, М. Пренски, М. Бауэрлейн, Н. Карр, Г. Смол и Г. Ворган, Д. Стиллман и др. [63].

В частности, имя канадского ученого Д. Тапскотта связано с введением понятия «сетевое поколение» (*NET-generation* или *N-generation*), профиль которого он описал в своих книгах «Расти в цифровую эпоху: появление сетевого поколения» и «Вырасти в цифровую эпоху: как сетевое поколение изменяет твой мир». В работах этого ученого впервые ставится вопрос о цифровой социализации и дискурсивном формировании жизненного мира молодого поколения. Если социализация предыдущих поколений происходила исключительно в привычном социальном пространстве, то поколение Z проводит значительную часть своего развития в цифровой среде. Следует отметить, что для данного поколения, по сути, нет разницы между традиционной и цифровой социализацией. С их точки зрения — это единое дискурсивное пространство, которое функционирует в реально-виртуальном взаимодействии. В настоящее время этот процесс именуется фиджитал (англ. *phygital* — от *digital* «цифровой» + *physical* «физический») реальностью. Здесь размывается грань между

«виртуальным» и «реальным». Для данного поколения само такое противопоставление представляется неестественным, поскольку они выросли, активно используя цифровые технологии.

В то же время со второй книгой Д. Тэпскотта в США вышла книга Дж. Пэлфрея и У. Гассера «Цифровое происхождение: понимание первого поколения цифровых аборигенов», в которой рассматриваются основные тенденции, связанные со становлением цифрового поколения. Как и Д. Тэпскотт, опираясь на результаты серьезных социологических исследований, они составляют свой социальный тип цифровых аборигенов, явившийся в итоге синтезом, с одной стороны, их активности, стремления к творчеству и инновационной деятельности, и с другой, — склонности к интернет-зависимости, актам агрессии, домогательству, игнорированию авторских прав и некритическому принятию информации. По отношению к «цифровым аборигенам» прочие поколения в сетевом пространстве являются «цифровыми мигрантами». Для них это чуждая дискурсивная среда, которая функционирует по не всегда понятным им законам. Имея в виду цифровой разрыв и социальные различия между старшими и младшими поколениями необходимо делать акцент на возможности их сотрудничества. Разные потребности молодых и старых поколений в то же время могут стать предпосылкой для совместной деятельности в цифровом пространстве.

При оценке поколения Z необходимо рассматривать его в контексте развития поколений общества в целом. Согласно общепринятой классификации выделяются следующие поколения: молчаливое поколение (рожденные с 1925 по 1944 гг.), бэби бумеры (1945–1964 гг.), поколение X (1965–1979 гг.), поколение Y (1980–2000 гг.) [64, с. 477]. Современная молодежь по классификации Н. Хоува и В. Штрауса относится к «поколению Z», которое зачастую называют «цифровыми аборигенами» или «зуммерами». Для российского общества к этому

поколению относятся молодые люди, рожденные с 2000 по 2015 год [63]. Особенностью поколения Z является его знакомство с цифровыми технологиями вовлеченность в жизнь интернет-пространства. Это поколение также характеризуется как мобильное поколение. Они растут вместе с технологиями, способны быстро осваивать все новое, интуитивно ощущать изменения в цифровом пространстве.

Это поколение «не представляет своей жизни без интернета, а содержательный и эмоциональный контент интернета имеет для них большее значение, чем для предыдущих поколений» [65, с. 81]. Указанные особенности цифрового поколения справедливы как для западного, так и для современного российского общества [66]. Цифровые технологии, а также тенденции интернета приходят в российское пространство с некоторым опозданием. Вообще интернет как некая единая всемирная паутина способствует унификации культурных ценностей, моделей потребления, а также всех социальных особенностей молодого поколения. Интернет является пространством обмена опытом впечатлениями ценностями. При этом возможности интернета неизменно используются экстремистскими группами различной направленности. Было бы неверно считать, что интернет провоцирует экстремистские практики. Экстремизм является следствием социальных предпосылок, и корни его лежат, прежде всего, в проблемах традиционного общества. Однако цифровая среда может быть использована экстремистами для быстрого распространения своей идеологии проведение экстремистских мероприятий создание экстремистских групп.

Рассмотренные особенности поколения Z позволяют этим молодым людям не только лучше ориентироваться и действовать в цифровом пространстве, но и быть более успешными в условиях современной экономики, которая характеризуется нестабильностью, быстрой сменой тенденций и необходимостью постоянно осваивать новые технологии.

Существенным фактором, усилившим эти тенденции, оказалась инфекция коронавируса в 2019 году, которая сопровождалась социальной изоляцией и переводом рабочей, а также учебной деятельности в дистанционный формат. Удаленный формат профессиональной коммуникации стал преградой для многих представителей старших поколений, но для представителей поколения Z напротив позволил реализовать свой потенциал. Последствия пандемии проявились и в том, что многие работодатели стали задумываться о целесообразности поддержания офисного пространства в условиях, когда молодые люди могут работать удаленно. Учебные заведения также развили и сохранили дистанционные форматы образования, которые представляются более удобными как многим обучающимся, так и руководителям учебных заведений.

Рассмотренные особенности представителей поколения Z определяют появление специфических дискурсивных практик в цифровой среде. Цифровое поколение как творцы интернета стремится создавать особую реальность и преобразовывать цифровое пространство под свои ценности. Социализация и коммуникация поколения Z в цифровой среде приводит к формированию особого типа ментальности данного поколения. Изучение социотехнической ментальности является перспективной темой и для нас крайне актуально рассмотреть его в контексте экстремизма.

Проблема ментальности поколения Z активно исследуется в течение последних двадцати лет [67]. И при анализе научных публикаций даже на примере отдельных исследователей заметна переориентация интереса на формирование ментальности молодого поколения в цифровой среде [68]. В связи с цифровизацией изучаются различные аспекты социотехнической ментальности данного поколения. Исследователи отмечают не только все больше формирование молодежного дискурса в цифровом пространстве, но и его ориентацию на

неформальную коммуникацию. Это крайне важное замечание, имеющее значение для учебной и профилактической работы. При получении молодыми людьми дистанционного образования и поиске учебных материалов «наиболее значимыми формами интернет-образования являются полностью неформальные формы обучения, которые происходят в ходе повседневного использования интернета. В этом смысле скрытая поддержка в интернете различных форм неформального обучения может рассматриваться как его наиболее существенное образовательное воздействие» [69]. Термин социотехническая ментальность используется в данном исследовании для обозначения когнитивных и некогнитивных ориентаций и установок, а также технических и социотехнических навыков поколений, формируемых преимущественно в цифровой среде.

Помимо термина «социотехническая ментальность» в науке используются аналогичные термины «цифровая ментальность», «инновационная ментальность», «социотехнические мнимости» [69]. Частью исследований инновационной ментальности является концепция «Культуры 3.0», которая предполагает, что в цифровом обществе индивид отходит от роли пассивного потребителя и все более становится производителем элементов культуры.

Существует алгоритмический подход к выявлению социотехнической ментальности поколения Z, который основывается на нахождении определенных ментальных схем, формирующихся в результате полученного индивидом опыта социального взаимодействия в цифровой среде [70].

В англоязычной литературе разработана концепция «вычислительного мышления», которая крайне полезна для понимания механизмов формирования социотехнической ментальности. Концепция социотехнических мнимостей исходит из противоположной логики,

определяя, как когнитивные особенности индивидов влияют на развитие цифровых технологий.

Большой вклад в изучение ментальности поколений на примере российского общества внесла В. И. Пищик, предложившая технику измерения менталитета [68]. Применительно к российскому обществу Пищик предлагает классификацию поколений: советское, переходное и постсоветское [67]. И хотя данный исследователь поднимает крайне интересные вопросы отказ от общепринятой классификации поколений (Н. Хоува и В. Штрауса) является методологически деструктивным и эвристически сомнительным. Работы подобных ученых крайне интересны в контексте международной практики. Поскольку российское общество с одной стороны сталкивается с проблемами экстремизма, которые характерны для любого общества, но с другой стороны имеет свои специфические особенности. Очевидная особенность российского общества является в последствиях исчезновения Советского Союза, начала рыночных реформ и формирования новой политической системы. Память об этих событиях оказывает влияние на дискурс в социальном и цифровом пространстве.

Изучение формирования социотехнической ментальности молодого поколения дискурсионном формате интернета активно проводится также петербургскими учеными. В Санкт-Петербурге в 2022 году при Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого запущен стратегический проект «Технополис „Политех”», одним из направлений деятельности которого стали исследования поколений под руководством Е. Б. Виноградовой. Организация этого центра, получившего существенное финансирование, свидетельствует об актуальности поколенческой проблематики. Правоохранительные органы заинтересованы в том, чтобы исследования социотехнической ментальности молодого поколения проводились с учетом необходимости рассматривать проблемы возникновения девиантного, преступного

и экстремистского поведения. Необходимо сотрудничество между правоохранительными органами и университетскими образовательными центрами, которые обладают существенным академическим и исследовательским потенциалом.

Исследования ментальности поколений на основе конструктивизма декларируют, что в основе межпоколенческих различий лежит субъективная самоидентификация представителей поколения [71]. Коммуникация молодых людей в цифровой среде приводит к еще большему субъективизму самоидентификации, поскольку цифровая среда позволяет скрыть физические характеристики. Такие вещи как пол, возраст, национальная принадлежность могут скрываться или изменяться молодыми людьми. Это обстоятельство таит в себе определенную опасность, поскольку может быть использовано для злонамеренного поведения «троллинга» или совершения девиантных и преступных действий в интернете.

Многие исследователи изучают ментальность поколения Z через призму изменения ценностей. В частности, отмечается большая индивидуализация поколения Z, постепенный отказ от коллективистских ценностей [72]. Цифровое пространство как сфера общения способствует усвоению молодыми людьми элементов мировой культуры, общим знаменателем которой является все большее индивидуализация и либерализация. При этом российская молодежь в процессе взаимодействия в цифровом пространстве демонстрирует наличие элементов традиционной культуры. Для российских представителей поколения Z крайне актуальны такие ценности как взаимная поддержка и патернализм.

Как свидетельствуют эмпирические исследования поколения Z, западное влияние не изменило инвариантная ценностная еда российского общества и «несмотря на большие карьерные ожидания и прагматическую ориентацию в среде поколения Z все еще

сохраняются традиционные для российской культуры коллективистские ценности. При ответе на вопрос о том, каким образом респонденты предпочитают работать на занятиях, половина из них (52,7 %) отметила, что предпочитают работать в группе. Эта тенденция во многом противоречит ориентации экономики и всей культуры на достижение индивидуального результата» [73, с. 93].

Проведенный анализ литературы показал, что в настоящее время ясного, хорошо артикулированного определения понятия «социотехническая ментальность» в научной литературе не представлено. Изучение социотехнической ментальности представляется крайне актуальным в связи с все большей цифровизацией повседневного взаимодействия, особенно в молодежной среде. Отечественная наука нуждается в дальнейших исследованиях цифровой среды как пространство генезиса социотехнической ментальности.

Существенные особенностью ментальности цифрового поколения является то, что оно ценит свободу и зачастую понимает ее в негативном смысле как свободу от контроля. Это развязывает руки различным формальным и неформальным объединениям, которые заинтересованы в дестабилизации российского общества за счет привлечения молодежи к экстремистской деятельности.

Важной частью изучения социотехнической ментальности поколения Z являются исследования цифровых компетенций, наличие которых считаются непременным условием успешной деятельности индивида в любой сфере. Зачастую именно обладание цифровыми компетенциями делает интернет пространством, в котором преобладают более молодые и более образованные люди. Интернет можно уверенно назвать стихией молодежи. Начало исследований в данной сфере было положено Полом Гилстером, предложившим понятие «цифровая грамотность» [43] и обозначившим ряд критериев форсированности цифровой грамотности.

Современные исследователи определяют цифровую грамотность как способность владеть цифровыми технологиями и технологиями обработки информации [74]. В настоящее время в научном дискурсе преобладает понятие «цифровые компетенции». Цифровые компетенции являются причиной цифрового разрыва между молодым поколением и старшими. Это в некотором роде препятствует общению. Со стороны молодежи — это способствует стремлению вводить повседневную жизнь технологии как можно больше. В то же время для пожилых людей освоение цифровых технологий является проблемой. Однако это может быть и поводом для взаимодействия, когда молодые люди смогут поедать свои технологические знания, взамен получая элементы жизненного опыта более старшего поколения. В этом смысле изучение цифровых компетенций в процессе взаимодействия в цифровой среде является перспективным направлением.

Понятия «цифровая грамотность» и «цифровые компетенции» могут использоваться как синонимичные, при этом цифровая грамотность подразумевает наличие у индивида необходимых, базовых цифровых знаний и умений [75], в то время как наличие цифровых компетенций подразумевает способность наиболее эффективно использовать цифровые инструменты [76]. При этом во всех случаях цифровые компетенции молодежи понимаются как часть социальных компетенций, компетенций как таковых. Молодые люди гораздо острее чувствуют изменения и быстрее способны к ним приспособливаться. Для них цифровые технологии давно являются неотъемлемой частью мира.

Исследования цифровых компетенций поколения Z проводятся в двух основных направлениях: исследования в образовании и исследования в профессиональной деятельности. Изучение цифровых компетенций в образовании сопровождается выделением таких

компетенций, которые не входят в федеральный государственный образовательный стандарт [5].

К таким компетенциям относится критическое мышление, способность действовать в условиях неопределенности, креативность, способность искать и обрабатывать информацию, умения координировать деятельность в цифровой среде. Цифровые компетенции поколения Z в образовании изучаются в связи с их коммуникативными компетенциями [77]. Цифровые компетенции в сфере экономики предполагают наличие гибких навыков [78], позволяющих быстро адаптироваться к происходящим изменениям.

Следует отметить, что несмотря на всю критику государство как целое и органы власти присутствуют в цифровой среде и оказывают влияние в том числе и на молодое поколение. Органы власти стремятся к развитию цифрового управления и цифрового участия граждан, которое получило название электронное правительство (*e-government*). Важной частью этого направления государственной политики является привлечение к процессам цифрового управления представителей поколения Z, которые обладают развитым цифровым менталитетом. На современном этапе молодежи предлагается участие в электронном правительстве [79].

При изучении участия молодежи в дискурсе публичной политики ученые обращают внимание на мотивацию молодежи и формы участия молодежи в политических процессах [80]. Важным аспектом участия молодежи в деятельности электронного правительства является проблема неопределенности перспектив [81], которая по убеждению отечественных ученых снижает участие молодежи. Следует отметить, что публикаций по проблеме молодежного участия в электронных государственных проектах совершенно недостаточно. Эта тема нуждается в дальнейшем изучении. Это крайне важно и перспективная тема поскольку привлечение молодежи к позитивной деятельности в интернете

привлечение молодежи к деятельности государственных структур способно снизить уровень девиантного поведения. Это очевидно будет также и способствовать уменьшению распространения экстремистских ценностей и практик.

Анализ существующей литературы предметного поля исследования позволяет сделать вывод об основной тенденции в научных исследованиях вопроса участия молодежи в цифровых проектах общества и власти — диагностике барьеров цифровой компетенции и разработке технологий связи между поколениями. Однако приходится констатировать недостаточную комплексную разработанность, которая объясняется отсутствием единой теории, а также неустойчивостью понятийно-терминологической ситуации в исследованиях междисциплинарного характера.

2.2. Проявления экстремизма в цифровом молодежном дискурсе

В данный момент в обществе начинают происходить процессы виртуализации, которые могут сильно изменить повседневную жизнь людей. Рассмотрение этих процессов и есть исследовательский вопрос данной статьи. Исследуемая проблематика находится на границе социальных наук и философии. В данном исследовании будут использоваться метод теоретического синтеза и реконцептуализации. Методологической основой данного исследования будет выступать комплекс взаимосвязанных онтологических, эпистемологических и теоретических установок. Онтологическим основанием данной работы выступает интерпретативизм. Эпистемологической ориентацией работы является номинализм. В данной работе мы придерживаемся

индуктивной стратегии исследования. В социологической теории рассматриваемые в статье феномены не раскрыты, а потому нами будут впервые рассмотрены сверхновые теории виртуализации типа *Web 4.0* и *Web 5.0*. Изучение новых типов виртуализации имеет не только несомненную актуальность, но и реальную научную новизну.

В настоящее время анализируя социологическую литературу можно обнаружить, что теория виртуализации не развивается, а новые публикации по этой теме скорее освещают определенные аспекты, чем двигают теорию вперед. Существующие теории виртуализации появились в 90-е гг. XX века и восходят к общему основанию. Они базируются на противопоставлении реального и нереального — виртуального, заложенного Ж. Бодрийяром. При этом часть теорий ставят во главу угла технологический аспект виртуализации, понимая ее как следствие развития компьютерных технологий. Другие теории рассматривают виртуализацию с точки зрения общественных изменений, изучая виртуализацию жизненного мира или все большую виртуальность социальных процессов.

Застой в развитии теорий виртуализации имеет как социологические, так и технологические причины. С социологической точки зрения теории дихотомии реального и виртуального является искусственным противопоставлением, не имеющим отношения к социальной реальности. Эти теории являются крайне модными и представляют собой своеобразный авангард современной социологии. Однако следует внимательнее присмотреться к тому, что представляет собой реальность в бодрийяровском смысле. По сути, эта реальность имеет физическую природу. Если, к примеру, мы говорим о нереальности единорога, то говорим о том, что его не существует в физическом мире. Категория единорога здесь не отсылает нас не к чему реальному, но это реальное не социологично. С позиции социальных наук следовало бы говорить о реальности в социологическом смысле. Как культурный

и социальный феномен единорог реален настолько, насколько реальны последствия его существования. И да, в социальном мире он, несомненно, существует. Мы неизбежно приходим к идее, что лежащее в основе всего постмодернизма противопоставление реального и нереального не имеет никакого смысла. Это вредная идея, которая направляет науку в противоположном от истины направлении. С технологической точки зрения интернет-поколения *Web 3.0* является уже установившимся явлением и его изучение не приносит принципиально новой информации. Преодоление указанного теоретического кризиса, как с социологической, так и с технологической точки зрения возможно благодаря развитию теории виртуализации как дополненной реальности.

На данный момент, хотя дополненная реальность и часто упоминается в научной и профессиональной литературе, отношение к ней трудно назвать серьезным. Дополненную реальность рассматривают преимущественно в двух смыслах. С одной стороны ее воспринимают как технологию и рассматривают возможность использования этой технологии для получения прибыли. С другой стороны дополненную реальность считают новомодным трендом в сфере IT, который пройдет так же быстро, как все предыдущие. Существует очень мало публикаций, которые затрагивают подлинно социологический смысл дополненной реальности. Однако дополненная реальность является не просто очередной технологией или веянием моды, а принципиально новым типом социального взаимодействия, который преобразит социальную реальность на определенный период времени. Аналогичным образом появление социальных сетей существенно изменило сферу коммуникации и самопрезентации индивидов.

При этом для указанных поколений существуют и другие названия. В частности, поколение Y иногда называют поколением *Next*, *N-geners*, поколением селфи, а поколение Z – центениалами, *phygital-*

поколением, поколением цифры и др. Наибольшее количество обозначений в научной литературе было введено для поколения Z, которое может именоваться: поколение онлайн, *iGeneration*, «всегда кликающие», свитчеры, *Gen Tech*, после миллениума, поколение фейсбука. Очень часто это исследователи называют поколение Z “*C Generation*” — понятие образовано от слова: «подключен», поскольку он всегда «подключен к интернету»; «содержательно-ориентированный»; «компьютеризированный»; «связь»; «ориентированный на сообщество», «меняющийся» (исследователи полагают, что поколение C любит перемены) [33]. Поколение Z также называют поколением R. Это понятие образовано от слов формирование ответственности — *Responsibility generation* [69]. При анализе этого поколения следует учитывать, что «они родились выросли в 2000-х гг. во времена глубочайших изменений, которые существуют в мире *web*, интернета, смартфонов, ноутбуков, свободно доступных сетей и цифровых медиа» [82].

Наиболее существенным отличием поколения Z от всех предыдущих является то, что они не разделяют реальный и виртуальный мир. Появление этого поколения было обусловлено развитием нового поколения интернета *Web 3.0*, которое включает новый вид взаимодействия — *Phygital*, соединяющий две реальности — физическую (*Physics*) и цифровую (*Digital*). *Phygital* реальность обладает определенными свойствами: доступностью в любое время любого контента в каждом уголке земли. Следует отметить, что поколение Z не только не видит разницы между реальным и виртуальным, но также не мыслит своего существования без виртуальной реальности. Этим обосновывается его второе название — *phygital* поколение.

Коллектив авторов провел исследование, направленное на выявление поведенческих установок представителей поколения Z, сформированных под влиянием цифровой среды. Для достижения

цели исследования были использованы два эмпирических метода: фокус-группа и анкетный опрос. Фокус-группа проведена на основании направленной выборки, составленной из девяти представителей поколения Y (магистранты). Анкетный опрос основан на выборке из 300 представителей поколения Z (первокурсников ООВО г. Санкт-Петербурга).

При разработке дизайна данного исследования использован подход социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана. Эпистемологической ориентацией нашего исследования является интерпретативизм, который предполагает индуктивную логику исследования от сбора фактов к построению теории. Интерпретация фактов производится на основании концепций поколенческого анализа Н. Хоува, В. Штрауса, Д. Стилмана, Д. Тапскотта, М. Пренски и других ведущих исследователей данного научного направления.

Методика проведения данного исследования состоит из трех этапов. Во-первых, это проведение фокус-группы с целью детального исследования представлений поколения Y о последующем поколении Z и особенностей взаимодействия Z с интернет-средой. Во-вторых, это проведение анкетирования трехсот студентов ООВО Санкт-Петербурга, представителей поколения Z. В-третьих, это сопоставление результатов двух эмпирических исследований с целью выявления поведенческих установок поколения Z и их проявлений в интернет-среде.

Ограничения исследования связаны со специфическими особенностями объекта. Трудно отделить специфические факторы, влияющие на все поколение, от специфических факторов молодости. Существуют опасения, что специфические факторы молодости могут быть приняты за специфические факторы поколения Z. Мы понимаем эти ограничения.

В рамках эмпирической части исследования мы изучали влияние интернета на ценности поколения Z, которое также можно назвать *phygital* поколением, для верификации нашей гипотезы о социализирующем влиянии интернета на данную группу. Нами использовался качественный метод фокус-группы, где изучались представители поколения Y (магистры в возрасте 23–30 лет). Также использовался анкетный опрос представителей поколения Z (студенты, которые родились после 2000 года).

Качественные данные, полученные благодаря применению фокус-группы, анализировались с использованием методики нарративного структурирования. Это позволило выявить представления о поколении Z в жизненном мире поколения Y, провести сравнение этих поколений.

Представители поколения Y уверены, что поколение Z характеризуется особым видом самовыражения, которое является самовыражением в цифровой среде. Самовыражение поколения Z в гиперпространстве часто включает в себя социальное поведение, не связанное с интернетом, такое как опасные виды спорта или селфи, сделанные с риском для жизни. Однако это поведение в реальном мире направлено на получение популярности в виртуальном пространстве. В этом случае «это является ценностью, громче всех о себе заявить, забраться на Исаакиевский собор, там сфотографироваться. И вот в таком ключе»¹³.

Другой важной темой, упоминавшийся всеми информантами, является дискурс свободы. Поколение Z понимает свободу в негативном смысле, как свободу от последствий собственных действий и свободу от идентификации, анонимность. Для них свобода кончается там, где кончается анонимность. Они понимают это по принципу: «Все что мне придет в мою голову все могу сказать. Почему?

¹³ Из полевых материалов автора.

Кто должен меня контролировать? Никто не может»¹⁴. Понимаемая в этом смысле свобода является антагонистическим понятием по отношению к ответственности.

По мнению поколения Y описанное понимание свободы и анонимности, свойственное представителям поколения Z, порождает у них склонность к девиантному поведению в цифровой среде. Наиболее явным проявлением девиации в цифровой среде являются практики «хейта», когда определенные пользователи подвергаются лавине необоснованных негативных комментариев. По логике поколения Z, право на девиантные практики является частью права на свободу и анонимность. Информанты особо отметили, что практики хейта являются также следствием неумения представителей поколения Z разрешать конфликтные ситуации, следствием чего является перенос конфликта в интернет.

Информанты особо отметили, что для поколения Z крайне важно достичь карьерных высот и войти в категорию богатых людей. В отличие от поколения Z образование они рассматривают не с позиции познания мира или возможности весело провести студенческие годы, а с позиции создания потенциала для будущей карьеры. Они согласны изучать предметы, которые им не нравятся, чтобы закончить престижную образовательную организацию. Они рассуждают следующим образом: «Как мне сейчас плохо, но зато потом вот у меня будет такой диплом, я уеду за границу, буду там очень крутым специалистом». Поколение Z очень критично относится к изучаемым в ООВО знаниям и оценивает их с позиции возможности применения и актуальности в условиях цифровой экономики. С их точки зрения нет смысла изучать в академической аудитории общую информацию о разных аспектах устройства мира, поскольку ее легко можно найти в *Google*. Такое отношение к образованию является деструктивным

¹⁴ Из полевых материалов автора.

для поколения Z, поскольку оно сужает возможности их интеллектуального развития. С этой точки зрения человеку необходимы только те знания, которые сразу позволят зарабатывать без какой-либо перспективы. Следует отметить, что подобные взгляды поколения Z обусловлены состоянием рынка труда, где предложения для молодежи ориентированы на сиюминутную результативность работы. Поколение Z разделяет индивидуалистические взгляды, которые хорошо вписываются в современную экономику, ориентированную на достижение работником индивидуального результата и создание для него возможностей работать удаленно.

Для этого поколения время является ценностью и как следствие они хотят учиться как можно быстрее. Как отметили информанты «на полках становится все больше переизданий классических трудов в том в тонком формате. Философия за 30 секунд, математика за 30 секунд. Это чушь полнейшая, разобраться в этом невозможно. Но они пытаются сделать все быстрее и быстрее. У них постоянно нет времени».

Информанты отметили, что поколение Z отличается непрерывной вовлеченностью в гиперпространство. Они интересуются различными темами и способны хорошо искать информацию. Однако они испытывают трудности с обработкой информации, не могут выделить основную суть проблемы или классифицировать информацию по категориям. Поколение Z всегда следит за трендами и новыми тенденциями в сети. Они могут расстроиться, если будет не в курсе значения нового мема или слова. Подобное поведение является конструктивной особенностью поколения Z, так как оно существует в условиях очень динамичного и непостоянного общества.

Представители поколения Y также охарактеризовали поколение Z как инфантильное и неспособное брать на себя ответственность за свою жизнь. Здесь следует отметить большое противоречие

в поколении Z, поскольку свои убеждения они формулируют сами, но реализовать свои планы часто оказываются неспособны и в реальной жизни они оказываются зависимы от родственников или друзей. Они предпочитают общаться через интернет, однако интернет для них становится не местом поиска новых друзей и знакомых, а пространством одинокого серфинга в сети. Виртуальная сеть не помогает наладить общение и не делает молодых людей ближе друг к другу.

По убеждению информантов, поколение Z полностью исходит из индивидуалистических ценностей. При этом количественные данные исследования уже самих представителей поколения Z свидетельствуют о большой доле коллективистских ценностей в их жизненном мире.

Для проведения анкетного опроса была сформирована слоеная выборка студентов ООВО Санкт-Петербурга. Было опрошено 302 респондента ($N = 302$) с учетом доли представителей соответствующего возраста и гендерной принадлежности в генеральной совокупности.

Для выявления ценностей поколения Z респондентам были предложены бинарные альтернативы с ответами (да) или (нет), свидетельствующими о присутствии или отсутствии данной ценности у респондента. Благодаря этому была получена иерархия ценностей поколения Z. Ценности распределились следующим образом: самовыражение (32 %), взаимопомощь (24 %), карьера (14 %), эмпатия (13 %), толерантность (11 %), общественное признание (6 %). Статистический анализ полученных данных позволил составить социальный портрет среднестатистического представителя *phygital* поколения с характерными для него ценностями (рисунок 1).

Наиболее значимые ценностью для поколения Z является ценность самовыражения, которая относится к индивидуалистической направленности личности. При этом второе место в ценностной иерархии поколения Z занимает взаимопомощь, которая относится к коллективизму.

Подобные результаты количественного исследования могут представляться противоречивыми, однако для разрешения этого противоречия следует учитывать специфику построения жизненного мира поколения Z. Для них пространство конструирования социальной реальности, в котором происходит самовыражение, является коллективным и объединяющим реальный и виртуальный мир. А поскольку это коллективный опыт, то в нем могут сосуществовать указанные индивидуалистические и коллективистские установки.

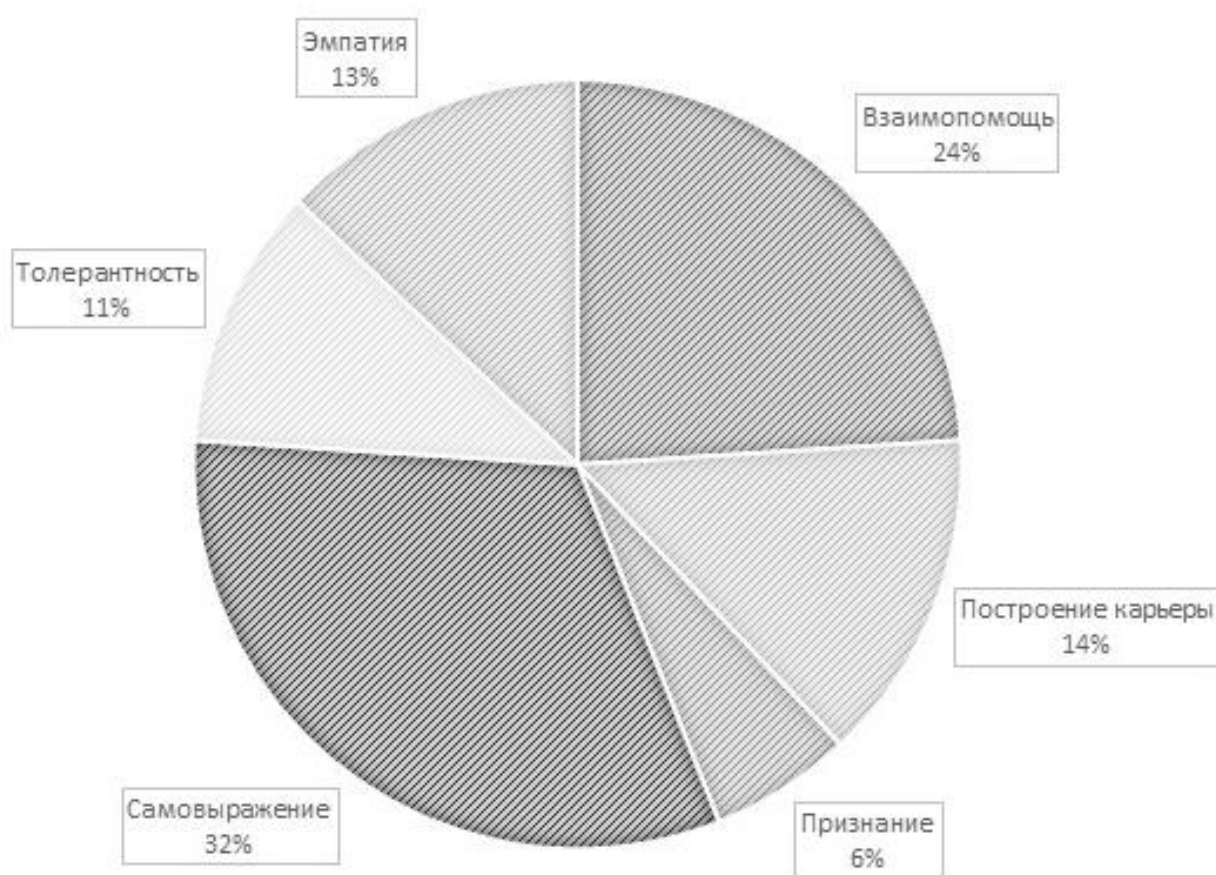

Рис. 1. Иерархия ценностей поколения Z

Специфика *phygital* поколения связана со способам конструирования ими жизненного мира. Для этого поколения нет разницы между реальной социальной жизнью и социальной жизни в сети. Поскольку представители поколения Z постоянно излагают события своего жизненного опыта в интернете то и другие молодые

люди просматривающие записи или фотографии в интернете и социальных сетях ощущают себя с участниками этих событий. Таким образом происходит совместное конструирование жизненного мира представителями поколения Z. Это обстоятельство во многом препятствует общению с другими поколениями. Согласно полученным данным только 3 % *phygital* поколения близко общаются в интернете с людьми которым более 40 лет.

Полученный нами образ поведения и ценностей поколения Z отличается от результатов исследования полученных Д. Стиллманом [42], по результатам изучения американского общества. Д. Стиллман утверждает, что непременным условием самоутверждения для поколения Z является получение обратной связи. Поскольку самоутверждение *phygital* поколения происходит преимущественно в сети, эмпирической мерой обратной связи выступили лайки и репосты. Однако согласно нашим данным лайки оказались критически важны только для 5,3 % респондентов. При этом для 45,3 % процентов респондентов эти формы признания не имели существенного значения, а для 48 % имели не существенное значение.

Из результатов очевидно, что в структуре ценностей поколения Z преобладает индивидуализм, оно ориентировано на самореализацию, финансовый успех и построение карьеры. Однако в российском обществе *phygital* поколение имеет некоторые особенности, поскольку в их жизненном мире сильны такие ценности как взаимопомощь (24 %) и эмпатия (13 %).

При ответе на вопрос о самостоятельном принятии решений 74 % респондентов заявили, что ориентируются на мнение близких людей, но окончательное решение принимают сами.

Полученные данные позволили выявить специфику личности представителя поколения Z, для которой как эмоциональный, так и текстовый контент гораздо более важен, чем для представителей старших поколений. Этот вывод согласуется с выводами как российских, так

и западных исследователей. В России наиболее посещаемые ресурсы «ВКонтакте» (23 %) и «Инстаграм» (18 %) (рисунок 2). Эти ресурсы активно используются для загрузки фотографий, видео и других способов¹⁵. Для многих пользователей лайки и репосты их записей означают наличие обратной связи и как следствие социальной значимости. Важно отметить, что представители поколения Z определяют себя в зависимости от ситуации, а не определенно и на всю жизнь [83]. Такой способ самоопределения связан с динамичной цифровой средой и цифровой экономикой, где важно проявлять гибкость.

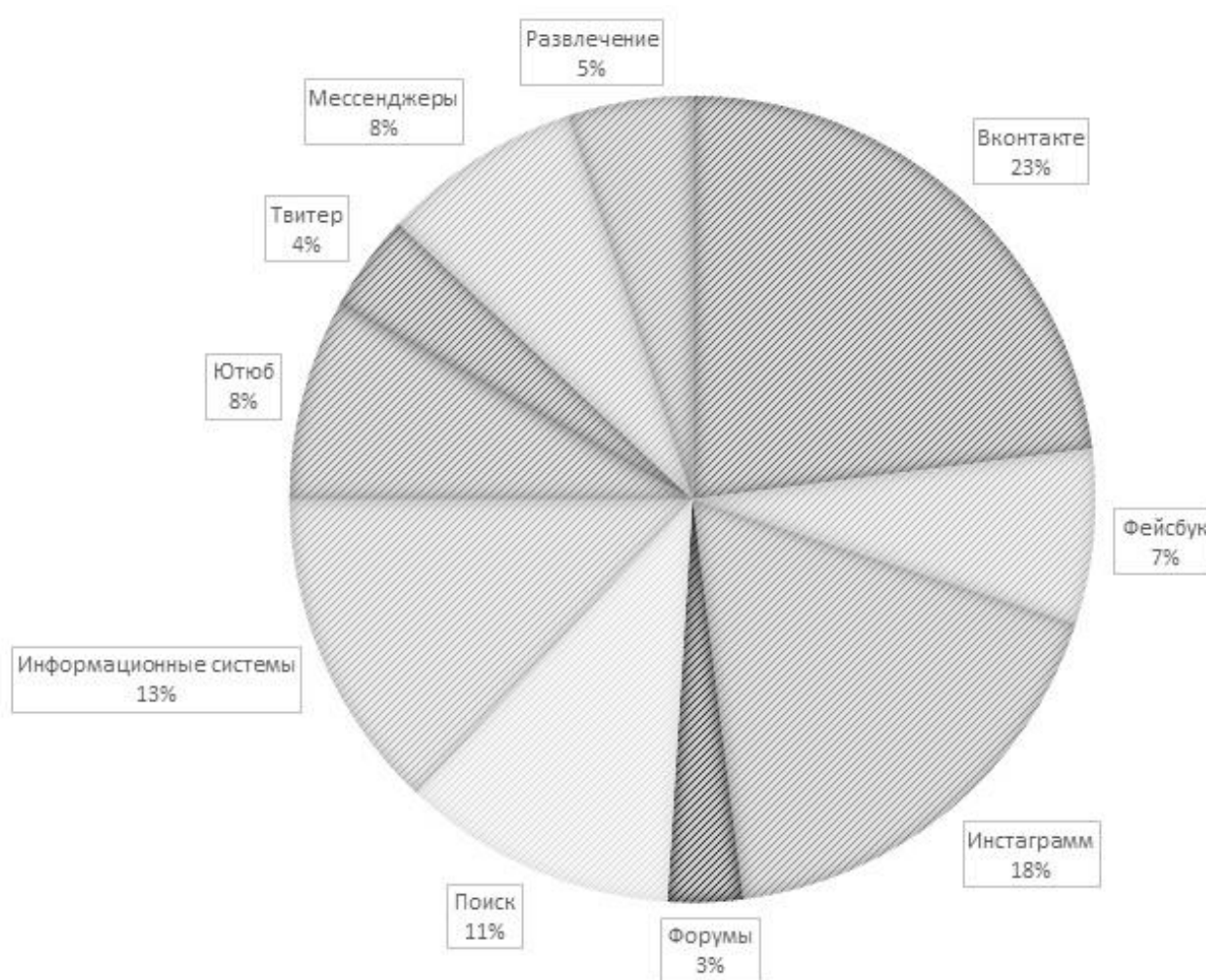

Рис. 2. Частота использования Интернет-ресурсов поколением Z

¹⁵ 13, right now : This is what it's like to grow up in the age of likes, lols and longing // The Washington Post. May 25, 2016. URL:https://www.washingtonpost.com/sf/style/2016/05/25/13-right-now-this-is-what-its-like-to-grow-up-in-the-age-of-likes-lols-and-longing/?utm_term=.f7f060c89a1b (дата обращения: 20.12.2023).

Социологи, изучающие интернет Дж. Палфри и У. Гассер отмечают, что поколения Z с рождения проводит время в интернете и не разделяют реальное социальное взаимодействие и коммуникацию в интернете. Собранные нами данные подтверждают этот вывод, поскольку большинство респондентов начали пользоваться интернетом в возрасте от 6 до 12 лет (91 %). При этом 36 % из них начали использовать интернет когда им было от 6 до 8 лет. Большая часть респондентов не могут без интернета и смогли бы обойтись без него всего месяц и то при наличии другого интересного занятия. Результаты нашего опроса подтверждают вывод Д. Стиллмана, что для поколения Z нет разницы между реальной социальной жизнью и виртуальной коммуникацией. В частности респонденты указали, что у них больше друзей в интернете, чем в реальной жизни. Хотя в этом же опросе 35 % респондентов заявило, что в реальной жизни у них больше друзей. Это противоречие может свидетельствовать о разных видах дружбы и неотрефлексированности этого понятия поколением Z.

Обнаруженная нами важная роль карьеры и профессионального успеха в теории Д. Стиллмана обозначается как прагматическая рациональность. Среди наших респондентов 40,7 % заявили, что выбор направления развития карьеры обусловлен желанием получить быстрый и большой доход.

Поколение Z склонно к индивидуализму, который Д. Стиллманом был концептуализирован как персонализация. Частью этой тенденции является и выбор 65 % респондентов индивидуальной или удаленной работы.

Данные анкетного опроса показали, что поколение Z склонно к девиантным практикам в сети. В частности, 69 % считают, что в некоторых случаях допустим троллинг. Просмотр экстремистских материалов и материалов, содержащих сцены насилия, считают возможным 12 %, а скачивание пиратского контента одобряют 94,6 %. Вероятно эта тенденция связана с негативным пониманием свободы

поколением Z. Нецензурную лексику используют 65,3 % , а 32,7 % согласны с употреблением таких слов в своем присутствии. Категорически против нецензурной лексики высказалось только 2 %. Полученные данные указывают на необходимость коррекции нормативных и ценностных установок поколения Z со стороны учебных заведений и других институтов социализации.

Представленное эмпирическое исследование, сочетающее возможности качественных и количественных методов, позволило обнаружить существенную разницу между восприятием себя поколением Z и образом поколения Z с точки зрения поколения Y. Поколение Z является первым действительно *phygital* поколением, для которого нет разницы между социальным взаимодействием в сети и реальным общением. Эти молодые люди являются индивидуалистами как в профессиональной, так и в семейной жизни. Исследование показало, что представители поколения Z склонны к девиантному поведению в интернете (троллинг в общении, травля собеседников или скачивание пиратского контента).

Анализ результатов анкетного опроса позволяет утверждать, что несмотря на все отличия и жизнь в *phygital* реальности поколению Z все еще свойственны нормы и ценности коллективизма. В частности, ценность взаимопомощи стоит у них в иерархии ценностей на втором месте, а ценность эмпатии — на четвертом.

Помимо этого, *phygital* поколение уделяет определенное внимание этическим ценностям. Это оставляет надежду на возможность преодоления выявленных нами девиантных практик поведения в сети. Этические ценности поколения Z могут стать основой для привития им социально-конструктивных ценностей в ООВО.

Проведенное исследование наглядно показало разницу между восприятием поколением Y поколения Z и самовосприятием поколения Z, а также раскрыло некоторые аспекты характера взаимодействия поколения Z и интернет-среды. В ходе исследования было выявлено,

что представители поколения Y имеют представление о поколении Z как о неполноценном поколении (плохо социализированном, инфантильном, интернет-зависимом, бездуховном, с клиповым мышлением, индивидуалистичном). Однако результаты исследования показали, что представление фокус-группы, проведенной среди представителей поколения Y об изъянах социализации поколения Z, является не вполне обоснованным.

Вероятно, смещение акцентов фокус-группы на более субъективные оценки связаны с довольно четкими межпоколенческими границами: представители поколения Y не спешат воспринимать поколение Z как полноправных участников социальных процессов (особенно, если учесть возраст участников фокус-группы) Восприятие самих себя как более взрослых, ответственных, коммуникабельных и тому подобное оборачивается уменьшением роли и значимости участия поколения Z в конструировании социальной реальности. Авторы данного исследования не могут согласиться с подобной постановкой вопроса: именно поколение Z несет в себе трансформацию социальной реальности в сторону фиджитализации, социотехнической реальности, в которой потоки информации и каналы коммуникации физического и виртуального миров сплетаются в единый сетевой ассамбляж.

Тем не менее, негативизация поколения Z в глазах поколения Y указывает и на некоторые объективные стороны, в частности, поднимает вопрос о девиантности поведения в цифровом пространстве. Эта объективность проистекает из мира норм физической реальности, которые нередко расходятся с миром норм виртуальной реальности. Склонность к табуированной лексике, использование пиратских ресурсов, троллинг маркируется поколением Y как девиации, и это происходит, судя по всему, из меньшей погруженности представителей поколения «цифровых исследователей» в виртуальное пространство. Представители поколения «цифровых аборигенов», напротив, не видят в этих

формах поведения девиации, о чем красноречиво говорят результаты исследования.

В ходе первого этапа лонгитюдного исследования особенностей возрастной когорты поколения Z (2019–2020 гг.) была поставлена цель; выявить ценностный профиль поколения Z. Данные кодировались по бинарному принципу: «да» — 1, «нет» — 0. Единица присваивалась первой из шести выбранных поведенческих установок (ценностей).

На основе опроса 302 респондентов была выявлена следующая шкала ценностей: самовыражение (32 %), взаимопомощь (24 %), построение карьеры (14 %), эмпатия (13 %), толерантность (11 %), признание (6 %). Полученная шкала ценностей была протестирована на основе случайной выборки из 20 респондентов (по 5 респондентов из каждой ООВО). В результате подсчета была получена та же шкала ценностей (рисунок 3). Результаты эмпирического исследования подтвердили факт, что ценность «самовыражения» является самой важной ценностью для поколения Z. Очевидно, что данная ценность является выражением крайнего индивидуализма, однако последующие ценности в шкале являются частично коллективистскими — это взаимопомощь (24 %) и эмпатия (13 %). Таким образом, российское поколение Z отличается по своим поведенческим установкам от американского в исследовании Д. Стиллмана по своим коллективистским установкам [84].

Склонность представителей поколения Z к проявлению эмоций через интернет является важной чертой данного поколения и выражается даже в большей степени, чем у предыдущих поколений. Этим и обуславливается выбор информационных платформ (ресурсов) в интернете, которые позволяют делиться своими чувствами посредством визуализации повседневного опыта. В результате проведенного в 2019 году опроса (рисунок 4) было выявлено, что наиболее

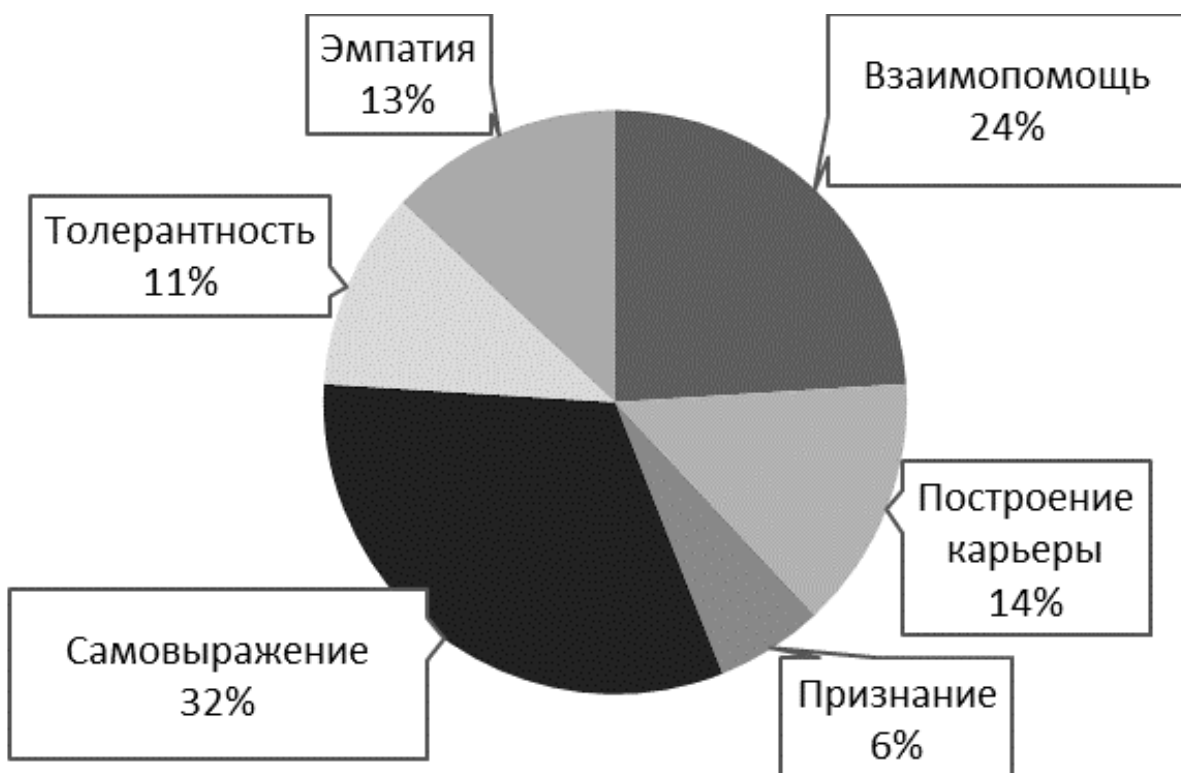

Рис. 3. Поведенческие установки поколения Z

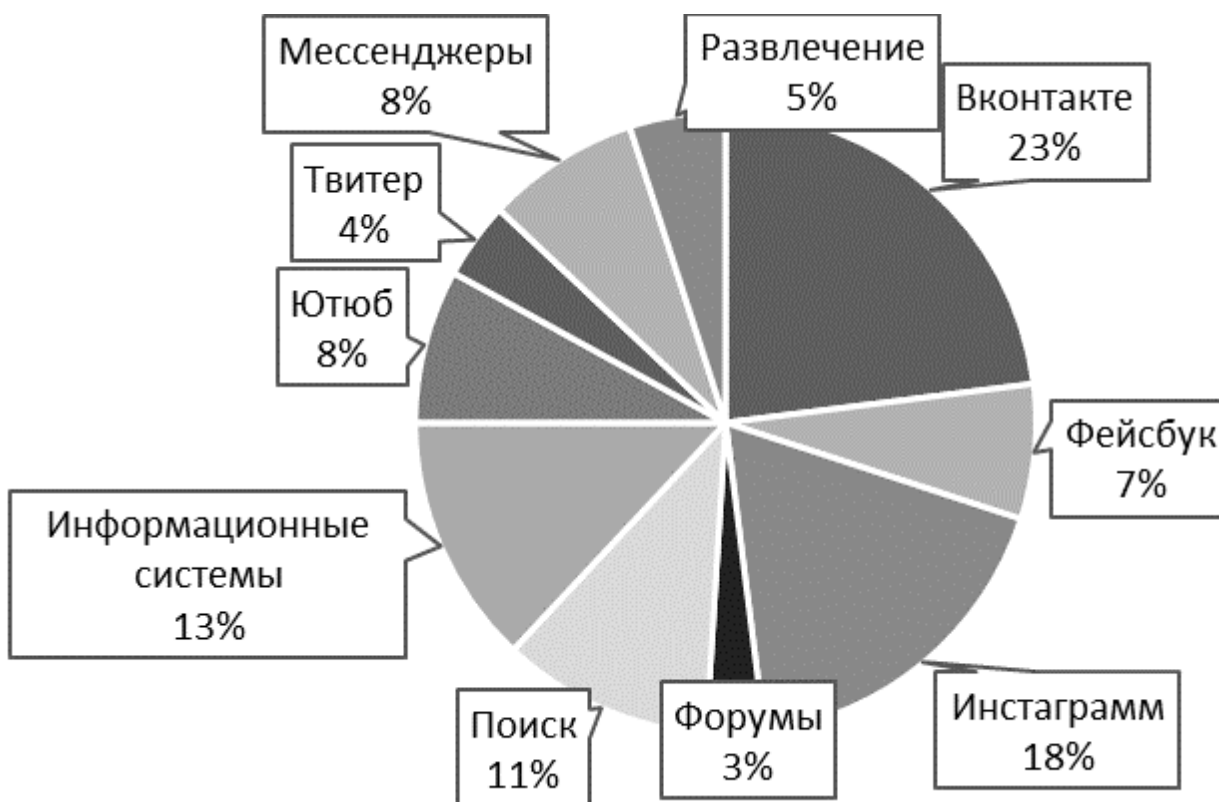

Рис. 4. Рейтинг популярности интернет-ресурсов у поколения Z

востребованными социальными сетями являются *Vkontakte* (23 % респондентов) и *Instagram* (18 % респондентов). Для обеих платформ характерно использование фотографий для отражения своего эмоционального состояния и настроения, а также сбор лайков, которые также играют важное значение для поколения Z, что было выявлено в процессе исследования. Однако необходимо отметить, что характеристики личности представителей поколения Z более гибкие и многогранные, чем у предыдущих поколений. Зумер определяет себя скорее ситуационно, чем раз и навсегда заданным образом. Соответственно грани его личности могут изменяться в зависимости от социального окружения и обстоятельств.

В ходе анкетного опроса студентов-зумеров в 2020 году был сделан акцент на выявление особенностей социального конструирования реальности поколением Z.

Вопрос о допустимости эвтаназии был сформулирован так, чтобы учесть диаметрально противоположные точки зрения о приемлемости данного явления. Приемлемость эвтаназии обсуждалась как онлайн, так и в аудитории. Необходимо было понять, как стороны дискуссии идентифицируют нужную точку зрения. Согласно результатам опроса 57,7 % респондентов будут придерживаться результатов, полученных при обсуждении в аудитории, 20,4% респондентов будут ориентироваться на мнение, сформированное при обсуждении проблемы с однокурсниками после занятий (рисунок 5). Оставшиеся 11,9 % респондентов будут полагаться на мнение, сформированное в ходе обсуждения данного вопроса в интернете. Данный вопрос позволил выявить интересный факт, что, несмотря на свою подверженность влиянию цифровых технологий, зумеры будут формировать свое мнение, исходя из взаимодействия в ходе реальных дискуссий в аудитории или после занятий.

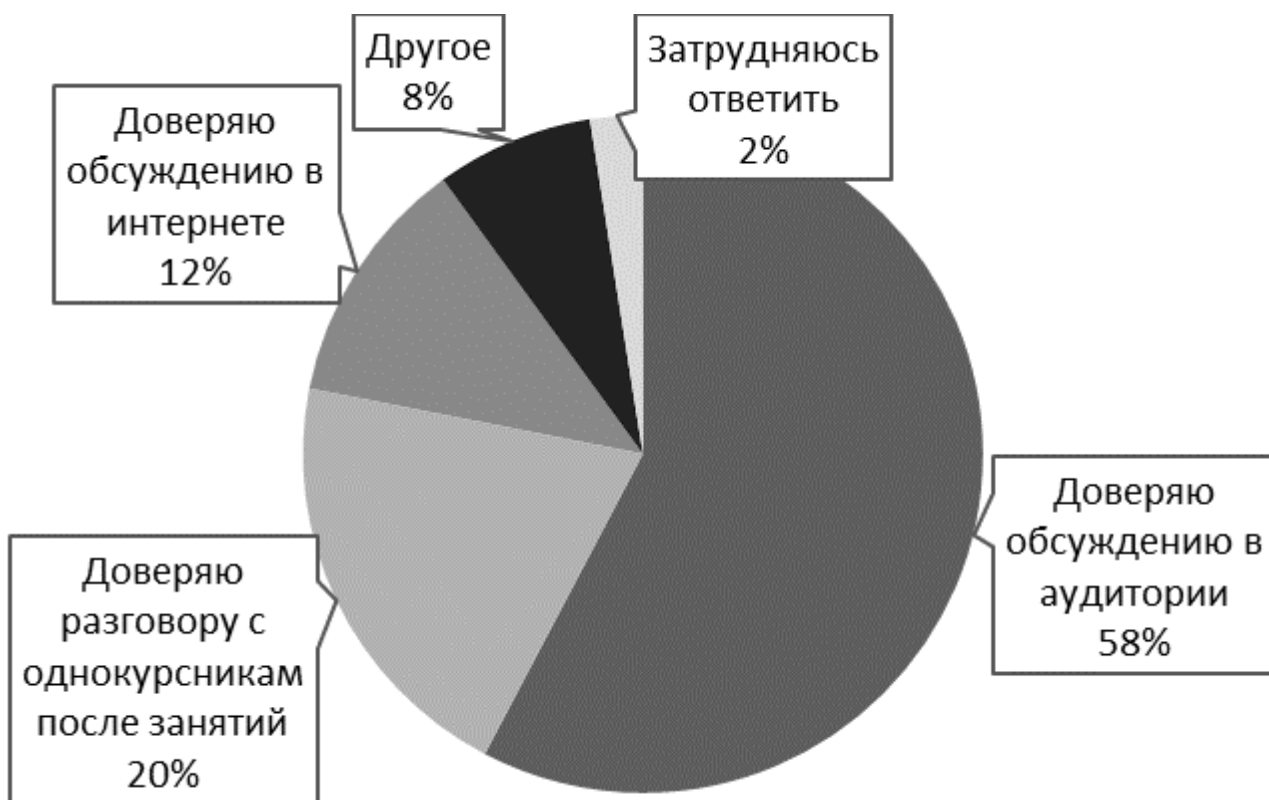

Рис. 5. Доверие результатам дискуссии об эвтаназии

Одним из ключевых вопросов в определении особенностей социального конструирования реальности представителями поколения Z является вопрос о выборе будущей карьеры после завершения обучения и учета мнения значимых других в этом вопросе. Согласно результатам опроса, представленным на рисунке 6, абсолютное большинство (66 % респондентов) примут решение относительно своей карьеры сами без посторонней помощи. 13 % — посоветуются с родственниками, 8 % — прислушаются к мнению экспертов на рынке труда, 5 % — посоветуются с лучшими друзьями, 2 % — прислушаются к мнению всех тех, кто подпадает под категорию друзей вообще и только 1 % — обратятся за ответом к лидерам мнения. Таким образом, можно заметить, что формирующееся поколение Z представляет собой ярко выраженное поколение Я с индивидуалистическими наклонностями, уверенностью в правильности своего мироощущения и способах

конструирования реальности. Однако как показало исследование, проведенное в 2019–2020 гг., российское поколение Z не является чрезмерно индивидуалистическим, т. к. содержит в своем ценностном профиле коллективистские ценности такие, как взаимопомощь и эмпатия, что является в целом особенностью российского общества.

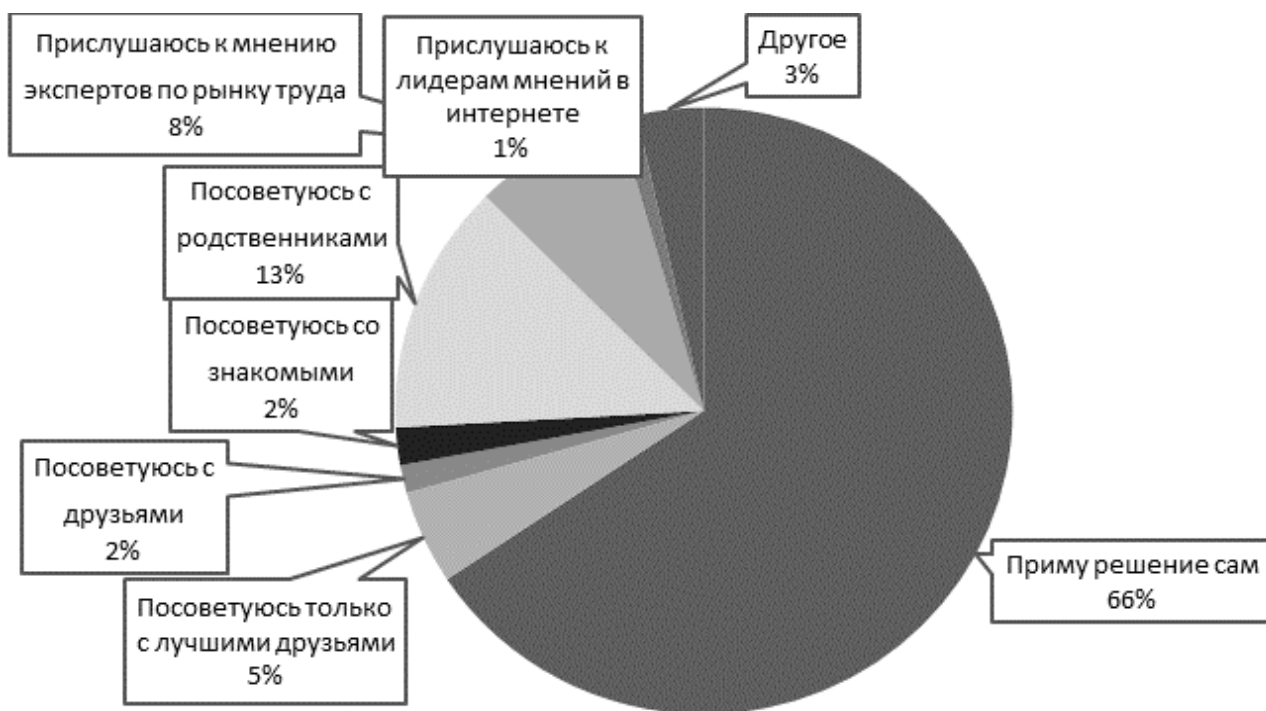

Рис. 6. Выбор будущей карьеры

В исследовании была поставлена гипотеза, что склонность к *blended learning* обусловлена рядом факторов, которые предстояла выявить в ходе исследования. Для того, чтобы выявить эти факторы был проведен факторный анализ с использованием статистического пакета *SPSS*. Данные анкетного опроса были закодированы по бинарному принципу: 1 — качество ярко выражено, 0 — качество не выражено или выражено слабо. Для проведения факторного анализа кодировались данные опроса студентов, проведенного осенью 2020 года в разгар пандемии COVID-19.

Чтобы проверить пригодность данных для проведения на них факторного анализа использовались критерий адекватности выборки КМО (Мера выборочной адекватности Кайзера-Майера-Олкина) и критерий сферичности Ф. Ч. Бартлетта. Критерий КМО составляет 0,601. Он показывает, что факторный анализ применим к выбранным данным. Критерий сферичности имеет статистическую значимость на уровне 0,001, что означает, что корреляция в корреляционной матрице статистически значимо отличается от нуля, и данная матрица пригодна для факторного анализа.

Посредством факторного анализа удалось вскрыть пять латентных факторов (таблица 1). Переменные, входящие в каждый фактор, должны иметь факторную нагрузку не менее 0,4. Каждый из пяти факторов содержит факторные нагрузки с положительным знаком, что играет важную роль в регрессионном анализе на основе выбранных факторов.

Обозначим первый фактор как «профессиональная ориентация». Он включает в себя следующие переменные «удовлетворенность содержанием дисциплин», «тенденция к саморазвитию», «удовлетворенность организацией учебного процесса», «работа по специальности после окончания ООВО».

Таблица 1

Матрица компонентов после вращения

Переменные	Факторы				
	1	2	3	4	5
Удовлетворенность содержанием дисциплин	0,708	—	—	—	0,306
Тенденция к саморазвитию	0,636	—	—	—	—
Удовлетворенность учебным процессом	0,583	0,306	—	0,373	—

Окончание таблицы 1

Переменные	Факторы				
	1	2	3	4	5
Работа по специальности после окончания ООВО	0,537	—	—	—	—
Выбор индивидуальной траектории	—	0,753	—	—	—
Удовлетворенность обучением в период пандемии 2020 года	—	0,638	—	0,339	—
Удовлетворенность государственной образовательной политикой	—	0,625	—	—	—
Сотрудничество ООВО с работодателями	—	—	0,822	—	—
Влияние качества образования на получение работы	—	—	0,771	—	—
Групповая работа в классе	—	—	—	0,762	—
Использование источников, рекомендованных преподавателем	—	—	—	0,580	—
Формирование личных контактов в процессе обучения	—	—	—	—	0,836

Обозначим второй фактор как «свобода выбора», которая определяется внутренней и внешней средой образовательного процесса. В данный фактор входят переменные «выбор индивидуальной траектории», «удовлетворенность обучением в период пандемии», «удовлетворенность государственной образовательной политикой».

Обозначим третий фактор как «единство целей университета и бизнеса». Для него характерно во взаимодействие университетов и работодателей, т. е. связь образования с трудоустройством. Этот фактор состоит из переменных «сотрудничество ООВО с работодателями», «влияние качества образования на получение престижной работы».

Четвертый фактор — это «профессиональная коммуникация». Он характеризует организацию учебного процесса. Фактор состоит из переменных «групповая работа в классе» и «использование источников, рекомендованных преподавателем».

Обозначим пятый фактор как «мягкие навыки». Он состоит из одной переменной, обозначенной как «формирование личных контактов в процессе обучения».

Выявленные в ходе факторного анализа факторы представляют собой стандартизованные величины со средним, равным нулю, и стандартным отклонением, равным единицы. Выбросов в них нет, поэтому мы можем использовать данные факторы для построения логистической регрессии. Данная модель позволит нам выявить значимые факторы, которые и оказывают решающее влияние на выбор *blended learning*. Модель логистической регрессии будет построена при помощи языка программирования *R*, статистические пакеты которого повышают точность расчетов и визуализации результатов.

Результаты вычисления логистической регрессии указаны в таблице 2. Они показывают, что только два фактора являются статистически значимыми («свобода выбора» и «профессиональная коммуникация»). Основываясь на этих данных, можно записать уравнение логистической регрессии.

Вероятность использования *blended learning* ~ *Binomial* ($n = 1, \pi_i$)

Математическое ожидание E (эффективности *blended learning*) равно π_i .

Функция связи логитов переводит вероятности в логиты при интерпретации коэффициентов регрессии.

$$\begin{aligned} \text{Ln}\left(\frac{\pi_i}{1-\pi_i}\right) &= \eta_i \\ \eta_i &= 1,74 + 0,68 \times \text{FAC2_1} + 0,54 \times \text{FAC4_1} \end{aligned} \quad (1)$$

Таблица 2

Результаты модели логистической регрессии для бинарных данных

Предикторы	Коэффициенты	Стандартные ошибки	Z оценки ¹⁶	Уровень значимости
Интерсепт	1,75505	0,22879	7,671	1,71e-14***
Профессиональная ориентация (FAC1_1)	0,06906	0,18857	0,366	0,71419
Свобода выбора (FAC2_1)	0,67932	0,19715	3,446	0,00057***
Единство целей университета и бизнеса (FAC3_1)	0,01578	0,20304	0,078	0,93804
Профессиональная коммуникация (FAC4_1)	0,52901	0,21008	2,518	0,01180*
Мягкие навыки (FAC5_1)	-0,21121	0,20531	-1,029	0,30358
Примечания: * p — значение от 0 до 0,001. ** p — значение от 0,001 до 0,01. *** p — значение больше 0,1.				

Уравнение логистической регрессии (1) показывает прямую связь между фактором FAC2_1 («свобода выбора») и вероятностью использования *blended learning*, а также между фактором FAC4_1 («профессиональная коммуникация») и зависимой переменной. Имея наибольший коэффициент фактор «свободы выбора» оказывает наибольшее влияние на зависимую переменную «вероятность использования *blended learning*». На рисунке 7 представлены графики, которые

¹⁶ Z-тест Вальда — это аналог T-теста Стьюдента для тестирования параметров в линейной регрессии.

показывают связь между выбранными факторами и зависимой переменной. При интерпретации визуальных отражений взаимосвязей можно сделать вывод, что при изменении фактора на одно положительное стандартное отклонение вероятность использования модели обучения *blended learning* возрастает. Однако для обоих факторов между первым и вторым стандартным отклонением наступает насыщение функции. Данная тенденция означает, что значительные инвестиции в данную модель обучения на определенном этапе становятся менее эффективными.

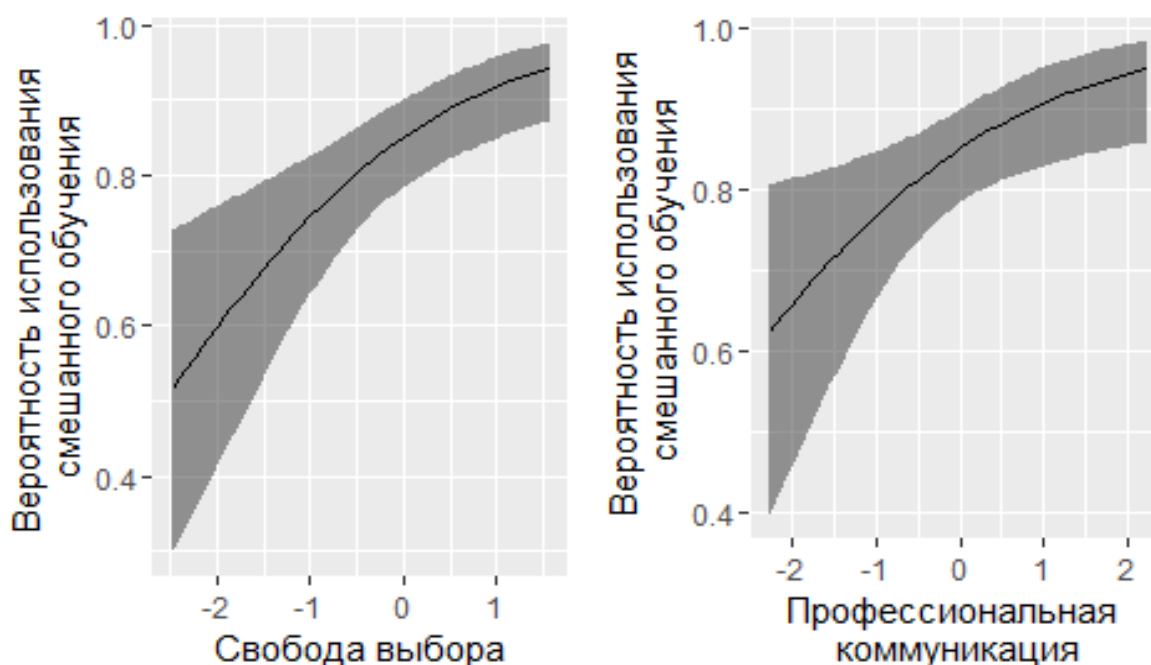

Рис. 7. Графики зависимости вероятности использования модели *blended learning* от факторов

При движении по графикам в обратном направлении вероятность использования модели обучения *blended learning* уменьшается.

Интерпретация коэффициентов логистической регрессии позволяет сделать вывод, что при изменении фактора FAC2_1 («свобода выбора») на одну единицу, вероятность использования модели *blended*

learning возрастает в 1,96 раза. При увеличении фактора FAC4_1 («профессиональная коммуникация») на одну единицу вероятность внедрения модели *blended learning* возрастает в 1,71 раза. Для получения данных результатов мы возводим число Эйлера (2,71) в степень коэффициента, стоящего при независимой переменной.

Данное уравнение логистической регрессии показывает, что на вероятность использования модели *blended learning* в обучении решающее значение оказывают факторы свободы выбора и профессиональной коммуникации. При этом студенты не стремятся полностью перейти на дистанционное обучения, желая сохранить формат и традиционных занятий в аудитории под руководством преподавателя и в живом общении с группой. Учитывая прагматизм поколения Z, необходимо отметить, что обучение для них это возможность приобрести практикоориентированные знания, которые можно использовать здесь и сейчас.

Значимой частью исследования стало анкетирование младшей возрастной страты представителей поколения Z (старшекласников), проведенное в 2021 году. Старшекласникам были заданы те же вопросы, что и их старшим товарищам в 2020 году. Проведенное сравнительное исследование позволило выявить внутр поколенческие особенности социального конструирования реальности представителями поколения Z. При изучении старшекласников мы имеем дело с людьми, которые с самого раннего детства находятся в условиях цифрового взаимодействия. Это накладывает определенный отпечаток на формирование их жизненного мира и на их умение работать с большими потоками данных.

Первый вопрос был посвящен ситуации, когда для учебы респонденту необходимо выбрать информацию и подготовить сообщение на определенную тему.

Представители поколения Z студенческого возраста проявили большую склонность доверять академическим и авторитетным источником информации.

Среди опрошенных, 40,3 % старших и 25,3 % младших представителей поколения Z будут использовать серьезные источники для подготовки сообщения (рисунок 8). Использовать серьезные источники, но только выборочно, фрагментарно собираются старших 15,9 % и 10,3 % младших зумеров. Ограничатся чтением краткого содержания книги 5,5 % старших и 11 % младших представителей цифрового поколения. Готовить сообщение на основе только материалов из интернета будут 33,8 % старших и 51,5 % младших представителей поколения Z. При этом вообще не будут тратить время на подготовку и воспользуются только имеющимися знаниями 4,5 % и 1 % респондентов соответственно.

Рис. 8. Способы подготовки докладов

Постоянное участие младшей страты поколения Z в цифровом взаимодействии делает их подход к анализу информации более

адаптивным и менее основательным. В цифровом пространстве намного важнее быть в тренде и владеть наиболее актуальной информацией по происходящим в обществе и экономике изменениям, чем иметь глубокое понимание процессов.

Участие в цифровом взаимодействии приводит к изменению особенностей личности представители поколения Z. Это становится очевидным при анализе ответов респондентов на вопрос о том, почему у людей могут быть разные мнения по одному и тому же вопросу (рисунок 9).

Рис. 9. Отношение к различиям во мнении собеседников

Убежденность в том, что истину отражает только одно мнение высказали 7 % старших и 2,1 % младших представителей поколения Z. Уверенность в том, что несколько мнений могут быть одновременно истинными, высказали 39,8 % старших и 29,4 % младших представителей цифрового поколения. Представление о том, что любое мнение является истинным только отчасти, выразили 26,9 % старших и 35,5 % младших представителей *phygital* поколения. Убежденность

в том, что любое мнение отражает только взгляды конкретного человека, а не истину высказали 26,4 % старших и 34 % младших представителей поколения Z. Данные результаты также являются следствием социализации представителей поколения Z в цифровой среде. Контент в цифровой среде направлен на развлечения потребителя и ориентирован на трансляцию отрывочных их фрагментарных смыслов. Потребителю редко предлагают серьезный контент, который бы требовал определенной умственной работы для своего освоения.

Постоянная включенность в цифровое взаимодействие заставляет младших представителей поколения Z ощущать себя частью как реального так виртуального взаимодействия. Ощущение реальности цифровой среды неизбежно порождает необходимость создания норм правил поведения в ней.

Респондентам был предложен вопрос о допустимости в интернете высказываний экстремистского характера (рисунок 10). Сторонниками возможности допускать любые высказывания в интернете назвали себя 3,5 % старших и 3,6 % младших представителей поколения Z. Заявили о необходимости обеспечения свободы высказываний в интернете 26,4 % старших и 23,2 % младших представителей цифрового поколения. Не допускать появление экстремистских высказываний в интернете предлагают 70,3 % старших и 73,2 % младших представителей *phygital* поколения. Полученные результаты являются следствием того, что для современных школьников цифровая среда является не «виртуальным миром», а вполне реальной средой коммуникации, в которой они усматривают необходимость устанавливать правила общения. По сути, в цифровой среде происходит нормативная самоорганизация младших представителей поколения Z.

Некоторые полученные в ходе исследования результаты, очевидно, являются следствием не различий между возрастными стратами

в рамках одного поколения, а естественны ми социальными различиями, связанными с изменениями в силу возраста.

Рис. 10. Мнение молодежи касательно экстремистских лозунгов знакомого в интернете

При ответе на вопрос о том значимо ли для вас одобрение ваших слов (рисунок 11) окружающими одинаковое количество респондентов из обеих групп (20,3 %) заявили, что одобрение их слов окружающими для них не важно. Одобрение со стороны близких друзей важно для 57,3 % старших и 46,3 % младших представителей поколения Z. Одобрение со стороны родственников назвали важным для себя 13,3 % старших и 29,9 % младших зумеров. Одобрение своих слов со стороны мы знакомых по интернету назвали наиболее значимым 9 % старших и 1,3 % младших представителей цифрового поколения. Одобрение учителей считают наиболее важным 2 % старшеклассников. Представленные результаты являются свидетельством изменения круга общения в силу взросления, а не социальными особенностями данный конкретный возрастной страты.

В целом младшая возрастная страта поколения Z склонна к быстрому принятию информации и поверхностному отношению к ней. Они в большей степени интегрированы в цифровое взаимодействие, их личность является более гибкой и более способной к быстрой адаптации. Данные особенности вызваны цифровой социализацией, которой современные старшеклассники были подвержены в большей степени, чем современные студенты.

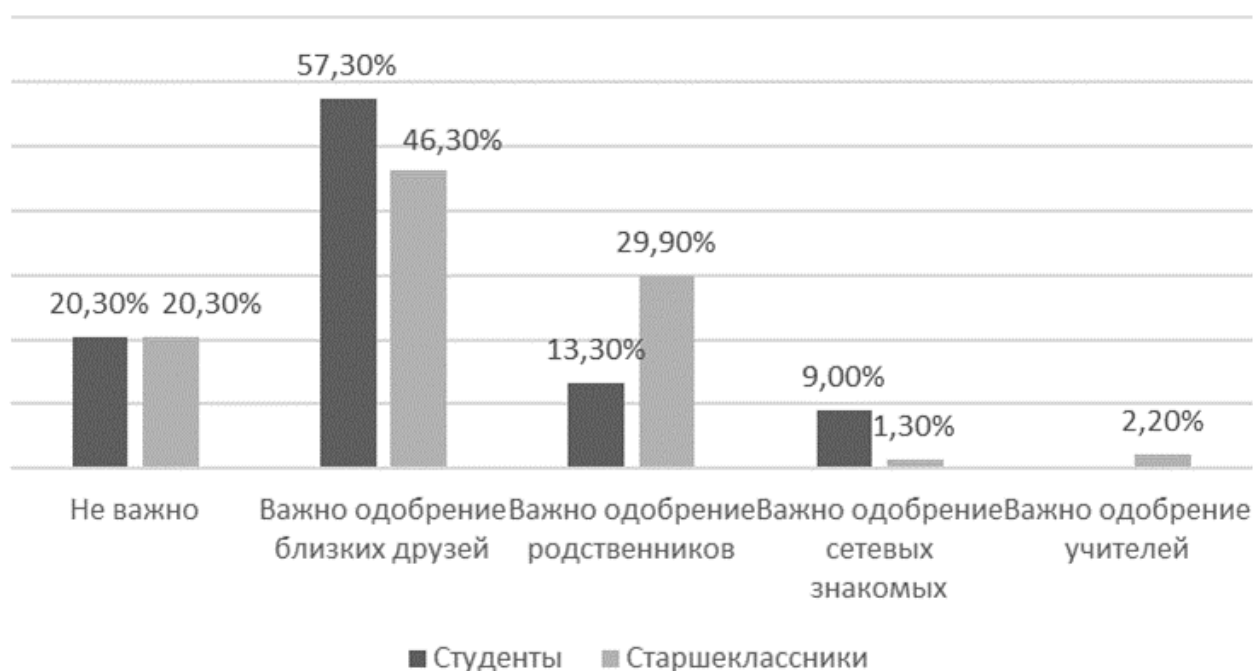

Рис. 11. Важность одобрения своих слов для молодежи

Помимо этого, на формирование личности представители поколения Z оказывает влияние и крайний динамичная экономика. Молодые люди видят постоянное появление новых трендов, когда едва появившиеся продукты быстро завоевывают внимание целевых аудиторий, а после если исчезают. Цифровая среда становится основной средой, где происходит потребление и наделение вещей субъективной потребительской ценностью. Сегодняшние школьники глубоко интегрированы в цифровую среду, а потому очень остро чувствуют эти

особенности и те требования, которые предъявить к ним жизнь в условиях такой экономики.

Вместе с тем, исследование порождает и ряд вопросов, наиболее важный из которых связан с тем, действительно ли оно выявило поведенческие установки поколения Z, или же оно выявило ценностные приоритеты поколения Z, поскольку респонденты могут быть убеждены в приоритетности тех или иных ценностей, но на практике могут им не следовать. И даже более того — есть большие сомнения в адекватности понимания респондентами заданных вопросов. Если учесть, что наиболее старшим из респондентов всего 18 лет, то на практике вполне может оказаться, что под самовыражением многие из них понимают размещение фотографий в социальных сетях, а под взаимопомощью — отправку конспектов лекций своим одноклассникам. Впрочем, это вопрос интерпретации и других, психологических исследований.

Еще одна проблема, разрешению которой могут быть посвящены следующие исследования, — это характер взаимодействия поколения Z и интернет-среды. На данный момент все мнения ученых, приведенные в настоящей работе, связанные с фиджитализацией, «цифровыми аборигенами» и неразделенностью виртуального и реального миров, представляются не более, чем красивыми теоретическими построениями и правдоподобными гипотезами. Чтобы прояснить этот вопрос, необходимо проведение, по меньшей мере, лонгитюдного исследования, которое через динамику развития взаимодействий человека и социотехнической среды укажет на онтологию этого взаимодействия.

Детальное исследование указанного взаимодействия поможет ответить и на ряд практических вопросов: каким образом следует формировать у представителей поколения Z профессиональные компетенции; как вовлекать молодежь в участие в публичной политике; как учитывать специфику подрастающего поколения на рынке труда? Эти вопросы составляют предмет будущих исследований.

Наконец, стоит отметить и существенное ограничение полученных результатов исследования, а именно специфику российского поколения Z. Поведенческие характеристики и некоторые аспекты взаимодействия представителей поколения Z и интернет-среды относятся к российской действительности с присущими ей особенностями, такими, как конфликтный характер межпоколенческих отношений, наличие коллективистских установок, высокий уровень цифрового неравенства, более поздняя по сравнению с западными странами цифровизация общества. Однако авторы не хотят в связи с этим умалять достоинства полученных в ходе исследования результатов, поскольку прояснение поведенческих особенностей поколения Z имеет значение для поколенческих исследований в целом.

Мы рассмотрели социализацию молодежи в цифровой среде, которая определяет дискурсивные практики. Далее мы непосредственно рассмотрим те негативные феномены, которые могут формироваться в цифровом молодежном дискурсе и приводить к появлению экстремистских ценностей, развитию экстремистских практик.

Как было продемонстрировано выше киберпространство сегодня активно используется в социальном взаимодействии, но также как показывает практика и очень активно используется экстремистами. Рассмотрим, в какой степени экстремисты сегодня могут использовать киберпространство.

Итак, в первую очередь если киберпространство используется человеком для коммуникации, то экстремисты и террористы тоже могут использовать киберпространство в качестве средства коммуникации для общения с членами ячеек своих организаций, обмена сведениями и для перевода денег.

Другой не менее важный аспект экстремистского влияния в цифровой среде — это распространение деструктивной информации. Данная информация может распространяться террористическими

либо экстремистскими группировками целенаправленно с целью подрыва безопасности в российском обществе. В то же время многие представители средств массовой информации и телевидения могут создавать деструктивный контент в погоне за рейтингом и без злого умысла. Но и в том, и в другом случае деструктивный контент приводит к формированию деструктивных ценностей, приводит к появлению деструктивных практик и организации деструктивных сообществ.

Это особенно хорошо заметно на примере западных государств, где существенно меньше ограничений для распространения деструктивного контента, чем в Российской Федерации. Это деструктивное информационное воздействие приводит тому, что человек совершает преступление в виде экстремистского насилия. Так, в частности, в Германии после того, как 19-летний ученик гимназии убил 16 человек, вернулась острая дискуссия о влиянии на психику человека того насилия, которое он видит по телевизору. Первый канал немецкого телевидения исключил из своих программ фильмы со сценами насилия. Глава протестантской церкви в Германии заявил, что то, что называют отражением действительности на самом деле не более чем проповедь насилия в чистом виде. Подобные сцены насилия можно в изобилии наблюдать и в российском информационном пространстве.

В средствах массовой информации и в научной литературе появился даже термин шутинг (от англ. *shooting* — «стрельба»), который обозначает массовую стрельбу в учебных заведениях [85]. Очевидно, что данный паттерн поведения не был усвоен школьниками из непосредственного социального окружения, а мог быть привнесён только из фильмов и средств массовой информации. К сожалению, в молодежном дискурсе подобные явления могут становиться не чем-то диким происходящим исключительно за границей, но феноменом нашей повседневной жизни. В подобных информационных нарративах молодежь может посмотреть не только саму идею шутинга или

(аналогичного действия), но и способы как это нужно или не нужно делать, чтобы успешно реализовать преступный замысел.

Далее рассмотрим еще один аспект того, почему молодой человек становится экстремистом. Это социальный портрет современной российской молодежи, который построен на основе социологических исследований, статистических данных и отчетов правоохранительных органов, служб безопасности. С точки зрения политического аспекта, который влияет на возможность вовлечения молодежи в политические экстремистские организации можно уверенно утверждать, что политическими дискуссиями молодежь особо не интересуется.

Можно утверждать, что благодаря тому, что федеральные стандарты третьего поколения 3+ позволили высшим учебным заведениям существенно снизить гуманитарную составляющую подготовки и сделать упор на профессиональные компетенции на выходе мы видим, что студенты в основном аполитичны. Существенно больше политической интересуются представители рабочей молодежи, которая имеет определенный навык работы и видит, что от власти зависит то, каков будет ее доход и жизнедеятельность.

В то же время уже после того, как студенты уже получают высшее образование, они становятся более политизированы, потому что от политики также зависит их жизнедеятельность. Если мы посмотрим с точки зрения настроения современной молодежи, то увидим, что география идеологических пристрастий выглядит следующим образом наиболее «либеральная молодежь в центральном Федеральном округе, особенно в городе Москве. Больше всего социалистов и левых в кавказских регионах, националисты наиболее популярны на Урале и юге России, анархисты, как правило, сосредоточены также в Москве. Консерваторы в северо-западном Уральском и поволжских федеральных округах» [13, с. 45]. В последнее время как левое, так и правое левое крыло политического экстремизма очень сильно стали делать упор на

молодые кадры. Если раньше отчеты правоохранительных органов нам показывали, что левое крыло не очень интересовалось молодыми людьми, то сегодня ставка именно на них.

Если же мы рассмотрим духовно-нравственный аспект молодежного дискурса, то увидим, что поскольку молодежь достаточно прогрессивна по своей природе и ее очень увлекают новые тенденции, то с точки зрения духовных ценностей они недостаточно интересуются такими вещами как патриотические вопросы. Хотя в настоящее время государственная работа по пропаганде патриотизма существенно усиливается можно констатировать, что остается еще большой простор для ее совершенствования. Для молодежи наиболее важно чтобы было все хорошо в семье. Они в большей степени индивидуалистичны и ориентированы на материальный успех, чем старшие поколения. Здесь необходимо разделять декларации и внутренние убеждения молодежи. Хотя согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 94 % россиян называют себя патриотами и это количество уверенно растет, необходимо более детально изучать внутренний мир молодежи, чтобы понять то, какими мотивами и ценностями они в действительности руководствуются. Такой подход является плодотворной основой для любой индивидуальной работы с молодежью.

ГЛАВА 3

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Профилактика зарождения экстремизма в цифровой среде является крайне перспективной деятельностью, поскольку она позволит предотвратить девиантное и преступное поведение, способствовать созданию более здоровой среды в цифровой коммуникации в целом. Здесь следует отметить, что сами пользователи, которые зачастую являются создателями цифрового контента и администраторами различных сообществ, следят за тем, чтобы экстремистские проявления в цифровом сообществе не возникали. Особенность молодых людей представителей поколения Z заключается в том, что зачастую они ощущают себя не просто пользователями интернета, как большинство представителей старших поколений, но и ощущают себя создателями контента и соучастниками выстраивания цифровой коммуникации. Это рождает во многих молодых людях чувства ответственности за свою деятельность в сети.

3.1 Социальные и экономические детерминанты распространения экстремистского дискурса в цифровой среде

Тенденции в цифровой коммуникации зачастую являются только отражением и следствием происходящих в обществе социальных процессов.

Проявление в постсоветском обществе социальной аномии было обусловлено целым рядом факторов, которые будут рассмотрены в рамках данного параграфа.

Масштабные социальные и экономические преобразования, произошедшие в России после перестройки, проводились на основе идеологии рыночной экономики и либеральных ценностей [86]. В результате быстрого изменения привычного уклада жизни людей и значительного спада производства в экономике большие группы людей оказались неспособны адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Следствием этих перемен стал значительный рост преступности и поведенческих отклонений, неопределенность социального статуса людей. Средства массовой информации в описываемый период не только не способствовали смягчению негативного воздействия социальных и психологических последствий происходящих преобразований на население, но и активно нагнетали ситуацию. Наиболее рейтинговыми программами стали те, которые транслировали криминальные новости, шокирующие подробности катастроф, различные негативные последствия реформ и обнищания населения. Значительную часть телевизионной рекламы составляла ничем не ограниченная реклама табака и алкоголя. Подобная ситуация может быть интерпретирована с позиции институциональной теории аномии. С началом преобразований в 90-х гг. все социальные институты, на которые люди привыкли возлагать надежды как на возможный источник помощи, ослабили свою вспомогательную функцию (в ООВО исчезла практика распределения после окончания обучения, предприятия перестали помогать сотрудникам в решении многих личных проблем, медицинские учреждения сократили объем бесплатной помощи и т. д.).

В. Кривошеев, изучивший большое количество научных публикаций и статистических данных, пришел к выводу, что для социальной ситуации в 90-е гг. характерны: «дисфункциональность основных

социальных институтов, патология социальных связей и взаимодействий в современном российском обществе, которые выражаются, в частности, в несокращающемся числе случаев девиантного и делинквентного поведения, то есть все то, что со времен Э. Дюркгейма определяется как аномия» [87, с. 93]. Социальная аномия в российском обществе 90-х гг., так или иначе, коснулась каждого индивида. По историческим меркам погружение широких слоев российского общества в аномичное состояние было масштабным и очень быстрым. Влияние этого процесса ощущается и в наши дни, и социальная аномия несомненно остается актуальной и интересной темой для изучения [88].

Схожего мнения придерживается экономист Американского института предпринимательства Николас Эберштадт. Проведя масштабное исследование демографических тенденций в постсоветской России, он охарактеризовал их как уникальные. В интервью российским журналистам Н. Эберштадт приводит данные по ожидаемой продолжительности жизни в разных странах, которые являются характерным примером уникальности ухудшения российской демографической ситуации: «В 2002 году, согласно исследованию ВОЗ, ожидаемая продолжительность жизни для 15-летнего молодого человека в России была точно такой же, как для его сверстника в Сомали. Вдумайтесь: Гаити и Сомали — это очень бедные, неразвитые общества, плохо образованные, со слабыми правительствами. Россия — это общество со средним достатком, выбравшее себе довольно устойчивое руководство. И несмотря на все эти преимущества, каким-то образом она умудряется демонстрировать те же уровни смертности для некоторых групп населения, что и эти неразвитые страны» [89, с. 16]. В книге Н. Эберштадта можно найти множество подобных примеров [90].

Прежде чем приступить к рассмотрению конкретных факторов развития аномии в российском обществе, желательно выявить главную причину возникновения этого явления в нашей стране. Очевидно,

что произошедшие в России трансформации «не являются процессами, вызванными лишь произволом отдельных лиц с благими или дурными намерениями» [32, с. 271]. Эти процессы не являются также результатом желания перемен, которое испытывала значительная часть советского общества.

В этой связи представляет интерес гипотеза, выдвинутая в рамках деятельностно-ценностного подхода к исследованию социальных процессов и явлений, разрабатываемого А. Бороноевым, Ю. Письмаковым и П. Смирновым [32, с. 2]. Элементы этого подхода, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме, можно выразить в ряде простых положений:

1) общество существует на базе деятельностного взаимодействия людей (точнее, социальных субъектов), т. е. на обмене результатами и продуктами деятельности;

2) стимулами деятельности являются потребности и ценности, причем ценности являются стимулами собственно человеческой деятельности, ибо потребности как стимулы деятельности свойственны и человеку, и животным;

3) в качестве стимулов человеческой деятельности ценности лежат в основе социальных систем;

4) главным стимулом деятельности людей как социальных существ является социальная значимость;

5) тремя основными разновидностями деятельности признаются:
– деятельность, осуществляемая деятелем для себя, эгодеятельность;
– деятельность, осуществляемая деятелем для другого, служебная деятельность;

– деятельность, осуществляемая деятелем ради самого процесса деятельности или игра¹⁷;

¹⁷ Эгодеятельность и служебная деятельность являются разновидностями объективно необходимой деятельности. Общество существует на основе их сочетания, но одна из

б) социальная значимость — главный стимул деятельности людей как социальных существ — означает способность оказывать воздействие на ход событий в обществе. Противоположное понятие — социальное ничтожество. Люди «в норме» избегают социального ничтожества и стремятся к социальной значимости. На уровне обыденного сознания они не слишком отчетливо понимают свое подлинное стремление и ориентируются на более доступные их восприятию ценности, которые далее называются модусами (т. е. формами проявления или существования) социальной значимости. Обладание ими, например, властью или богатством, заметно увеличивает способность человека влиять на ход событий в обществе.

Общество контролирует доступ к модусам значимости с помощью двух принципиально отличных друг от друга способов социального признания.

Первый способ — личная экспертиза. В этом случае собрание правомочных судей (экспертов) признает право конкретного индивида на обладание определенными ценностями. Второй способ — «безличный» (или рыночный). В нем процедура социального признания сводится к акту купли-продажи. Для рынка конкретный человек сам по себе безразличен и оценивается только как носитель социальной функции (товаровладелец или товаропроизводитель) [32, с. 13–14.].

Используя эти понятийные средства, а также представления о двух типах хозяйства — домашнем и рыночном, которые отличаются целями производства, можно построить идеальные типы двух естественных цивилизаций: служебно-домашней и рыночной. Примерами обществ, близких по типу к служебно-домашней цивилизации, являются Древний Египет, Китай, Россия со времен Московского царства

разновидностей может стать господствующей и оказаться характерным признаком конкретного общества. Эгодательность способна к быстрому развитию, служебная деятельность развивается медленно.

[32, с. 105]. К обществам близким по типу к рыночной можно отнести Карфаген, Афины, Новгородскую республику, страны Запада [32, с. 111].

С учетом сказанного главной причиной изменений в российском обществе является смена типа цивилизации — служебно-домашней на рыночную. Согласно этой гипотезе, необходимость существенных перемен в общественной жизни была обусловлена тем, что служебно-домашняя цивилизация, сформировавшаяся в России, закономерно проиграла мирное соревнование с западной, рыночной цивилизацией [32, с. 270].

В реальных обществах (российском и западном) проявляются признаки и свойства двух идеальных типов цивилизации, соответственно, служебно-домашней и рыночной [91]. На их признаках и свойствах стоит остановиться подробнее, поскольку это, как представляется, позволяет переосмыслить развитие России в исторической перспективе и лучше понять нынешнее состояние российского общества (таблица 3).

Главной ценностью служебно-домашней цивилизации является общество и, соответственно, преобладающим видом деятельности становится служба на благо общества, выполнение индивидом общественно полезных функций. Доминирование в обществе служебной деятельности требует развития дисциплины и долга, которые являются инструментальными ценностями служебно-домашней цивилизации. В рамках этой цивилизации модусы социальной значимости становятся доступны людям, как представителям определенных социальных или профессиональных групп. Решающее значение для достижения индивидами социального признания приобретает личная экспертиза. Рыночно ориентированная деятельность в пределах этой цивилизации развита слабо. Экономика государства, развивающегося по пути служебно-домашней цивилизации, является единым хозяйством. Это хозяйство

принадлежит государству и управляется централизованным аппаратом чиновников. Производство в подобном государстве нацелено, прежде всего, на непосредственное удовлетворение потребностей общества.

Таблица 3

Сопоставление служебно-домашней и рыночной цивилизаций¹⁸

Признаки и свойства	Служебно-домашняя (российская) цивилизация	Рыночная (западная) цивилизация
Доминирующая деятельность	Служебная	Эгодеятельность
Основная ценность	Общество	Личность
Ценности, через которые личность самоутверждается в обществе, доступны:	Каждому лицу на основе служебной деятельности, как представителю группы	На основе формально свободного выбора каждого лица
– ведущие ценности для самоутверждения личности	Святость, власть, слава	Богатство, хозяйство, мастерство (в материальной сфере)
Инструментальные ценности	Дисциплина и долг	Свобода и право
Процедура социального признания	Личная экспертиза	Рынок
Хозяйство	Домашнее	Рыночное
Развитие	Медленное	Быстрое

¹⁸ Смирнов П. И. Слово о России : Беседы о российской цивилизации. Санкт-Петербург : Химиздат. 2004. С. 18.

Окончание таблицы 3

Признаки и свойства	Служебно-домашняя (российская) цивилизация	Рыночная (западная) цивилизация
Существование	Длительное (если нет внешней угрозы)	Длительное существование сомнительно
Взаимодействие с соседними странами	Преимущественно оборонительное	Явно агрессивное

Служебно-домашняя цивилизация развивается медленно, поскольку консервативна служебная деятельность, а общество не имеет мощного внутреннего источника энергии развития — свободной деятельности человека, стремящегося к социальной значимости. В идеале она способна органично вписываться в окружающую среду, не нанося большого вреда экологии. Существование цивилизации этого типа осложняется противоречием, которое заключает в себе служебная деятельность. Служащий или чиновник, как и любой человек, стремится к обладанию капиталом, собственностью и получению удовольствий. Используя свою власть и должностные возможности, он может добиться этих целей. Но служба по своей сути требует от индивида бескорыстности, самоотверженности и принесения своих личных интересов в жертву интересам общества. Описанное противоречие между служебным долгом и личными интересами является цивилизационным соблазном служебно-домашней цивилизации.

В рыночной цивилизации высшей ценностью признается личность. Если общество развивается по пути рыночной цивилизации, то каждый индивид имеет формальное право претендовать на любые модусы социальной значимости, наиболее ценными из которых считаются богатство, хозяйство и мастерство. Главным способом социального признания индивида становится обезличенное признание через рынок. В рыночной цивилизации, в отличие от служебно-

домашней, преобладает эгодеятельность (деятельность для себя). Производство же направлено, прежде всего, на получение прибыли от продажи отвара на свободном рынке.

Рыночная цивилизация развивается намного быстрее, чем служебно-домашняя и вызвано это, прежде всего, двумя причинами «Во-первых, она имеет мощный внутренний источник развития — свободную деятельность личности, стремящейся к социальной значимости. Во-вторых, сама рыночная деятельность развивается и совершенствуется быстро, непрерывно и постоянно» [32, с. 108].

Несмотря на свои преимущества в сфере экономики, рыночная цивилизация не имеет длительной исторической перспективы. Так как индивиды, существующие в условиях рыночной цивилизации, стремятся к достижению модусов богатство и хозяйство, экономика нуждается в постоянном росте для получения все большей прибыли. С течением времени увеличивается как количество индивидов, вовлеченных в эту цивилизацию, так и минимально приемлемый для них уровень дохода.

Постоянный рост производства в экономике рыночной цивилизации влечет за собой непрерывное увеличение потребления возобновляемых и не возобновляемых природных ресурсов, а также все большее загрязнение окружающей среды. Иначе говоря, рыночной цивилизации требуются неограниченные ресурсы, что, разумеется, невозможно. Дальнейшее развитие большей части человечества по пути рыночной цивилизации непременно приведет к глобальной экологической катастрофе.

Несмотря на то, что личность провозглашается высшей ценностью в рыночной цивилизации, этот тип цивилизации вовсе не способствует всестороннему развитию личности. Как отмечает известный финансист Джордж Сорос, с позиции экономических ценностей современного западного общества «конкретный участник рынка готов

платить другому за его товар в ходе свободного товарообмена. Эти ценности предполагают, что каждый участник представляет собой центр прибыли в такой степени, что исключаются все остальные соображения» [92, с. 51.]. В условиях «капиталистического строя, где делают упор на конкуренцию, а успех меряют деньгами. Люди хотят иметь деньги и готовы почти на все, чтобы их получить» [92, с. 124.]. При этом «разменные меновые ценности вполне способны заменить подлинные» [92, с. 124.]. Таким образом, развитие общества в русле рыночной цивилизации не способствует справедливому распределению доходов и развитию человека как личности.

Российское общество, как уже было сказано, развивалось в русле служебно-домашней цивилизации со времен Московского царства [32, с. 105]. Основной причиной формирования в России служебно-домашней цивилизации является наличие постоянной угрозы военной агрессии с востока и запада. Чтобы справиться с этой угрозой, России необходимо было существовать в форме сильного централизованного государства с высокой степенью милитаризации.

Если исходить из обозначенных теоретических позиций, то совершенно очевидно, что главной целью перестройки, а затем и радикальных рыночных реформ было построение в российском обществе цивилизации западного типа. Эта цель никогда прямо не называлась, хотя, вероятно, осознавалась самими реформаторами. Главным мотивом, заставившим советскую партийную элиту начать преобразования, было желание жить по тем стандартам, по которым живет западная элита. Советские партийные функционеры обладали доступом к власти и финансовому капиталу, но не могли по-настоящему пользоваться ими в свое удовольствие. Другим не менее важным мотивом партийной элиты было желание получить право собственности на предприятия, принадлежавшие государству. По сути «советская партийно-государственная элита предала коренные интересы страны и народа ...,

действие служебного и цивилизационного соблазнов привело к тому, что „в верхах” в подавляющем большинстве оказались люди, сознательно и последовательно приносящие национально-государственные интересы в жертву интересам личным» [32, с. 272]. Именно желанием поделить государственную собственность как можно скорее объясняется быстрота и непродуманность произошедших преобразований. Все действия реформаторов по построению в российском обществе рыночной цивилизации не были продуманы ни тактически, ни стратегически. Подавляющее число российских людей абсолютно ничего не получили от приватизации общенародной собственности. Интересно сравнить российский опыт приватизации с аналогичными процессами в Великобритании. В результате приватизации правительством Маргарет Тэтчер компании *British Telecom* около 96 % работников этой компании смогли приобрести акции своего предприятия со значительной скидкой [93, с. 25]. В ходе этой хорошо продуманной приватизации были учтены также и интересы клиентов компании, которым была предоставлена возможность приобрести ограниченное количество акций компании со скидкой.

Аналогичная приватизация нужна была и России. Приватизация или иная экономическая программа, реализация которой привела бы к формированию обширного класса мелких собственников, поскольку «основой демократического общества, как это известно еще со времен Аристотеля, является мощный средний класс. Только большое число экономически независимых людей способно к свободному волеизъявлению, выражению своих взглядов и защите своих интересов законными средствами. В „норме” численность этого класса должна составлять 60–70%» [32, с. 301–302]. Таким образом, появление обширного среднего класса необходимо для успешного развития российского государства, поскольку оно будет способствовать сохранению стабильности,

укреплению демократии и способно стимулировать экономический рост.

Реальные же результаты приватизации, которая, по сути, преследовала своей целью смену типа цивилизации в России, привели к обнищанию широких масс населения. Децильный коэффициент однозначно подтверждает этот вывод «в 1989 г. децильный коэффициент составил 5:1, в 1991 г. — 5,35:1, в 1992 г. — 8,2:1, в 1993 г. — 11,2:1, в мае 1994 г. — 14:1» [75, с. 108]. К большому сожалению, с течением времени ситуация не меняется к лучшему и значения децильного коэффициента последние годы закрепились на уровне 16–17:1 [32, с. 18].

Попытки построения в России рыночной цивилизации постепенно привели к тому, что ценность общество, бывшее прежде фундаментальной ценностью, постепенно заменяется ценностью личность, как новой фундаментальной ценностью. Поскольку две эти ценности имеют разную направленность, такая замена не могла ни привести к аннигиляции ценностей (лат. *annihilatio* — ничто, уничтожение). В этой ситуации «следует ожидать не быстрой и спокойной замены коллективистских морали и права на индивидуалистские, а наступления периода, когда отсутствуют всякие мораль и право. Противоположные ценности и связанные с ними нормы на время взаимно «уничтожают» друг друга. Поведение людей начинает регулироваться инстинктом самосохранения (но и он временно может быть приглушен путем распространения в обществе пьянства, наркомании, свободы сексуальных отношений и т. п.). Островки морали и человеческого поведения в обществе всегда сохраняются (иначе не было бы надежды на «выздоровление»), но преодолевается ситуация аномии с большим трудом [32, с. 291].

По результатам изучения научной литературы, проведенного в ходе данного исследования, был выделен ряд факторов, совокупным

влиянием которых можно объяснить развитие аномии в современном российском обществе:

1. Переход к рыночной экономике, неизбежным спутником которой являются экономические кризисы. Отказ от планового экономического развития.

2. Появление политического и идейного плюрализма, создание различных политических партий и общественных организаций.

3. Увеличение роли религии в обществе и обострение вопроса о религиозной самоидентификации.

4. Проникновение в российское общество элементов западной культуры, в т. ч. влияние аномии западного общества.

5. Разочарование населения в либеральных ценностях.

Первый фактор, который будет подробно рассмотрен в этом параграфе, — это переход российской экономики на рыночные механизмы функционирования. До начала экономических реформ в 90-е гг. советская экономика развивалась по принципу выполнения плана под управлением государственной командно-административной системы. В этой экономике отсутствовали резкие изменения. Как отметил экономист Марк Харрисон, «советская экономика была стабильной вплоть до своего коллапса, но, вероятно, эту стабильность стало трудно и в конце концов невозможно поддерживать» [94, с. 120].

С началом экономических реформ правительства Б. Н. Ельцина ситуация в экономике кардинально изменилась. В течение очень короткого промежутка времени российская экономика стала крайне нестабильной, ситуация в ней изменялась в считанные месяцы. Ярким примером наступившей нестабильности могут служить последствия подписания Ельциным в 1992 году Указа «О свободе торговли»¹⁹,

¹⁹ О свободе торговли : Указ Президента Российской Федерации от 29 января 1992 г. № 65 (ред. от 16.05.1997) // Ведомости Совета Народных Депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 6. Ст. 290.

который всего за один день изменил облик российских городов. Один из главных архитекторов рыночных реформ в России, Егор Гайдар, отметил этот день в своих воспоминаниях. В этот день он «увидел что-то вроде длинной очереди, вытянувшейся вдоль магазина „Детский мир”. ... Каково же было мое изумление, когда узнал, что это вовсе не покупатели! Зажав в руках несколько пачек сигарет или пару банок консервов ... бутылку водки или детскую кофточку ... люди предлагали всяческий мелкий товар ...» [95]. Разрешив свободную торговлю, государство не создало в достаточном объеме ни регулирующих ее законов, ни учреждений, которые бы осуществляли этот контроль. Появление свободного рынка и увеличение доли частной собственности в экономике сопровождалось постепенным уходом государства из сферы экономической деятельности.

Идеологи рыночных реформ надеялись на организующую роль «Невидимой руки рынка», которая должна была привести к позитивному изменению экономики за счет капиталистической конкуренции. Однако по сути условий для честной конкуренции создано не было. Функционированию «невидимой руки рынка» мешало несоблюдение законов, влияние криминалитета, коррупция и, наконец, невозможность конкурировать на равных с иностранными производителями, которые находились в значительно более комфортных условиях. Провал рыночных реформ в 90-е гг. привел к тому, что многие люди разочаровались в самой идее капиталистической экономики. Например, анализируя экономические итоги последних 16 лет, публицист Кирилл Говоров утверждает, что «„Невидимая рука рынка” нанесла стране ущерб, сопоставимый с монголо-татарским игом» [96].

В результате проведения рыночных реформ в начале 90-х гг. в стране начался спад производства и стремительно выросла инфляция. Многие профессии, которые в советское время считались престижными, потеряли свою социальную значимость. Широкие массы

населения опускались в нищету, в то время как немногие получали шанс быстрого обогащения. Аналогичные условия были описаны Э. Дюркгеймом как условия, способствующие развитию социальной аномии [97, 294–295].

Большинство людей оказались психологически совершенно не готовыми к участию в зарождающейся капиталистической экономике. Новые экономические реалии потребовали от людей изменить свой образ жизни, к которому они привыкли на протяжении десятилетий. Миллионы людей вынуждены были с нуля осваивать новые для себя профессии или добывать себе средства к существованию, занимаясь преступностью. В книге «Слово о России» П. Смирнов отмечает, что главное условие, необходимое для успешного перехода к рыночной экономике, должно было заключаться в «появлении (воспитании и самовоспитании) массы рыночно ориентированных людей, способных утверждать себя в жизни через достижение рыночных ценностей легальным путем с помощью стереотипов рыночного поведения.

Эти ценности и эти стереотипы должны быть усвоены не только на уровне понимания, но и на уровне поведения, не только сознанием, но и подсознанием. Иначе говоря, должны сформироваться устойчивые привычки рыночного поведения, да еще эти привычки должны соответствовать требованиям так называемого «цивилизованного рынка», то есть отвечать правовым нормам западной цивилизации» [98, с. 283]. При реализации рыночных реформ в начале 90-х гг. это условие не было выполнено. На практике совершенно не подготовленные к жизни в условиях рыночной экономики люди были вынуждены адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Идеологи рыночных реформ не уделяли почти никакого внимания тому, чтобы подготовить людей к жизни в капиталистической экономике. Вместо постепенного перехода к рыночной экономике, который не вызвал бы

так много негативных последствий, была выбрана стратегия крайне быстрых, радикальных экономических преобразований. Экономистом Г. Явлинским была разработана экономическая программа «500 дней», с которой были ознакомлены Б. Ельцин и Е. Гайдар [99; 100].

Реализованные на практике экономические реформы по сути соответствовали этой программе и Е. Т. Гайдар за 500 дней сделал то же самое, что записано в программе „500 дней”, и даже немного больше.

Нельзя не отметить, что сама по себе программа перехода от социалистической экономики к рыночной за 500 дней или за аналогичный срок была изначально нереализуема. Еще В. Ленин в своих работах писал о том, что невозможно осуществить масштабные и глубокие изменения в экономике за короткий срок. Ленин отмечал, что социальные и экономические институты можно уничтожить относительно быстро, но для того, чтобы подготовить людей, обладающих принципиально иным мышлением и иными ценностями, нужны годы, поскольку «сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила» [101]. Трудно сказать, была ли эта программа результатом крайней недалёковидности реформаторов из правительства Б. Ельцина или она была специально разработана для того, чтобы заинтересованные лица смогли как можно быстрее получить право собственности на государственные предприятия.

Описанные масштабные и крайне быстрые изменения в экономике стали одним из факторов, создавших условия для возникновения социальной аномии. Анализируя российское общество в 90-е гг., можно обнаружить, что в нем проявились предпосылки для возникновения аномии с точки зрения почти всех теоретиков, изучавших это явление.

Поскольку старые нормы и ценности в области экономической деятельности стали неактуальны или бесполезны в изменившихся условиях, а новые не успели появиться или укорениться за столь короткий срок, в постсоветской России возникло то состояние нормативного вакуума, которое Э. Дюркгейм определял как социальную аномию. Американский социолог Алекс Вилиам, изучавший социальные изменения в российском обществе сквозь призму взглядов Дюркгейма, заметил, что распад Советского Союза стал для социологов своеобразным «естественным экспериментом», который позволил подтвердить теорию Дюркгейма эмпирически.

Свобода вероисповедания и последовавшее за ней увеличение роли религии в российском обществе является не менее значимым фактором усиления аномии, чем изменения в политике и экономике. Предшествующий советский период истории характеризовался практически полным отсутствием влияния религии на общественную жизнь. Господствующая марксистская парадигма, составной частью которой был диалектический материализм, предполагала, что в природе не существует богов или непознаваемых духов. Официальная государственная пропаганда представляла религию как пережиток прошлого, орудие классовой борьбы и суеверие, недостойное современного образованного человека. Эта пропаганда принесла свои плоды и способствовала секуляризации общества. Нельзя не отметить, что коммунистическая идеология, включавшая в себя веру в наступление светлого будущего, отчасти схожа с религиозной верой. Вытеснение религии из общественной жизни привело к тому, «что образовавшийся вакуум был заполнен коммунистической идеологией — своеобразной формой квазирелигиозности со всеми внешними признаками религии, кроме веры в Бога как в сверхъестественную силу и сущность. Успеху коммунизма как квазирелигии способствовал процесс дехристианизации, который у большинства населения не был связан с отказом от ориентации

на сверхъестественное на уровне сознания» [102, с. 98]. Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что в советский период сформировалось секулярное общество, в котором вопрос религиозной самоидентификации не был актуален.

После того, как в начале 90-х годов была законодательно закреплена религиозная свобода и российское общество стало открыто для иностранного культурного влияния, ситуация кардинальным образом изменилась. В России начали активную миссионерскую деятельность представители самых разнообразных религиозных течений. Наряду с появлением новых для российского общества религиозных организаций произошло возрождение интереса к традиционным для российских народов религиям: Православию, Исламу, Иудаизму, Буддизму, Лютеранству. Религиозное пространство современной России включает в себя большое разнообразие религий, деноминаций и культов, начиная от Римско-католической церкви и кончая такими экзотическими религиозными течениями, как Фалунь Дафа. Таким образом, увеличение количества религиозных объединений предоставляет россиянам больше возможностей для выбора религиозной идентичности. При этом подавляющее большинство верующих людей идентифицируют себя с Православием. Русская Православная церковь является доминирующей религиозной конфессией, и число ее последователей в последние годы демонстрирует устойчивый рост. Если в середине 90-х гг. по данным аналитического центра «Левада-центр»²⁰ православными называли себя менее половины опрошенных, то по данным всероссийского опроса ВЦИОМ, проведенного в январе 2010 года, 75 % процентов респондентов заявили о своей принадлежности к Православию²¹.

²⁰ Автономная некоммерческая организация «Аналитический Центр Юрия Левады» включена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

²¹ Динамика религиозности населения России в 1996–2009 гг. // НИУ ВШЭ : [сайт]. – URL: <http://www.hse.ru/jesda/mathbase/tasks/task15> (дата обращения: 20.12.2023).

Описанные процессы привели также к значительному изменению количества верующих в целом «За минувшие 20 лет соотношение неверующих и православных в российском обществе зеркально перевернулось: если весной 1989 г. 75 % считали себя неверующими, а православных было лишь 17 %, то в 2009 г. православными себя назвали 73 %, атеистами — 7 %, а каждый десятый не мог отнести себя ни к какому определенному вероисповеданию» [103, с. 65].

Нельзя не отметить, что возрождение религиозности в российском обществе проходило на фоне религиозной безграмотности большей части населения. Советская антирелигиозная политика не прошла даром, и у постсоветского человека были очень слабые представления о содержании вероучения различных религий и сути религиозных практик. На сегодняшний день «противоречивость российского религиозного сознания, его неопределенность и не структурированность, отсутствие непреодолимости между верующими и неверующими является специфической чертой проявления религиозности» [104, с. 83]. Противоречия в религиозных взглядах россиян становятся очевидны при анализе результатов опросов. Так, число православных может значительно превышать число тех, кто вообще заявил о своей вере в Бога [104, с. 79].

Естественным следствием увеличения в обществе влияния различных религиозных объединений стало появление религиозных конфликтов в публичном пространстве. При этом Русская Православная церковь (РПЦ), с которой идентифицирует себя большая часть населения и которая была ранее государственной религией Российской империи, активно претендует на то, чтобы иметь монопольное право на российскую духовность. Представители РПЦ заявляют о своем желании влиять на все сферы общественной и государственной жизни. В свою очередь представители религиозных

объединений, не относящихся к РПЦ, вынуждены, так или иначе, обозначать свое отношение к этой доминирующей конфессии.

Конкретным выражением борьбы с неправославными религиозными объединениями со стороны РПЦ в последние 20 лет стала антисектантская компания. То есть стигматизация нетрадиционных для России религиозных объединений, объявление их сектами, которые выманивают у людей деньги, контролируют поведение своих адептов или наносят иной вред. Эта деятельность осуществлялась определенными публичными фигурами с помощью популяризации Сектоведения — внутриконфессиональной дисциплины Православной церкви, изучающей «секты». Трудно поверить, чтобы эта антисектантская компания проводилась без согласия руководства РПЦ, поскольку эта церковь представляет собой «жестко организованный институт с системой неявных авторитетов. В такой системе авторитет фигуры власти априорно выше авторитета публичной фигуры» [28, с. 160]. Среди наиболее известных фигур движения по борьбе с «сектами» можно назвать Леонида Дворкина²² и дьякона Андрея Кураева²³. Подобной критике также подвергаются православные религиозные организации, не входящие в состав РПЦ. К традиционным для России не православным религиозным течением РПЦ относится намного более терпимо. Нетрадиционные для российского общества религиозные течения тоже активно подвергают критике Православную церковь, обвиняя ее в проведении множества ненужных обрядов, несоответствии ее верования Библии, преследовании инакомыслящих. Во многом компания РПЦ по борьбе с сектами была вызвана активной миссионерской деятельностью новых для России религиозных течений.

²² Дворкин А. Сектоведение. Тоталитарные секты : опыт систематического исследования. 3-е изд., доп. и перераб. Нижний Новгород : Христианская библиотека, 2014. 816 с.

²³ Кураев А. (диако́н). Протестантам о православии ; Наследие Христа. Изд. 10-е, перераб. и доп. Клин (Московская обл.) : Христианская жизнь, 2009. 669 с.

В современной России, как и в любом современном обществе западного типа, религия активно используется политиками и «наблюдается тенденция вовлечения во властные отношения представителей различных религиозных конфессий и использования религиозной идеологии в борьбе за достижение, сохранение и поддержание власти» [105, с. 94]. Особенность российской ситуации заключается в том, что здесь различные политические субъекты используют в своих целях прежде всего РПЦ, подвергают критике конкурирующие с ней религиозные движения и лишь изредка обращаются к другим религиям и конфессиям, как правило из-за того, что эти религиозные течения являются традиционными для отдельных народов Российской Федерации. Используя исторически сложившуюся особую роль Православия, «государственная власть пытается найти в нем базу для мировоззренческой и идеологической легитимизации новых российских политических и экономических реалий, т. е. общероссийская идентичность рассматривается через призму конфессиональной православной идентичности. Этим объясняется государственная поддержка РПЦ и создание для нее доминирующего положения» [102, с. 145]. Сотрудничество РПЦ и российской власти приносит ощутимую выгоду обеим сторонам. Для православной церкви такое сотрудничество позволяет участвовать в важных общественных мероприятиях, добиваться введения института священников в армии и уроков православной культуры в школах.

Увеличение в российском обществе в начале 90-х гг. религиозного разнообразия [106] и актуализация вопроса о религиозной самоидентификации несомненно является фактором, способствующим усилению аномии в российском обществе. Если в области политики общество в этот период было расколото на два противостоящих лагеря «коммунистов» и «демократов», то в сфере религии каждому, не определившему свою позицию, предстояло сделать выбор из нескольких

десятков вариантов. Также усилению аномии способствуют конфликты на почве религии. С другой стороны, увеличение количества людей, идентифицирующих себя с РПЦ, является фактором, который способствует уменьшению аномичности российского общества. Консолидация большей части общества вокруг одной религиозной организации создает у людей ощущение интеграции со стабильным социальным институтом. Участие в проведении религиозных праздников, которые собирают десятки и сотни людей, позволяет индивидам ощутить себя частью большой группы, объединенной общими интересами. Принятие людьми религиозных ценностей, на которых основана Православная церковь, отчасти способствовало заполнению того духовного пробела, который образовался после разочарования населения сначала в социалистических ценностях, а потом в либеральных ценностях западного демократического общества. Религиозные ценности Православия, не изменявшиеся в течении более чем тысячи лет и опирающиеся на авторитет Бога, являются для людей намного более стабильной опорой, чем дискредитировавшие себя политические ценности.

Далеко не все исследователи согласны с мнением о том, что РПЦ, как и любая религиозная организация, является социальным институтом, вовлечение в который способствует большей солидарности между людьми и препятствует развитию социальной аномии. Главная проблема заключается в том, какие именно взгляды и религиозные практики считать православными. Для современных верующих «весьма распространенным стал тезис „у каждого свой Бог”. Сам факт его широкого распространения позволяет говорить о феномене внеконфессиональной ереси» [107, с. 178]. На сегодняшний день можно наблюдать ситуацию диффузности религиозных практик, которая «отличает современную социологию от классической, которая обязательно исходила из того, что религия — это социальный институт, и выделяла в религии как социальном процессе три базовые категории:

институциональность, маргинальность и секулярность внешнего социального контекста, рассматривая два типа сообществ: церковь и секту» [107, с. 178]. Можно отчасти согласиться со сказанным. В религиозной жизни современной РПЦ проявляются и «внеконфессиональная ересь», и диффузность религиозных практик. Но, несмотря на это, современная Православная церковь является институтом с жесткой иерархией и определенными границами. Как вероучение РПЦ, так и конкретное содержание религиозных практик детально регламентированы в догматических документах. Одним словом современную православную церковь все еще можно рассматривать как социальный институт и анализировать с позиции классической социологии.

В общем и целом, религиозная сфера жизни постсоветского общества способствовала развитию социальной аномии. Главные причины этого заключаются в появлении разнообразных религиозных течений, обострении межрелигиозных конфликтов, феномене «внеконфессиональной ереси». При этом в последние годы религиозная жизнь общества начинает способствовать ослаблению аномии за счет консолидации большей части общества вокруг РПЦ, усвоения людьми единообразных для всех религиозных норм, традиций и практик. И хотя «религиозное сознание россиян по-прежнему отличается во многом неструктурированностью, неопределенностью, а вопрос об особенностях мировоззренческих ориентаций, о характере и глубине их религиозности остается открытым. Так, 19 % россиян верят в приметы, 13 % — в некую сверхъестественную силу, а не в личностного Бога, 7 % — в загробную жизнь, 5 % — в колдовство и магию и 5 % — в НЛО. Следует отметить, что эти элементы в мировоззренческих ориентациях россиян по сравнению с показателями 2000 года. имеют тенденцию к снижению. Что позволяет предположить, что российское общество начинает постепенно выздоравливать от болезни „духовной

всеядности”, а распространенность хаотических представлений, противоречащих сути религии, уступает место более упорядоченным взглядам, свойственным традиционным религиозным течениям» [104, с. 78].

Еще одним фактором, обусловившим усиление аномии в российском обществе, стало культурное влияние современного западного общества. Советское общество было целостным по своей природе, оно скреплялось общими для всех индивидов ценностями, которые поддерживались при помощи государственной пропаганды. На протяжении всего советского периода истории людям внушалась мысль, что интересы общества намного важнее желаний и потребностей отдельного его члена. Западная культура намного более индивидуализирована и ориентирована на потребности отдельно взятого индивида. Благодаря западному влиянию, в России стало постепенно развиваться так называемое общество потребления. Для многих людей потребление, по сути, стало смыслом их существования. Массовая культура общества потребления, как отмечает А. Флиер, функционирует как «система организации и стимулирования массового потребительского спроса (реклама, мода, секс-индустрия и иные формы провоцирования потребительского ажиотажа вокруг вещей, идей, услуг и пр.), формирующая в общественном сознании стандарты престижных интересов и потребностей, образа и стиля жизни, имитирующая в массовых и доступных по цене моделях формы „элитных” образцов, управляющих спросом рядового потребителя на предметы потребления и модели поведения, превращающая процесс безостановочного потребления различных социальных благ в самоцель существования» [108, с. 267]. Приведенная цитата показывает, как в обществе потребления духовные ценности заменяются потреблением как ценностью. Такая замена, очевидно, не является равноценной. Духовные ценности способны наполнить существование человека полезным смыслом, помочь ему преодолеть

трудности на жизненном пути. В то же время, потребление ради самого себя приносит человеку только вред и является, по мнению многих исследователей, ложной ценностью [82, с. 21–28.].

Влияние западной культуры также во многом способствовало ослаблению брака как социального института в российском обществе. Для советского общества было характерно преобладание крепкой нуклеарной семьи и сравнительно низкий уровень разводов. Как отмечает М. Рабжева, «начиная с середины 30-х гг., в нашей стране сложился особый подход к семье, который просуществовал вплоть до начала 90-х гг. Для этого подхода характерны следующие черты ... семья понималась, как важнейший институт советского общества, поэтому она находилась под контролем государства и партии» [109].

Советское общество вообще отличалось большим консерватизмом в области брачных и сексуальных отношений, оно могло «игнорировать все близкие человеческие проблемы как мелкие, неприличные и недостойные общественного внимания» [110, с. 384]. Семья рассматривалась как составная часть, «ячейка» общества, существование которой должно служить общественным интересам.

После распада Советского Союза и прекращением контроля со стороны государства за семейной и личной жизнью людей ситуация кардинально изменилась. Заполнившие российское информационное пространство западные книги, фильмы и пресса приносили с собой и новые нормы семейно-брачных отношений.

Под влиянием западной культуры в российском обществе стали распространяться такие явления, как «гражданский брак», «чайлдфри», гомосексуализм и прочие формы брачных и сексуальных отношений, которые были не характерны для советского общества. Известный российский социолог И. Кон дает этой ситуации следующую характеристику: «Новое, неизвестное всегда вызывает страх, особенно у людей, не привыкших к переменам.

Конформистское общество, привыкшее к единообразию и жесткому внешнему контролю и в силу этого не выработавшее индивидуальных, внутренних, дифференцированных и иерархизированных нравственно-эстетических ориентиров — в них практически не было нужды, потому что партия, сама себя скромно провозгласившая „умом, честью и совестью эпохи”, думала и решала за всех вместе и за каждого в отдельности, — оказалось в состоянии морального шока и аномии, отсутствия каких бы то ни было общезначимых норм и правил поведения» [111]. В своих работах Кон также указывает на то, что разрушение норм в сфере брачных и сексуальных отношений было аналогично процессам, происходившим в сфере политики и экономики. Крушение советского режима принесло людям возможность свободно выбирать для себя форму брачных и сексуальных отношений, но эта свобода обернулась, прежде всего, аномией и анархией.

Существенным фактором, способствовавшим развитию аномии в российском обществе, стала утрата доверия к либеральным ценностям в экономике и политике, которые пришли на смену ценностям коммунистического общества.

Анализируя активное принятие народом либеральных ценностей и других элементов западной культуры в начале 90-х гг., несложно прийти к выводу, что люди просто хотели получить западный, комфортный образ жизни. Именно с этим связано было позитивное отношение и к западным ценностям, а вовсе не с тем, что народ принял либеральные ценности, понимая выгоды от их принятия.

На практике оказалось, что демократизация и либерализация предъявляют к каждому члену современного российского общества очень высокие требования, главным из которых является самостоятельная ориентация человека в сложных условиях современной общественной и экономической жизни.

Одной из главных причин кризиса либерализма в России является то, что люди приняли либеральные ценности просто на веру, без их критического осмысления. Идеологи либеральных реформ оказались не в состоянии простыми словами донести суть либеральных ценностей до широких масс населения. Анализируя жизнеспособность постсоветской России, философ А. Ахиезер отмечает, что «Функционирование правительства либерального типа в России столкнулось с серьезными трудностями, основную причину которых следует искать в слабости почвенных сил либерализма» [112, с. 63].

К тому же под либеральными лозунгами к власти пришли люди, представляющие интересы так называемых олигархов. Олигархов же интересовала, прежде всего, возможность передела собственности. В своей статье, опубликованной в газете «Ведомости», М. Ходорковский прямо говорит об этом: «уже избирательная страда 1995–1996 гг. показала, что российский народ отверг либеральных правителей. Мне ли, одному из крупных спонсоров президентской кампании 1996г., не помнить, какие поистине чудовищные усилия потребовались, чтобы заставить российский народ „выбрать сердцем“?!» [113]. Резкое ухудшение качества жизни, падение производства в 90-е гг. вызвало у многих разочарование и в либеральных ценностях, которые были приняты ими некритически, на декларативном уровне. Вместо того, чтобы донести до населения суть либерализма простым и понятным языком, реформаторы-либералы продолжали поддерживать свою власть административными методами.

Для населения становилось все более очевидно, что либеральные ценности используются этими людьми как идеологическое прикрытие передела собственности. М. Ходорковский также отмечает эту тенденцию: «„свобода слова“, „свобода мысли“, „свобода совести“ стремительно превращаются в словосочетания-паразиты. Не только народ, но и большинство тех, кого принято считать элитой, устало отмахиваются

от них: дескать, все ясно, очередной конфликт олигархов с президентом, чума на оба ваши дома» [113].

Важно отметить, что либеральные реформы начала 90-х гг. проводились под руководством демократов, вышедших из КПСС, а не из числа бывших диссидентов. Среди выходцев из КПСС были главные организаторы либеральных реформ: Б. Ельцин, Е. Гайдар, А. Чубайс. Политическое прошлое этих людей не могло не повлиять на применяемые ими методы управления. Известный политолог, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (МГИМО) А. К. Пушков в одной из своих последних публикаций назвал Гайдара и Чубайса необольшевиками. Он отмечает, что названные реформаторы отвергают любую критику в свой адрес, что, безусловно, противоречит принципам либерализма: «дело в том, что „рынок“ у нас строили не либералы, „рынок“ у нас строили новые большевики. Это чисто большевистский подход — не трогайте нас, мы абсолютно правы» [114].

Утрата россиянами доверия к политическим ценностям была существенным фактором аномии в 90-е гг. Ценности патернализма и коллективизма были во многом отброшены населением, а пришедшие им на смену либеральные ценности так и смогли закрепиться, потеряв свою популярность после провала экономических реформ.

Одной из важнейших проблем современного российского общества является демографическая ситуация. Демографические проблемы тесно связаны с произошедшими социальными трансформациями, что убедительно доказывают статистические данные, приведенные на рисунке 12. Демографические проблемы и возникшая депопуляция обусловлены переменами в социально-экономической сфере и соответственно могут служить индикатором происходящих в обществе изменений. Демографические проблемы еще в 90-х Гг. вызывали

большое беспокойство политиков и на сегодняшний день остаются важной темой общественных дискуссий вплоть до освящения их на парламентских слушаниях и в ежегодных посланиях президента. Демографическая ситуация характеризуется показателями рождаемости, смертности и естественного прироста населения, который является разницей между ними. В исследовании аномии важнейшим показателем является уровень браков и разводов.

Рис. 12. Уровень прироста (убыли) населения
(общий коэффициент естественного прироста)

В приведенной ниже диаграмме содержатся основные статистические данные, характеризующие изменение численности населения. Результаты этого изменения характеризуются показателем естественного прироста населения.

Как отчетливо видно из диаграммы, с началом изменений в политике и экономике, вызванных экономическими реформами в начале 90-х гг., резко сокращается показатель естественного прироста

населения. В первые годы правления Б. Ельцина темп социально-экономических и культурных перемен ускоряется вплоть до приемов знаменитой «шоковой терапии». Как показывают цифры приведенной диаграммы, эти резкие перемены сопровождались большим демографическим спадом.

Устойчивое снижение темпов естественной убыли населения можно наблюдать после 2002 года. Это выраженная и последовательная тенденция, и она коррелирует с другими показателями, отражающими наличие в обществе социальной аномии. Наличие такой статистической связи между индикаторами в разных сферах является одним из оснований считать естественный прирост населения индикатором аномии. Начало 2000-х гг. характеризуется общей стабилизацией ситуации в стране. В период с 2002 по 2009 гг. наблюдается устойчивое улучшение демографической ситуации.

Произошедшие в России демографические перемены привлекли внимание и иностранных исследователей. Одним из таких примеров является исследование профессора Американского института предпринимательства Николаса Эберштадта, результаты которого были отражены в книге «Демографический кризис России в мирное время». В книге автор называл Россию старой, больной и бедной [90, с. 1].

Резкое снижение рождаемости и начало депопуляции, совпадающие с началом реформ в экономике и политике, не было обусловлено какими-либо демографическими факторами. В связи с этим можно говорить о том, что причиной естественной убыли населения являются произошедшие социальные трансформации, одним из симптомов которых выступает социальная аномия. К аналогичным выводам пришел и Н. Эберштадт: «Российская Федерация является страной, находящейся во власти аномального для мирного времени демографического кризиса» [90, с. 1]. Эберштадт делал для России очень неутешительный прогноз. По его мнению, население России будет сильно

сокращаться, что заставит Россию даже пересмотреть свое место на международной арене. Однако цифры говорят об устойчивой тенденции к снижению темпов естественной убыли населения.

После 2009 года в России наметились положительные изменения в демографической ситуации. Эти сдвиги стали результатом комплексных мер, направленных на повышение рождаемости, снижение смертности и улучшение качества жизни населения.

Введение материнского капитала в 2007 году стало ключевым стимулом для увеличения рождаемости. После 2009 года программа продолжила свое развитие, охватывая большее число семей.

Дополнительные выплаты и льготы для многодетных семей, а также субсидии на жилье способствовали созданию более благоприятных условий для рождения и воспитания детей.

Снижение младенческой смертности стало возможным благодаря модернизации родильных домов и перинатальных центров.

Программы профилактики заболеваний и повышение доступности медицинских услуг помогли снизить смертность среди взрослого населения.

Рост доходов населения и снижение уровня бедности повысили уровень жизни семей. В обществе усилилось внимание к традиционным семейным ценностям, что также способствовало росту числа браков и рождаемости.

Согласно данным Росстата, в период с 2010 по 2015 гг. численность населения России стабильно увеличивалась. Коэффициент рождаемости достиг своего пика в 2014 году, что свидетельствует о положительном влиянии принятых мер.

Несмотря на достигнутые успехи, демографическая ситуация в России по-прежнему сталкивается с трудностями, такими как старение населения и сокращение численности трудоспособного возраста.

Для дальнейшего улучшения демографии требуется продолжение политики поддержки семей и создание условий для активного долголетия.

Таким образом, меры по улучшению рождаемости, сыграли важную роль в стабилизации демографической ситуации в России. Дальнейшее развитие социальных программ и повышение качества жизни населения будут способствовать поддержанию положительной динамики в будущем.

3.2. Институциональные и технологические возможности профилактики экстремизма в цифровой среде

Главной причиной появления экстремизма как формы девиантного поведения является развитие в обществе процессов социальной аномии. Прделанная в рамках исследования работа по систематизации теории аномии и изучению эмпирического опыта ее измерения позволяет выдвинуть ряд предложений, реализация которых в современном российском обществе будет способствовать снижению уровня аномии. Для достижения этой цели необходимо:

1. Включение индивидов в жизнедеятельность сообщества. Принадлежность к сообществу дает индивиду ощущение включенности в общественную жизнь, способствует усвоению принятых в данном сообществе норм. Феномен сообщества является хорошей альтернативой растущей атомичности современного общества как такового. В российском обществе такими сообществами могли бы выступать религиозные общины, собрания жильцов дома, собрания на уровне муниципалитета, общественные организации.

2. Предпринимать меры для профилактики преступности среди детей и подростков, направленные на предотвращение попадания их

под влияние криминальной субкультуры. Одной из таких мер могла бы стать организация для подростков бесплатных кружков и секций по интересам. Зачастую для подростков элементы криминальной субкультуры заполняют ту пустоту, которая образуется по причине отсутствия жизненных интересов, возможностей самореализации, позитивных примеров для подражания. Несмотря на нарушение малолетними преступниками общепринятых норм поведения, среди них можно наблюдать приверженность к соблюдению различных неформальных правил и следование нормам криминальной субкультуры.

3. Вести работу по координации функционирования рынка труда с рынком образовательных услуг. Подобная работа способна предотвратить ситуацию, когда группы квалифицированных специалистов оказываются не способны найти работу, и происходит их маргинализация.

4. Использовать в частных предприятиях и государственных учреждениях различные программы мотивации труда. Один из главных источников аномии в профессиональной деятельности, по оценкам как отечественных, так и зарубежных исследователей — ощущение, что доходы распределяются несправедливо [53; 115 с. 68]. Применение подобных программ позволит работникам ощутить, что принципы оплаты труда справедливы и честный труд может позволить им достичь своих материальных целей.

5. Проведение праздников, посвященных историческим событиям, дней национальной культуры. Участие в подобных мероприятиях способно помочь ценностно дезориентированным индивидам ощутить свою связь с национальной культурой, причастность к обществу.

6. Создание фильмов и сериалов, в которых положительные герои руководствуются в своих действиях нравственными ценностными убеждениями. В современной России телевизионные фильмы

и передачи во многом способствуют развитию аномии, поскольку часто они посвящены криминальным, шокирующим событиям. Телевидение потенциально способно стать мощным средством профилактики аномии.

7. Использование в системе образования социально-психологических тренингов и курсов с целью обучения индивидов навыкам ориентации в изменяющихся условиях жизни и выбора новой стратегии действий.

8. Реализацию экономических программ, направленных на сокращение разрыва по уровню доходов между богатыми и бедными.

Одним из важных аспектов профилактики экстремизма в цифровой среде является развитие цифрового благополучия. Создание благополучия не только в традиционном социальном, но и виртуальном пространстве является крайне перспективной темой и на данный момент является темой плохо изученной.

Цифровое благополучие — это состояние, когда все группы населения города имеют равный доступ к цифровым технологиям и ресурсам, а также знания и навыки их использования. Цифровая трансформация города должна способствовать увеличению цифрового благополучия путем создания доступных цифровых инструментов и обучения населения их использованию. Это позволит улучшить экономическое, социальное и культурное развитие города и снизить цифровой разрыв между различными группами населения включая молодежь. Молодые люди имеют особые потребности в сфере цифрового благополучия. Прежде всего это потребности в сфере образовательных сервисов и в сфере сервисов по трудоустройству. Подобные программные решения могут стать своего рода помощником для молодых людей, и уменьшить для них чувство социального стресса, который возникает при попытках найти свое место в социальной структуре

Вопросы Цифрового благополучия возникают в процессе активного развития информационных и коммуникационных технологий. 30–40 лет назад человечество вступило в эпоху сети интернет и мобильной связи. Первые мобильные телефоны служили именно для совершения мобильных звонков, а сейчас мобильные телефоны являются венцом миниатюризации и интеграции различных коммуникационных сервисов. Умение пользоваться всеми возможностями и сервисами, предоставляемыми современными информационными и коммуникационными технологиями, стало большим преимуществом, как среди населения, так и на уровне стран. «Если первоначально цифровое неравенство воспринималось как проблема пространственной неравномерности в распределении цифровых (информационных) технологий между странами, регионами [56; 61; 82], то с течением времени исследовательский интерес с технологической составляющей сместился в сторону изучения ИКТ²⁴ с точки зрения социального подхода» [116].

Для снижения негативных последствий цифрового неравенства в обществе Правительство Санкт-Петербурга разработало несколько стратегий информационного развития, которые включают равный доступ к городским сервисам для населения. Вопросы цифрового благополучия легли в основу «Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года»²⁵. Стратегия ориентирована не только на вопросы цифрового благополучия населения Санкт-Петербурга, но уделяет особое внимание вопросам цифровизации в сфере здравоохранения, образования, культуры и искусства, а также

²⁴ Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) — это широкая и динамичная область, объединяющая цифровые технологии в повседневной коммуникации и обработке информации.

²⁵ О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 года : Закон Санкт-Петербурга от 19 декабря 2018 г. № 771-164 (в ред. от 21.12.2022) // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/7800201812250015> (дата обращения: 20.12.2023).

образования. В частности, в рамках приоритета «Комфортный город» рассматриваются вопросы внедрения технологий «Умного города» в части, касающейся пространственного развития и разнообразия городской среды, экологического благополучия, безопасности и мобильности. Закон отмечает важность цифровой грамотности населения, включая понимание своих прав и обязанностей в цифровой среде. То есть фокус сделан не на факт умения пользования цифровыми продуктами и услугами, а именно на безопасность данных действий для самих пользователей с точек зрения цифровой безопасности, вопросов финансовой грамотности, правовой защиты.

Для выполнения вопросов цифровизации в Санкт-Петербурге была принята «Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Санкт-Петербурга»²⁶. Как отметил вице-губернатор Санкт-Петербурга С. В. Казарин: «В 2022 году Комитетом по информатизации и связи была проделана большая работа по актуализации региональной стратегии цифровой трансформации. С целью подготовки новой редакции были получены предложения по корректировке от 42 органов государственной власти Санкт-Петербурга ...»²⁷.

Стратегия цифровой трансформации направлена на реализацию проектов в сферах: образования, здравоохранения, городской среды, транспорта и логистики, государственного управления, социальной сферы, культуры, туризма, строительства, промышленности, физической культуры и спорта. Конкретные примеры реализации данной

²⁶ Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Санкт-Петербурга (утв. Губернатором Санкт-Петербурга 11.10.2022) // Правительство Санкт-Петербурга : [официальный сайт]. URL: https://kis.gov.spb.ru/media/content/docs/5915/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D0%A6%D0%A2_%D0%A1%D0%9F%D0%B1_22-09-2022_%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%BF2.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

²⁷ Попова О. Станислав Казарин: Цифровой Петербург – сервисы и коммуникации. URL: <https://www.it-orld.ru/cionews/71bm4me6sjk00gs0c4gkkgkokwc8c8w.html> (дата обращения: 26.08.2023).

стратегии с точки зрения Цифрового благополучия граждан включают обеспечение охраны персональных данных, внедрение технологий обработки больших данных и искусственного интеллекта в сфере здравоохранения, улучшение мобильности граждан за счет цифровой трансформации сферы общественного транспорта с использованием технологий цифрового двойника, внедрение технологий «Умного города» в сферах ЖКХ и строительства, обращения с отходами и т. п. Реализация этих задач соответствует результатам исследований, выполненным в 2022 году рядом исследователей Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [117], которые выявили секторальных фокус цифровой трансформации и указали технологические тренды, на которые надо концентрировать основные усилия как со стороны органов государственной власти, так и университетами и бизнесом. С высокой вероятностью можно сказать, что такая серьезная работа по разработке и внедрению новых государственных услуг может нести как большие возможности, так и угрозы повышения «цифрового» неравенства в обществе. Анализ исследований в области цифрового благополучия показывает важность восприятия обществом вносимых цифровой трансформацией изменений: «... для изучения цифрового благополучия важно кроме социальных преимуществ оценивать потенциальные риски, в частности риски субъект-средовых отношений, которые, в свою очередь, могут быть связаны с областью психологии, медицины, информационной безопасности, межличностной коммуникации и так далее» [118]. Например, в конце августа 2023 года многофункциональные центры Санкт-Петербурга столкнулись с феноменом ажиотажного спроса на услугу отказа от сбора и хранения биометрических данных. У части жителей Санкт-Петербурга инициатива по упрощению доступа к электронным услугам вызвала прямо противоположный эффект. В начале нового тысячелетия общество уже сталкивалось с противниками введения

идентификационного номера налогоплательщика, который на сегодняшний день стал неотъемлемой частью жизни современного общества. Следует обратить особое внимание феномену отказа от прогрессивных аспектов цифровой трансформации, которые должны внести существенный вклад в дальнейшее развитие информационного общества, а также оказать положительное влияние на Цифровое благополучие общества. Совершенно очевидно, что уже сейчас надо обратить внимание не только на техническую сторону цифровой трансформации, но и на социальные аспекты восприятия данных инноваций, учитывая различные слои населения Санкт-Петербурга. Например, стоит отметить тот факт, что население, соответствующее поколению Z начали использовать телефон с выходом в интернет в 12 лет, в то время как поколение «бэби бумеров» впервые встретила интернет уже во взрослом возрасте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение проблемы генезиса молодежного экстремистского дискурса в цифровом пространстве позволяет сделать вывод о ее существенной актуальности и перспективе дальнейшего изучения. Теорию и практику правоохранительной деятельности необходимо переориентировать на предотвращение возникновения социального зла. Такая стратегия позволит существенно экономить государственные ресурсы, избежать возникновения в будущем социально деструктивных явлений. Помимо этого, ориентация криминологической мысли на серьезную социологическую теорию устраивать всю правоохранительную деятельность на фундаментальных научных основах. В цифровом пространстве правоохранительные органы зачастую представлены слабо, информация об их деятельности передается в искаженном и негативном свете. Понимание развития цифровой коммуникации помимо прочего может помочь в решении данной проблемы.

Вообще в последние десятилетия экстремистский дискурс среди молодежи привлек всеобщее внимание из-за его потенциала социальной дестабилизации и насилия. В контексте России — это явление имеет особое значение из-за сложной социально-политической истории нашей страны, ее этнического разнообразия и продолжающейся борьбы с экстремизмом. Данное исследование представляет собой попытку исследовать молодежный экстремистский дискурс в России, сосредоточив внимание на его эволюции, влияющих факторах и роли цифровых платформ в формировании таких нарративов. Кроме того, были рассмотрены ответные меры правительства и потенциальные стратегии для решения растущей проблемы молодежного экстремизма.

Было выявлено, что экстремизм в России имеет глубокие исторические корни, сформированные различными политическими, религиозными и этническими конфликтами. После распада Советского Союза в 1991 году Россия пережила значительные экономические и социальные потрясения, которые создали благодатную почву для подъема националистических и экстремистских движений. В 1990-е и начале 2000-х гг. Российская Федерация столкнулась с наплывом крайне правых и неонацистских групп, которые в первую очередь преследовали этнические меньшинства, мигрантов и предполагаемых врагов российского государства. В этот период также возникли радикальные исламистские движения, особенно на Северном Кавказе.

В это время участие молодежи в этих движениях начало возрастать, поскольку маргинализированные молодые люди обрели чувство идентичности, общности и цели в экстремистских группах. Постсоветский кризис идентичности, экономическая нестабильность и ослабление государственных институтов способствовали привлекательности таких движений среди молодежи.

В XXI веке динамика молодежного экстремизма в России эволюционировала в ответ на меняющиеся социальные, политические и технологические условия. Российская молодежь становится все более подверженной воздействию экстремистских идеологий как по офлайн-, так и по онлайн-каналам. Факторы, способствующие росту экстремистского дискурса среди российской молодежи, включают экономическое неравенство, отсутствие твердых ценностных установок, политическое влияние недружественных стран. Более того, всплеск антизападных настроений, вызванный геополитической напряженностью, способствовал созданию атмосферы, в которой экстремистские высказывания находят отклик среди той молодежи, которая оторвана от позитивной патриотической деятельности.

Экстремистские нарративы часто вращаются вокруг таких тем, как этническая принадлежность, миграция и религиозный фундаментализм. В некоторых случаях крайне правые группы продвигают идею «Великой России» и выступают за исключение из политического процесса неславянского населения. В других случаях радикальные исламистские группировки используют экономические проблемы мусульманской молодежи, предлагая альтернативную идентичность и чувство цели с помощью экстремистских идеологий.

Развитие социальных сетей и платформ онлайн-общения кардинально изменило ландшафт молодежного экстремистского дискурса в России. Платформы «ВКонтакте», *Telegram* и *YouTube* стали очагами распространения экстремистского контента. Эти платформы обеспечивают среду, в которой единомышленники могут обмениваться идеями, привлекать новых участников и распространять радикальные идеологии с относительной анонимностью.

Российские власти пытались регулировать экстремистский контент в интернете, блокируя веб-сайты и отслеживая активность в социальных сетях. Однако децентрализованный характер интернета и использование приложений для обмена зашифрованными сообщениями затруднили полное пресечение распространения экстремистских материалов. Онлайн-платформы также способствовали появлению новых экстремистских субкультур, таких как движения националистической молодежи и иных радикалов, для которых характерны жестокая риторика и неприятие общественных норм.

Росту экстремистского дискурса среди российской молодежи способствуют несколько социокультурных факторов. Национализм и ксенофобия являются важными движущими силами крайне правого экстремизма, поскольку молодые люди, чувствуя себя оторванными от основного общества, могут обратиться к экстремистским идеологиям как к способу утверждения своей идентичности. Экономические

трудности, особенно в сельской местности и регионах с высоким уровнем безработицы, усиливают чувство обиды и гнева, которые могут быть выражены в экстремистской риторике.

Религиозный экстремизм, особенно в форме радикального исламизма, также набрал силу в некоторых регионах России, особенно на Северном Кавказе. Здесь последствия конфликтов, влияния внешних недружественных сил и экономические проблемы создали почву для радикализации. Радикальные исламские группы часто используют разочарование молодежи, предлагая чувство цели, сопричастности и «божественной миссии», что может быть привлекательным в депрессивных регионах. В депрессивных регионах необходимо прилагать особые усилия для социально конструктивной деятельности по профилактике экстремизма и привлечению молодежи к социально-полезной деятельности.

Молодежный экстремистский дискурс в России — сложное и многогранное явление, формируемое множеством социальных, политических и культурных факторов. Рост цифровых платформ изменил способы распространения экстремистских идеологий, обеспечив большую связность и формирование новых радикальных субкультур. Хотя государство прилагает существенные усилия для противодействия молодежному экстремизму, его стратегии можно сделать существенно эффективнее.

Борьба с молодежным экстремизмом в России требует тонкого подхода, выходящего за рамки карательных мер. Эта проблема требует устранения глубинных причин экстремизма, таких как экономическое неравенство, социальная маргинализация и поиск идентичности. Содействуя большей социальной интеграции, расширяя экономические возможности для молодежи и способствуя диалогу вокруг национальной и этнической идентичности, можно снизить привлекательность экстремистских идеологий среди молодежи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты:

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). – URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/>.

О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ). – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) // СЗ РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом : Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 155.

Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 // СЗ РФ. – 2024. – № 53 (ч. I). – Ст. 8669.

О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года : Закон Санкт-Петербурга от 19 декабря 2018 г. № 771-164 (ред. от 21.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/7800201812250015>.

Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Санкт-Петербурга (утв. Губернатором Санкт-Петербурга 11.10.2022) // Правительство Санкт-Петербурга : [официальный сайт]. – URL: <https://kis.gov>.

spb.ru/proekty/strategiya-v-oblasti-cifrovoj-transformacii-otraslej-ekonomiki-socialnoj-sfery-i-gosudarstvennogo-up/.

Литература:

1. Ковалев М. М. Образование для цифровой экономики // Цифровая трансформация. – 2018. – № 1. – С. 37–42.

2. Кисленко И. Ю. Южная теория: существует ли социология за пределами западного канона? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 1. – С. 226–244.

3. Семенов В. Е., Алексеев И. Н. Центры и фигуры влияния православного Санкт-Петербурга 1990-х годов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. IV, № 3. – С. 159–170.

4. Барсукова С. Ю., Звягинцев А. В., Лаптиева Л. С., Сафиуллина Э. И. Мотивы участия молодежи в избирательных кампаниях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 4. – С. 300–318.

5. Резанова З. И. Институциональная и личностная презентация национально-культурной идентичности в интернет-коммуникации: жанровые формы и дискурсивные стратегии // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 375. – С. 33–41.

6. Дорошенко О. М. Экстремизм как актуальная проблема современности: социально-педагогическая сущность. // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 2. – С. 322–325.

7. Станкевич Г. Религия и современный политический процесс // Власть. – 2009. – № 12. – С. 89–92.

8. Индикаторы цифровой экономики : 2022 : статистический сборник / Абдрахманова Г. И., Вишневский К. О., Гохберг Л. М. [и др.]. – Москва : НИУ ВШЭ, 2023. – 332 с.

9. Tapscott D. Grown up Digital: How the Net Generation is Changing Your World. – New York : McGraw-Hill, 2008.

10. Eberstadt N. Russia's Peacetime Demographic Crisis: Dimensions, Causes, Implications // The National Bureau of Asian Research. – Seattle, Washington, 2010. – 336 p.
11. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Стратегия Беби Бумеров. – Москва : Синергия, 2017. – 256 с.
12. Ахмедов М. Н. Проблема самоидентификации «Свой – чужой – другой» при формировании толерантности в молодежной среде // Ученые записки. – 2018. – № 4 (28). – С. 8–10.
13. Комаровский В. С. Образ будущего России глазами молодежи : монография. – Москва : Аспект Пресс, 2021. – 224 с.
14. Кон И. С. Сексуальная культура в России. – Москва : АСТ, 2018. – 464 с.
15. Кривошеев В. В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. – № 3. – С. 57–67.
16. Пак Н. И. Ментальный подход к цифровой трансформации образования // Открытое образование. – 2021. – Т. 25, № 5. – С. 4–14.
17. Зеленков М. Ю. Социально-экономические факторы как источник преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2018. – № 2 (16). – С. 54–58.
18. Андреева Л. Ряховский В. Межконфессиональные отношения. Православие, протестантизм и стратегия устойчивого развития России в начале XXI века // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3. – С. 143–152.
19. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. – Москва : ИНФРА, 1999. – 262 с.
20. Шариков А. В. О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – Т. 14, № 1. – С. 87–98.

21. Пищик В. И. Ментальность поколений в текущей современности. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 150 с.
22. Переход к рынку / Явлинский Г. А., Задорнов М. М., Михайлов А. Ю., Петраков Н. Я. [и др.]. – Москва : ЭПИцентр, 1990. – 432 с.
23. Курочкин А. В. «Открытое правительство» как новая модель управления в условиях сетевого общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2013. – № 4. – С. 86–93.
24. Булгаков С. А., Романов А. Б. Феномен «шутинга»: нештучные риски // Защита и безопасность. – 2022. – № 1 (100). – С. 31–32.
25. Мертон Р. Социальная структура и аномия / пер. с фр. Е. А. Самарской ; ред. перевода М. Н. Грецкий // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – Москва : Прогресс, 1966. – С. 299–313.
26. Семенов В. Е. Социология религии и современная религиозность // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. IV, № 3. – С. 177–188.
27. Мчедлова М. М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. – 2009. – № 12. – С. 77–84.
28. Токтарова В. И. Цифровая грамотность: понятие, компоненты и оценка // Вестник Марийского государственного университета. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 165–177.
29. Agnew R. Pressured into Crime: An Overview of General Strain Theory. – Los Angeles : Roxbury Pub., 2006. – 238 p.
30. Буткевич С. А. Идеология терроризма и экстремизма: явные и скрытые угрозы // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 88–93.
31. Петрянин А. В., Новичихин Н. И. Понятие, признаки и виды экстремизма в законодательстве и правовой доктрине : монография / под ред. В. В. Дорошкова. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2013. – 184 с.

32. Толстикова И. И., Игнатъева О. А., Кондратенко К. С., Плетнев А. В. Цифровое поведение и характеристики личности поколения Z в условиях глобальной цифровизации // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2020. – № 4. – С. 103–115.
33. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер. с фр. А. Н. Ильинского ; под ред. В. А. Базарова. – Москва : Мысль, 1994. – 399 с.
34. MacIver R. M. The Ramparts We Guard. – New York : Macmillan, 1950. – 152 p.
35. McCloskey H. Schaar J. H. Psychological Dimensions of Anomy // American Sociological Review. – 1965. – Vol. 30, №. 1. – P. 14–40.
36. Gilster P. Digital Literacy // New York : Wiley. – 1997. – 276 p.
37. Palfrey J., Gasser U. Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives. – New York : Basic Books, 2008. – P. 20–24.
38. Пищик В. И. Ментальность поколений: психологические исследования : монография. – Ростов-на-Дону : Издательство РО ИПК и ПРО, 2010. – 199 с.
39. Харрисон М. Стабильны ли командные системы? Почему потерпела крах советская экономика? // Экономическая история. Обзорение. – 2001. – Вып. 6. – С. 120–141.
40. Tutton R. Sociotechnical Imaginaries and Techno-Optimism: Examining Outer Space Utopias of Silicon Valley // Science as culture. – 2020. – Vol. 30, № 3. – P. 1–24.
41. Taylor C. Alienation and Community // Universities and Left Review. – 1959. – № 5. – P. 11–18.
42. Ходорковский М. Б. Кризис либерализма в России // Ведомости. – 1992. – 29 марта. – № 52.
43. Tsahuridu E. E. Anomie and ethics at work // Journal of Business Ethics. – 2006. – № 69 (2). – P. 163–174.

44. Travis R. The Mos Alienation Scale: An Alternative to Srole's Anomia Scale // *Social Indicators Research*. – 1993. – № 28 (1). – P. 71–91.
45. Феофанов К. А. Социальная аномия: обзор подходов в американской социологии. // *Социологические исследования*. – 1992. – № 5. – С. 86–92.
46. Powell E. H. Occupation, Status, and Suicide: Toward a Redefinition of Anomie. // *American Sociological Review*. – 1958. – Vol. 23, № 2. – P. 131–139.
47. Lyons S. T., Schweitzer L., Urick M. J., & Kuron, L. A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace // *Journal of Intergenerational Relationships*. – 2019. – Vol. 17, № 1. – P. 1–24.
48. Srole L. Social integration and certain corollaries: an exploratory study // *American Sociological Review*. – 1956. – № 21. – P. 709–716.
49. Poole R.W., Jr. Stocks Populi. A Privatization Strategy // *Policy Review*. – 1988. – № 46. – P. 24–29.
50. Miller C. R., Butler E. W. Anomia and Eunomia: A Methodological Evaluation of Srole's Anomia Scale // *American Sociological Review*. – 1966. – № 31. – P. 400–406.
51. Marcus J., Ceylan S., & Ergin C. Not So “Traditional” anymore? Generational shifts on Schwartz values in Turkey // *Journal of Cross-Cultural Psychol.* – 2017. – Vol. 48, № 1. – P. 58–74.
52. Рабжаева М.В. Семья в русском обществе: исторический и социокультурный анализ // *Общество и гендер : материалы летней школы, г. Рязань, 1–12 июля 2003 г. / сост. и ред. Н. А. Блохина. – Рязань : Поверенный, 2003. – URL: [http://www. gendercent.ryazan.ru/school/rabzhaeva1.htm](http://www.gendercent.ryazan.ru/school/rabzhaeva1.htm).*
53. Jilek W. G. A quest for identity: therapeutic effects of the Salish Indian guardian spirit ceremonial // *J. Op. Psychiat.* – 1977. – P. 46–51.

54. Jilek W.G. Salish Indian Mental Health and Culture Change: Psychohygienic and Therapeutic Aspects of the Guardian Spirit Ceremonial. – Toronto : Holt, Rinehart & Winston, 1974. – 131 p.
55. Riesman D., Reuel D., Glazer. N. New Haven // Yale University Press. – 1950. – 386 p.
56. Гоголева С. Д. Коммуникативная роль СМИ: на примере профилактики семейно-бытового насилия // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2021. – Т. 6, № 1. – С. 92–99.
57. Садриева А. Д., Глухова Е. О. Влияние информации на проявление девиантного поведения // Базис. – 2023. – № 1 (13). – С. 37–40.
58. Смирнов П. И. Слово о России : Беседы о российской цивилизации. – Санкт-Петербург : Химиздат, 2004. – 324 с.
59. Carter E. Carter M. A Social Psychological Analysis of Anomie Among National Football League Players // International Review for the Sociology of Sport. – 2007. – № 42 (3). – P. 243–270.
60. Tsahuridu E. E. An Exploration of Factors Affecting Work Anomia // Journal of Business Ethics. – 2011. – № 99. – P. 297–305.
61. Говоров К. Подведены итоги деградации России за 16 лет // Академия Тринитаризма : электронный журнал. – 2010. – Публ.16002.
62. Bartlett J., Miller C. The Edge of Violence: Towards Telling the Difference Between Violent and Non-Violent Radicalization // Terrorism and Political Violence. – 2012. – Vol. 24, is. 1. – P. 1–21.
63. Садлер У., Джонсон Т. От одиночества — к аномии. // Лабиринты одиночества : Перевод с английского /сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. – Москва : Прогресс, 1989. – ULR: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/loneano1.htm>
64. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. – New York : Morrow, 1991. – 538 p.
65. Фридинский С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и

криминологическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Фридинский Сергей Николаевич. – Москва, 2011. – 42 с.

66. Лаврикова А. А. Политическое участие молодежи в условиях неопределенности: тенденции и перспективы // Управление устойчивым развитием. – 2021. – № 2. – С. 63–68.

67. Российский статистический ежегодник : Статистический сборник. – Москва : Росстат, 1993–2023.

68. Римский А. В., Лысенко В. А. Специфика экстремизма: политико-правовые и философские определения // Наука. Искусство. Культура. – 2023. – № 1 (37). – С. 115–126.

69. Захаров Н. Л. Воровство и льготы в структуре трудового поведения // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 67–72.

70. Пушков А. К. Гайдар и Чубайс это необольшевики // Русская линия : [сайт]. – URL: http://www.rusk.ru/news_rl/2010/01/29/aleksej_pushkov_gajdar_i_chubajs_eto_neobolsheviki/.

71. Passas N, Agnew R. The future of anomie theory // Northeastern University Press. – 1997. – 240 p.

72. Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a Comprehensive Model of Terrorist Radicalization / M. Pfundmair, E. Aßmann, B. Kiver, M. Penzkofer, A. Scheuermeyer, L. Sust, H. Schmidt // Terrorism and Political Violence. – 2019. – Vol. 34, № 1. – P. 1–23.

73. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – Москва : АСТ, 2003. – 608 с.

74. Филина О. Россия, которую мы убываем // Огонек. – 2010. – № 36. – С. 16–17.

75. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. – Москва : Академический Проект, 2000. – 496 с.

76. Dodder R. A. On the unidimensionality of Srole's five-item anomia scale // Sociological review. – 1965. – № 30. – P. 768–778.

77. Зеленков М.Ю. Криминологическая специфика фундаментализма как идеологии религиозного экстремизма // Исследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. – № 4. – С. 36–41.

78. Кылышбаева Б. Н. Проблематика идентичности в теории структуризации Э. Гидденса // Наука и новые технологии. – 2012. – № 5. – С. 140–143.

79. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – Москва : Гнозис, 2003. – 280 с.

80. Бушев А. Б. Англоязычный и русскоязычный дискурс экономического кризиса // Индустрия перевода. – 2013. – № 1. С. 156–161.

81. Мурзина Ю. С., Позняков В. П. Цифровое поведение и личностные особенности интернет-пользователей // Социальная и экономическая психология. – 2018. – Т. 3, № 3 (11). – С. 6–21.

82. Глухов А. П. Социально-сетевая коммуникативная компетентность как элемент цифровой грамотности поколения Z // Научно-педагогическое обозрение. – 2020. – № 1 (29). – С. 129–136.

83. Плетнев А. В. Аномия молодого поколения как фактор изменения образования в условиях цифрового общества // Научное мнение. – 2022. – № 9. – С. 27–33.

84. Бабич Н. С. К вопросу о точной формулировке «теоремы Томаса» // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 11 (91). – С. 42–47.

85. Груздева М. А. Цифровое благополучие населения региона: подходы к оценке // Проблемы развития территории. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 130–144.

86. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / пер. Е. Д. Руткевич. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с.

87. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Москва : Издательство политической литературы, 1965. – Т. 41. – 728 с.

88. Ланда Р. Г. Причины и факторы радикализации ислама // Ислам на современном Востоке / отв. ред. В. Я. Белокреницкий, А. З. Егорин. – Москва : Крафт+, 2004. – С. 189–199.

89. Черкасова И. П. Метаконцепт «изменение климата» в современном медиадискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 8-2. – С. 184-189.

90. Nettler G. A Further Comment on “Anomy” // American Sociological Review. – 1965. – Vol. 30, № 5. – P. 762–763.

91. Толстикова И. И., Игнатъева О. А., Кондратенко К. С., Плетнев А. В. Фиджитализации поколения Z : Обзор исследований и подходов в Китае и России // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2024. – № 7. – С. 76–92.

92. Толстикова И. И., Игнатъева О. А., Кондратенко К. С., Плетнев А. В. Blended learning поколения Z: технология возможностей // International Journal of Open Information Technologies. – 2021. – Т. 9, № 12. – С. 90–98.

93. Remennick L. Review: The “Terra Incognita” of Russian Sex: Seven Decades of Socialism and the Morning after // The Journal of Sex Research. – 1996. – Vol. 33, № 4. – P. 383–387.

94. Реформа по Гайдару 500 дней спустя. – Москва : Экспертный институт, 1993. – 58 с.

95. Лукаш А. В. Цифровое поколение в контексте социально-экономических нарративов // Инновационная экономика и общество. – 2022. – № 4 (38). – С. 134–142.

96. Зеленков М. Ю., Тюриков А. Г. Ментальная модель формирования духовного интеллекта индивида в контексте процессов радикализации современной молодежи // Социодинамика. – 2021. – № 9. – С. 11–26.

97. Зеленков М. Ю. Экзистенциальные потребности молодежи как источник преступлений экстремистского характера // Российский следователь. – 2018. – № 5. – С. 52–56.

98. Фуко М. Психиатрическая власть : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 450 с.

99. Dohrenwend B. P. Egoism, Altruism, Anomie, and Fatalism: A Conceptual Analysis of Durkheim's Types // American Sociological Review. – 1959. – Vol. 24, №. 4. – P. 466–473.

100. Ferlander S. The Internet, Social Capital and Local Community. Doctoral Dissertation // Department of Psychology, University of Stirling. January 2003. – 378 p. – URL: <https://www.crdlt.stir.ac.uk/Docs/SaraFerlander PhD.pdf>.

101. Панфилова А. О. Ценностные ориентации населения Приморья // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 117–120.

102. Безносюк Е. В. Психопатология современной культуры // Психотерапия. – 2003. – № 9. – С. 21–28.

103. Кривошеев В. В. Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 93–97.

104. Покровский Н. Е., Иванченко Г. В. Универсум одиночества : социологические и психологические очерки. – Москва : Логос, 2008. – 426 с.

105. Туркиашвили Ш. А., Горозия В. Е. Понятие аномии и попытки его модификации // Человек: соотношение национального и общечеловеческого : сборник материалов международного симпозиума, г. Зугдиди, Грузия, 19–20 мая 2004 г. / под ред. В. В. Парцвания. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – Вып. 2. – С. 249–258.

106. Басова Е. А. Цифровое неравенство российских регионов: современные проблемы и пути преодоления // Вопросы территориального развития. – 2021. – Т. 9, № 4. – С. 1–17.

107. Сухомлин В. А. Открытая система ИТ-образования как инструмент формирования цифровых навыков человека // Стратегические приоритеты. – 2017. – № 1. – С. 70–81.

108. Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Психология и Бизнес : [сайт]. – URL: <https://www.psych.ru/library/2581>.

109. Самаркина И. В. Представления о своей стране в системе гражданской идентичности школьников новых российских регионов // Политические институты и процессы в России в условиях современной международно-политической напряженности : сборник материалов научно-практической конференции Донецкого регионального отделения РАПН ко Дню политолога в Донецком государственном университете, г. Донецк, 12 сентября 2023 г. – Донецк : Донецкий государственный университет, 2023. – С. 184–188.

110. William A. Democratization and Political Change as Threats to Collective Sentiments: Testing Durkheim in Russia // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2006. – Vol. 605. – P. 82–103.

111. Ламберт А. О значении политической географии и особом положении России в Евразии // Вестник ученых-международников. – 2020. – № 4 (14). – С. 10–19.

112. Аномия современного общества: проблемы теоретического анализа и эмпирического измерения / Берендеев М. В., Дыханов В. Я., Зиза Е. Н., Кривошеев В. В. ; ред. В. В. Кривошеев. – Калининград : Издательство РГУ им. И. Канта, 2008. – 238 с.

113. Agnew R. Foundation for a general strain theory of crime and delinquency // Criminology. – 1992. – Vol. 30, № 1. – P. 51–56.

114. Сакаев В. Т. Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе // Антиномии. – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 45–72.

115. Зоркая Н. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения. – 2009. – № 2. – С. 66–85.

116. Гаврилова А. В. Социально-психологические особенности ментальности «Нового поколения» // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2016. – Т. 26, № 2. – С. 58–63.

117. Кублановский Ю. Поверх разборок // На обратном пути : Стихи и статьи. – Москва : Русский миръ, 2006 . – С. 378–407.

118. Зеленков М. Ю. Социальные проблемы воспитания российского общества как источник экстремизма // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2018. – № 1 (15). – С. 43–48.

Научное издание

Плетнев Александр Владиславович,
кандидат социологических наук

**ИССЛЕДОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО
ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА
В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

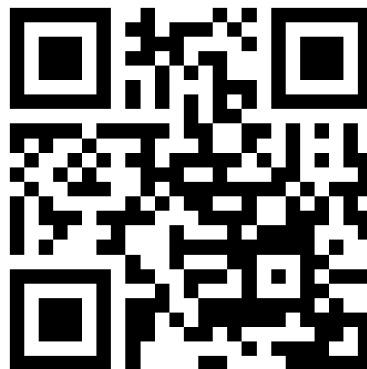
Монография

Редактор *Артамонов Р. Е.*
Компьютерная верстка *Артамонов Р. Е.*

ISBN 978-5-91837-966-0

EDN: NFZTPO

Подписано в печать 20.05.2025. Формат 60×84^{1/16}

Печать цифровая. Объем 10 п. л. Тираж 50 экз. Заказ № 13/25.

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1